

Яицкое войско

до появления Пугачева *).

Глава II.

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войскѣ полагаютъ, что казаки первоначально взволновались вслѣдствіе передачи ихъ изъ вѣдѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи. Такого мнѣнія держались Пушкинъ, Рябининъ, Анучинъ и другіе. Они говорятъ, что казаки, опасаясь за свою свободу, начали волноваться, зажгли Яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ Киргизскія степи, но въ это время подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись казаковъ и усмирить ихъ. Такое мнѣніе принадлежитъ къ области догадокъ. Нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и междоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда Яицкіе казаки находились въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ Захарова, къ казакамъ являются уже фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностію кладутъ первыя сѣмена раздора среди Яицкаго войска. Появленіе фискаловъ и сыщиковъ на берегахъ быстрого Урала объясняется слѣдующими обстоятельствами, возникшими среди самихъ казаковъ.

Въ старину, въ Яицкомъ войскѣ бывали такіе случаи, что нѣкоторые казаки, промотавшись, надѣлавши долговъ, или спасаясь отъ кары за преступленія, словомъ «заворовавши», бѣжали съ Яика и, являясь въ города къ Русскимъ воеводамъ, особенно въ Казань, дѣлали доносы на атамановъ, ихъ совѣтниковъ, а иногда и на все Яицко-казацкое войско. Такихъ доносчиковъ, когда они снова являлись на Яикъ, казаки, по рѣшенію войсковаго круга, предавали смертной казни, а со временъ Петра Великаго, по войсковому же приговору, высылали во внутренніе города Россіи съ лишеніемъ званія и правъ казака. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что такіе доносы бывали нерѣдки. Въ 1717 г. Григорій Меркурьевъ, войсковой атаманъ, былъ вынужденъ послать къ Казанскому губернатору, Петру Самойловичу Салтыкову (какъ это значится въ справкѣ изъ дѣлъ Казанской Губернской Канцеляріи, отъ 16 Февраля того же года) отписку, въ которой, между прочимъ, гово-

*) См. выше стр. 273.

казнить смертію и, вмѣсто смерти, ~~тѣхъ ѣи~~ ~~не~~ ~~ихъ~~ казаковъ ссылають въ Русь; и оныя, заворовавши, приносятъ доношеніе на ихъ войско ложно и обносятъ всякими неправдами, хотя видѣть государеву вотчину въ раззореніи; и чтобы имъ казакамъ, которые заворовавши бѣгають и войскомъ за воровство ихъ ссылаются вмѣсто смерти въ Русь,—не вѣрить» ¹⁾).

Сюда относится доносъ или, какъ значитъ въ дѣлѣ, «извѣтъ» Яицкаго казака Ивана Карташева на атамана Григорія Меркурьева, который потомъ первый изъ Яицкихъ атамановъ назначенъ былъ въ атаманы войска по царскому указу, а при Аннѣ Ивановнѣ сдѣланъ пожизненнымъ атаманомъ, пока не былъ смѣненъ за злоупотребленія. Извѣтъ Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиною внутренняго разстройства, упадка и преобразованія Яицкаго войска послѣ Петра Великаго; поэтому необходимо передать въ существенныхъ чертахъ это дѣло.

Одновременно съ тѣмъ, какъ полторы тысячи Яицкихъ казаковъ отправились съ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хивинскую экспедицію, такое же число ихъ было командировано съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ въ Украинскій походъ, подъ команду боярина Петра Матвѣевича Апраксина. Въ составѣ этого отряда находился и знаменщикъ Карташевъ. На походѣ, близъ города Изюма или въ самомъ Изюмѣ, Карташевъ и еще другой Яицкій же казакъ Старченковъ «явились въ нѣкоторыхъ тамо преступныхъ дѣлѣхъ». Объ этомъ дошло до свѣдѣнія главнаго начальства. Старченковъ былъ схваченъ, подвергнутъ розыску и пытанъ, а Карташевъ бѣжалъ. По возвращеніи казаковъ на Яикъ, о побѣгѣ Карташева сдѣлалось извѣстно всему войску. За побѣгъ со службы виновный наказывался у казаковъ смертію, къ которой его и приговорили. Но, благодаря своему раскаянію, просьбѣ и заступничеству одного знатнаго и уважаемаго родственника, бывшаго атаманомъ, Карташевъ былъ прощенъ, при чемъ войско обязало его заслужить свои вины, держать себя «во всякомъ смиреніи и противъ Яицкихъ казаковъ претительныхъ словъ отнюдь не говорить». Не смотря на такое снисхожденіе войска и свое обязательство, Карташевъ, вскорѣ послѣ этого, бѣжалъ въ Казань, откуда снова явился на Яикъ, вѣроятно, съ цѣлью побольше и точнѣе собрать нужныя ему свѣдѣнія. За этотъ послѣдній побѣгъ, по приговору войсковаго круга, онъ былъ изверженъ изъ войска и сосланъ въ «Русь» ²⁾, съ лишеніемъ званія и правъ казака. Прибывъ снова въ Казань, Карташевъ явился въ Казанскую Губернскую Канцелярію и сдѣлалъ доносъ на войсковаго атамана,

¹⁾ Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1869 г. № 40.

²⁾ Это выраженіе «въ Русь» сохранилось доселѣ и употребляется казаками, когда они съ рыбою или другимъ извозомъ отправляются внутрь Россіи; иногородныхъ жителей они называютъ «Расейскіе».

- ..., такихъ онъ, «ко ста...» и по совѣту М-твѣя
Бородинъ товарищи, написавъ и...
1) «Стан. ...»
2) Есаулъ Иванъ Явильевъ, ...
3) Казаки: Никита Зѣвакинъ, ...
4) Герасимъ Погадаевъ (впослѣдствіи а...
5) Герасимъ Логиновъ, ...
6) Степанъ Дементьевъ,
7) Андрей Яковлевъ,
8) Никифоръ Бородинъ,
9) Василій Будановъ,
10) Меркурій Заровскій,
11) Василій Азовскій,
12) Семенъ Пудовкинъ,
13) Дмитрій Витошновъ и
14) Михаилъ Горшковъ.

Сущность доноса состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его приверженцы не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю Александру Даниловичу Меншикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной стороны совѣтовали имъ это сдѣлать, сторона Меркурьева грозила «перебить ихъ смертію» и отобрать ихъ имущество; взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 рубл., Меркурьевъ, по совѣту казака Федора Силишникова, приказалъ всѣхъ являющихся на Яикъ бѣглыхъ людей принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣлалось прежде. Въ Январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ всѣхъ, кто «похвалится ѣхать въ Казань или другіе города о чемъ бить челомъ Государю, приказалъ побивать до смерти». Въ то же время Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ объ оставленіи бѣглыхъ на Яикѣ. Такимъ образомъ Меркурьевъ и его соумышленники, по доносу Карташева, представляются сторонниками людей бѣглыхъ, прищлыхъ на Яикъ. Въ доносѣ Карташева, между прочимъ, говорится и о томъ, что осенью 1717 г. Меркурьевъ отправилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ Татаръ; но какъ зовутъ тѣхъ Татаръ и съ какою цѣлью они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, нѣтъ-ли у нихъ какаго злаго умысла и согласія съ Хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «мы-де найдемъ и другую воду» ³⁾ и т. п.

Въ подтвержденіе своего доноса, Карташевъ выставилъ свидѣтелями «старинныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сего бывали атаманами, а нынѣ-де они на Яикѣ знатные люди и вѣрные слуги». По показанію Карташева это были слѣдующіе 8 человекъ:

- 1) Матвѣй Мионовъ (крестный отецъ Карташева),
- 2) Петръ Оадѣевъ,

³⁾ Тамъ-же № 40, стр. 5.

Такимъ образомъ на Яикѣ, по доносу Карташева, существовало двѣ противныхъ стороны: одна Григорія Меркурьева и другая, меньшая числомъ, сторона знатныхъ казаковъ, бывшихъ атаманами, имѣвшая во главѣ Матвѣя Миронова, или: Меркурьевцы и Мионовцы.

Вслѣдствіе этого доноса, въ 1718 году, изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, съ порученіемъ взять и привезти съ собою какъ атамана Меркурьева, такъ и Миронова съ ихъ сторонниками. Наумовъ, явившись на Яикъ, въ сопровожденіи Самарскаго дворянина, Тихона Волкова, не упустилъ случая воспользоваться своимъ положеніемъ: взявъ съ казаковъ 200 р. деньгами «да харчемъ и питьемъ на 60 р. и 10 алтынъ», и подѣлившись съ Волковымъ, онъ отправился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ, Мионовымъ и ихъ сторонниками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели, въ числѣ 37 человекъ, были сданы Наумовымъ въ повѣтье подъячему Ѳедору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ «на падкою 200 р. да харчемъ и одеждою на 100 р., кромѣ 20 р., взятыхъ съ казака Перфиля Никифорова». Вскорѣ Сухарева смѣнилъ его братъ, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки должны были отдать едва ли не послѣдніе 10 р. ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Карташевъ заткалъ ту сѣть, въ которой очутились потомъ многіе Яицкіе казаки. Чтобы выпутаться изъ нея, они должны были платить деньгами, харчемъ, одеждою разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, являвшимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву, Петербургъ.

Въ Мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани на Яикъ поручикъ Егоръ Кротковъ, съ цѣлю розысковъ по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 Апрѣля того же года, и съ тою же цѣлю, явились въ Яицкій городокъ: фискаль Михаилъ Путиловъ, Самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подъячихъ, Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, прикащикъ помѣщика Никифора Маркова, и нѣкоторые другіе, да отъ Казанскаго архіерея священникъ Семенъ. Казаки едва ли могли быть довольны подобными наѣздами слѣдователей и сыщиковъ: приходилось кормить и дарить ихъ совсѣмъ понапрасну. Сыщики распоряжались на Яикѣ безотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни. Вотъ что, между прочимъ, извѣстно о ихъ дѣйствіяхъ въ Яицкомъ городкѣ.

Явившись въ Яицкій городокъ, Кротковъ началъ допрашивать казаковъ, когда кто изъ нихъ пришелъ на Яикъ, и если кто заявлялъ,

⁴⁾ Тамъ-же № 47, стр. 7.

что лѣтъ 20, 30 и 40, такихъ онъ, «во ета» и по совѣту Матвѣя Мухоморова и атамана Никиты Бородину товарищи, напечатавъ и въ 2600 человекъ бѣглыхъ 700 солдатъ, приказалъ атаману Бородину отдать въ полки, а указа никакого не объявилъ»⁵⁾. Женъ и дѣтей тѣхъ казаковъ, которые погибли съ Бековичемъ въ Хивѣ, Кротковъ отбиралъ себѣ, показавъ ихъ своими бѣглыми крестьянами; а тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣливались заявлять, что они природные казаки и никогда не были его крестьянами, приказывалъ казнить смертію. Тоже дѣлали знакомые и друзья Кроткова изъ дворянъ, и «отъ того учинилось Яицкому войску великое разореніе, и многіе дома запустѣли». Съ наступленіемъ весны и очищеніемъ Урала отъ льда, у казаковъ должно было начаться весеннее рыболовство, въ которомъ состояло для Яицкаго войска главное, если не единственное средство къ существованію. Между тѣмъ, Кротковъ и фискаль Путиловъ, забравъ всѣхъ, и большихъ и малыхъ, на сѣзжій дворъ, продолжали свои допросы и розыски. Казаки, опасаясь лишиться залова рыбы, вынуждены были дать Кроткову взятку. Получивъ 200 р., Кротковъ отпустилъ ихъ на рыболовство. Кромѣ того, Кротковъ собралъ съ казаковъ, въ разное время, деньгами, лисьими мѣхами, лошадьми и т. п. на 206 р. 31 алтынъ и 4 деньги. Въ числѣ взятокъ Кроткова, между прочимъ, значится: «съ казачьей жены Анны Филиповой 5 р., у казака Дмитрія Макарова азбуку скорописную золотомъ въ рубль, и не заплатилъ за сдѣланныя ему работы». Впослѣдствіи на допросахъ казаки также показали, что, «по его же Кроткова нападкѣ и велѣнію, дано фискалу Путилову 200 р., дворянину Евдокимову 5 р., да ему же съ казачьей вдовы Елены Черновой банныхъ денегъ рубль»⁶⁾, да подъячимъ—одному 50 р., другому 20 р., да всѣмъ имъ вмѣстѣ харчемъ, питьемъ, за подводы, на сѣно и на дрова, дано 200 р. и 12 алтынъ». Исчисляя взятки фискала Путилова, казаки, между прочимъ, показали, что Путиловъ не пощадилъ и вдовы Варвары Семеновой, отнявъ у нея послѣдніе 23 алтына и 2 деньги. Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ взятокъ и поборовъ натурою и деньгами, казаки заплатили еще подъячимъ особо 13 р., 16 алт. и 4½ д., да Путилову 11 р.

Изъ полутораста тысячъ казаковъ, отправленныхъ Бековичемъ въ Хивинскій походъ, 33 человека бѣжали и снова явились на Яикъ. Казаки, переловивъ своихъ братьевъ, донесли о нихъ Казанскому губернатору, который приказалъ войску «учинить надъ бѣглецами судъ на Яикѣ, по ихъ казачьему обыкновенію». Мы уже знаемъ, что за побѣгъ со службы казаки подвергали виновныхъ смертной казни. Поэтому четверо изъ бѣжавшихъ, на страхъ другимъ, были преданы смерти, а остальныхъ «били въ рычажья». Кротковъ приказалъ всѣхъ этихъ казаковъ розыскать и держать подъ арестомъ

⁵⁾ Тамъ-же № 47.

⁶⁾ Въ лѣтнее время бани было запрещено топить, но старшины и другія должностныя лица не стѣснялись этимъ и свободно топили свои бани, когда хотѣли.

взялъ ихъ, въ селѣхъ ихъ раздалъ зна-
комымъ помѣщикамъ, а друтихъ—въ солдаты; отцовъ же, матерей,
женъ и дѣтей этихъ казаковъ захватилъ себѣ, дома ихъ продалъ, а
пожитки и деньги также забралъ себѣ. Кромѣ того, Кротковъ за-
хватилъ до 40. человекъ прѣзжихъ людей изъ лавокъ и немало ка-
заковъ, для исполненія писарской обязанности, и «тѣмъ учинилъ
войску великую изневагу», такъ какъ помянутымъ писарямъ войско
должно было платить по багренью ⁷⁾ и по два, а багренье продава-
лось у нихъ по 4 рубля.

Фискаль Путиловъ также не упускалъ ни одного случая, гдѣ толь-
ко можно было придратъся къ казакамъ и поживиться на счетъ ихъ
кармана. Казакъ Аѳанасій Назаровъ (впослѣдствіи разстрѣлянный
по приговору войсковаго круга), порядочно задолжавъ живучи «въ
прикрытьѣ», подалъ Путилову доношеніе, въ которомъ значилось,
что нѣсколько человекъ Яицкихъ казаковъ, отпущенныхъ къ Кал-
мыкамъ для мѣны про свой обиходъ лошадей, взяли съ собой сколь-
ко-то свинцу и пороху. Путиловъ приказалъ этихъ казаковъ нагнать
и произвести у нихъ обыскъ; не смотря на то, что у казаковъ не
оказалось ни свинцу, ни пороху, фискаль держалъ ихъ въ степи двѣ
недѣли, требуя выкупа. Казаки, опасаясь попасть въ руки баранда-
чей и потерять свой скарбъ и людей, вынуждены были дать Путило-
ву 100 р., послѣ чего и получили свободу. Вообще все содержаніе
коммиссіи Кроткова на Яикѣ, по исчисленію казаковъ, въ теченіи
3-хъ мѣсяцевъ, стоило войску 1500 р., за исключеніемъ 260 р., дан-
ныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчьей шубы въ 20 р. и 2-хъ
кумачей, взятыхъ съ казаковъ Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ,
прѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 году съ указомъ о крестьянахъ кня-
зя Меншикова, а въ слѣдующемъ году сопровождавшимъ въ Яиц-
кій городокъ Наумова.

Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ
еще только начинался! Нужно замѣтить, что вообще лица, являвшія-
ся на Яикъ съ цѣлю розыска, получали содержаніе, освѣщеніе и
отопленіе отъ казаковъ. Всѣ расходы подобнаго рода должны были
записываться, для взысканія впослѣдствіи съ виновныхъ, по рѣше-
ніи дѣла; но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные,
сколько невинные.

Между тѣмъ, поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою при-
своивъ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, прибылъ въ Казань и
представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую Гу-
бернскую Канцелярію, которая препроводила это дѣло, вмѣстѣ съ
извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманами Меркурьевымъ и Филимоно-
вымъ и нѣкоторыми казаками, въ Преображенскій Приказъ, куда всѣ
эти лица и прибыли 28 Августа 1720 года, и вскорѣ препровождены въ
Астрахань, а отсюда колодниковъ переслали снова на Яикъ, въ сопро-
вожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова.

⁷⁾ О багреньѣ будетъ сказано дальше.

даковъ, которые и теперь тамъ. Воейковъ почему-то ждалъ извѣстїи хани указа въ отвѣтъ на свое письмо, содержаніе котораго основывалось на слухахъ, полученныхъ Воейковымъ отъ Волжева, который сообщалъ ему, будто атаманъ Бородинъ просилъ его передать коменданту, чтобы онъ на Яикъ не ѣздилъ для розысковъ, такъ какъ казаки подвѣдомы Иностранной Коллегіи. Въ виду этихъ соображеній Воейковъ и не рѣшился воспользоваться казачьей станицею, съ которою бы онъ могъ отправиться на Яикъ.

Между тѣмъ поручикъ Кустовъ, находившійся въ Яицкомъ городкѣ, писалъ станичному атаману Сумкину, чтобы онъ оставилъ Воейкову изъ числа станичныхъ казаковъ людей для сопровожденія его на Яикъ, о чемъ просилъ Сумкина и самъ Воейковъ; но Сумкинъ отказалъ, ссылаясь на полученное «отъ войскового атамана съ товарищи» письмо, въ которомъ значилось, чтобы Воейкову проводниковъ не давать и ему на Яикъ не ѣздить, «понеже Яицкіе казаки Астрахани неподсудны, указовъ Астраханскаго губернатора слушать не будутъ и къ розыску не пойдутъ». Раздраженный такимъ отвѣтомъ, Воейковъ приказалъ схватить казака Ивана Лукьянова, чтобы отправить его въ Астраханскую Губернскую Канцелярію, какъ главнаго подстрекателя станичныхъ казаковъ; но атаманъ Сумкинъ, во главѣ 200 казаковъ, бросился отнимать Лукьянова, осыпая Воейкова бранью и угрожая побоями. Казаки, чтобы выручить своего собрата, готовы были взяться за ружья. Воейковъ поспѣшилъ сѣсть въ лодку и удалился, захвативъ съ собою и Лукьянова. Такимъ образомъ слухи, сообщенные Воейкову Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, оправдались. Впрочемъ если бы не трусость Воейкова, онъ могъ-бы отправиться на Яикъ безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ Волковымъ и станичнымъ атаманомъ Сумкинымъ, такъ какъ два гонца отъ Кустова—одинъ къ Сумкину и другой къ Воейкову (съ извѣстіемъ, что Каракалпаки и Калмыки дѣлаютъ въ улусахъ порохъ и ружья) свободно проѣхали съ Яика на Волгу¹¹⁾. Схваченный и арестованный Воейковымъ казакъ Лукьяновъ отправленъ былъ въ Астрахань, въ сопровожденіи солдатъ, писчика Степана Солодовникова и Татарина, присланнаго отъ Кустова. На пути Лукьяновъ подговорилъ солдатъ и бѣжалъ съ ними на Яикъ, подъ защиту войска.

10 Юля 1720 г., изъ Сената въ Астраханскую Канцелярію, къ генералъ-аудитору Кикину, послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось всѣ слѣдственные и сыскныя дѣла о Яицкихъ казакахъ представлять въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ: «понеже именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ велѣно вѣдать оныхъ казаковъ въ той Коллегіи». Астраханская Губернская Канцелярія 17 Сентября сообщила объ этомъ Воейкову, присовокупивъ, что ему ни писать къ станичному атаману Сумкину, ни ѣздить къ казакамъ на Батрацкую пристань, а тѣмъ болѣе ловить и арестовать ихъ не слѣдовало, а что нужно-бы давно отправиться на Яикъ для производства розыс-

¹¹⁾ Ур. Войск. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.

дѣлу Карташевѣ «пониже» долговъ и т. п. и т. д. Янкъ непремѣнно, посланъ въ портъ ея Кустовъ. Въ солдаты пребываютъ безъ жалованья, также и ссоряющіеся при немъ поручикъ Татары пришли въ крайнее раззореніе и убытокъ, лошадей своихъ испродали и впредь положеннаго на нихъ ясаку платить нечѣмъ» и т. п., и что все это «впредь возьмется на немъ, Воейковъ» ¹²⁾.

Въ тоже время Астраханская Канцелярія предписала Яицкому войску, чтобы оно во всемъ было послушно Воейкову, такъ какъ онъ отправляется туда вслѣдствіе распоряженія Преображенскаго Приказа, а 20 Ноября того же года посланъ на Янкъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы войско во всемъ безпрекословно повиновалось маіору Воейкову.

Пока производилась эта переписка, Воейковъ отправилъ на Янкъ подъячаго Попова, который долженъ былъ объявить войску указъ Астраханской Канцеляріи о послушаніи ему. Поповъ, прибывъ въ Яицкій городокъ, вскорѣ сообщилъ Воейкову, что когда онъ читалъ указъ въ войсковомъ кругу, то Григорій Меркурьевъ и другіе казаки заявили, что они подвѣдомы Иностранной Коллегіи, а не Астраханскому губернатору, и чтобы маіоръ Воейковъ для розыску на Янкъ не ѣздилъ; казакъ же Θεодоръ Рукавишниковъ прибавилъ: «долго-ли еще розыщикамъ въ казачій городокъ ѣздить и ихъ разорять? что онъ, Рукавишниковъ, пойдетъ къ Его Императорскому Величеству и будетъ бить челомъ имянно, дабы онаго розыску не было; понеже Царское Величество вѣдаетъ его имянно и не промѣняетъ на лучшаго генерала». Далѣе Поповъ сообщаетъ, что Рукавишниковъ въ его присутствіи что-то шепталъ многимъ казакамъ на ухо и три дня сряду, являясь въ войсковой кругъ, выбиралъ въ челобитчики, кого захочетъ, имѣя при себѣ для обороны челоуѣкъ до двадцати вооруженныхъ казаковъ.

Почти одновременно съ этимъ поручикъ Кустовъ извѣщалъ Воейкова, что Рукавишниковъ просилъ въ кругу, чтобы ему дали желѣза сковать поручика и солдатъ, называя его, Кустова, чертомъ и мошенникомъ ¹³⁾.

Обо всемъ этомъ Воейковъ не замедлилъ донести генералъ-аудитору Кикину. Вслѣдъ затѣмъ, Яицкое войско увѣдомило Воейкова, что изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ Казанскому губернатору Салтыкову прислана грамота, которой ему предписывалось произвести слѣдствіе по дѣлу Карташева и «учинить указъ»; но что Салтыковъ, отклонивъ отъ себя это дѣло, велѣлъ войску бить челомъ Иностранной Коллегіи, чтобы дѣло о Карташевѣ и объ офицерахъ, бравшихъ съ казаковъ взятки, было рассмотрѣно тамъ, почему войско и отправило въ Петербургъ выборныхъ съ челобитьемъ. Вскорѣ Воейковъ получилъ новое доношеніе отъ Попова, который писалъ, что казаки продолжаютъ стоять на своемъ: «если маіоръ Воейковъ поѣдетъ къ намъ съ розыскомъ, то мы всѣмъ войскомъ

¹²⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 9-я.

встрѣтимъ его у укавремъ мѣ. Воейковъ и почему (Истимъ).
Вмѣстѣ съ этимъ Поповъ извѣщаетъ Воейкова, что Яицкимъ атаманъ,
Матвѣй Мироновъ, находится у казаковъ подъ карауломъ; и что
его уже три раза приводили въ кругъ и приговаривали къ смертной
казни, «понеже-де онъ, Мироновъ, имъ воспрещалъ во всякихъ про-
тивностяхъ, которыя они чинили указамъ».

Поповъ препроводилъ также къ Воейкову «извѣтъ съ Яику на
Рукавишникова съ товарищи отъ казаковъ Ивана Елисѣева и Аеа-
нася Назарова», содержавшихся тамъ подъ арестомъ. Елисѣевъ
показалъ, что онъ въ 1719 году подалъ Казанскому губернатору
за царственною печатью ¹⁴⁾ доношеніе на Яицкихъ казаковъ, поиме-
нованныхъ въ самомъ доношеніи; вслѣдствіе чего Елисѣевъ былъ
отправленъ изъ Казани въ Астрахань съ Яицкимъ атаманомъ,
Игнатѣемъ Мусатовымъ и есауломъ Гаврилою Старцевымъ, которые,
по совѣту атамана Никиты Бородина, привезли Елисѣева «воровски»
на Яикъ «къ убійству, и били въ кругу смертнымъ убійствомъ и
спрашивали, что написано у него за царственною печатью, и при-
говаривали разъ подь-двадцать казнить»; и что казаки, которые
«съ Яику ушли уходомъ» — челобитчики они или доносчики — по воз-
вращеніи изъ Петербурга, возмутили все войско, заявивъ, что будто
«канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ войску Яицкому прика-
залъ, кто скажетъ за собою царское слово или дѣло, и такихъ-де
людей не объявляйте, а сами казните, кто будетъ доносить».

Аеанасій Назаровъ заявилъ, что онъ въ томъ же 1719 г. подалъ
Казанскому губернатору доношеніе объ укрывательствѣ Яицкими
казаками бѣглыхъ солдатъ и другихъ «причинныхъ» людей; и что
по тѣмъ его доношеніямъ такіе люди сысканы, и причинный чело-
вѣкъ Сибирянинъ Иванъ Прянишкинъ битъ кнутомъ, и опредѣлили
его на старое жилище жить; а которые явились солдаты, подпра-
порщикъ Василій Константиновъ, Самаряне: Михайло Чумаковъ,
Михайло Мелентьевъ да Иванъ Дехтеревъ, отпущены были, по ихъ
просьбѣ, въ прежнія мѣста жительства. Но возмутители, Ѳедоръ
Рукавишниковъ, Трифонъ Новиковъ и Макаръ Коловертинцевъ, по-
ставили ихъ въ казаки, сказывая въ войсковомъ кругу, что имъ
Царь изъ своихъ устъ приказалъ опять принимать людей всякихъ
чиновъ, кто чей и откуда бы ни былъ. Въ извѣтѣ Назарова также
упомянуто, что его доношеніе хранится въ станичной избѣ, а его,
Назарова, бьютъ и хотятъ казнить, оболгавъ взятками, и что онъ
находится съ Елисѣевымъ подъ однимъ арестомъ. Воейковъ, полу-
чивъ этотъ извѣтъ, копію съ него препроводилъ въ Астрахань.

Такимъ образомъ, изъ этой переписки видно, что Воейковъ, не
рѣшаясь ѣхать самъ, посылалъ отъ себя на Яикъ разныхъ подѣ-
ячихъ, писалъ на Яикъ Кустову, въ Астрахань къ Волынскому и

¹⁴⁾ Переметный уметъ находится въ 20 верстахъ отъ Уральска на Сѣверо-
западъ.

¹⁵⁾ Печать царства Казанскаго, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ.

да ~~Угловъ~~ Рукавишникова—казаки Коловерти ~~и~~ и Новиковъ съ товарищи; что Рукавишниковъ отправляясь въ Петербургъ, взялъ самовольно 800 рѣблей войсковыхъ денегъ и 50 казаковъ, и приказалъ всему войску не пускать Воейкова въ ихъ городокъ, а «для подтвердительства въ томъ» оставилъ на Яикѣ своихъ совѣтниковъ, Новикова и Коловертинцева. Далѣе казаки показали, что войско во всемъ слушаетъ его, Рукавишникова, и его совѣтниковъ, дѣйствуя согласно ихъ желаніямъ, и потому казаки единогласно положили въ своемъ кругу: «все конечно его, Воейкова, въ казачій городокъ не пускать». Воейковъ обо всемъ этомъ донесъ Волынскому и Кикину, присовокупивъ, что Рукавишниковъ—бѣглый съ каторги ¹⁷⁾. Онъ уже умалчиваетъ объ опасностяхъ проѣзда на Яикъ, но замѣчаетъ, что «за тою противностью казаковъ, малолюдствомъ пріѣхавъ на Яикъ, оному розыску изслѣдовать въ существо невозможно, понеже у нихъ въ казакахъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ и другихъ всякаго чина пришлыхъ людей умножилось, и посланныхъ указовъ не слушаютъ». Впрочемъ Воейковъ, помня замѣчаніе Астраханской Канцеляріи, сдѣланное ему относительно голодавшихъ на Яикѣ солдатъ Кустова ¹⁸⁾, въ Январѣ слѣдующаго года отправилъ на Яикъ подъячаго Ив. Акимова съ хлѣбнымъ запасомъ и, наконецъ, вслѣдъ за нимъ рѣшился отправиться самъ.

Казаки, въ числѣ 200 человекъ, встрѣтили Акимова за двѣ версты отъ Яицкаго городка, обозъ съ хлѣбомъ остановили, а самого Акимова подъ карауломъ привели къ станичной избѣ. Затѣмъ собранъ былъ войсковой кругъ, на которомъ постановлено: «хлѣбнаго запаса въ городъ не допускать и вошикамъ сѣна для ихъ лошадей не продавать». Акимовъ былъ отпущенъ къ обозу, а на городскихъ воротахъ и валу поставленъ караулъ, который никого не долженъ былъ пропускать въ городъ. Вскорѣ къ обозу прибылъ и самъ Воейковъ. «Для сущаго увѣренія», онъ поѣхалъ было въ городъ; но казаки, въ числѣ уже 500 человекъ, съ ружьями, пиками и бунчуками, вышли къ нему на встрѣчу. Воейковъ послалъ спросить, почему они не хотятъ пустить его въ городъ, и требовалъ, чтобы съ отвѣтомъ явились къ нему старшины и есаулъ. Атаманъ Ив. Ивановъ, Никита Зѣвакинъ, Григорій Меркурьевъ и ихъ соумышленники отвѣчали, что они есаула и старшинъ посылать не желаютъ, а его, Воейкова, въ городъ не пустятъ. Между тѣмъ, поручикъ Кустовъ, находившійся въ городѣ, извѣстилъ Воейкова, что казаки всѣхъ его солдатъ изъ квартиръ выгнали и самого его высылаютъ изъ города. Воейковъ, въ отвѣтъ на это, приказалъ Кустову, забравъ колодниковъ и дѣла, выйти съ солдатами къ нему въ степь. Кустовъ такъ и сдѣлалъ, но привелъ съ собою только двоихъ колодниковъ, Ив. Карташева и Ѳедора Бухарева, прочихъ же казаки не дали; не дали и лошадей, чтобы вывезти вещи Кустова за городъ. Вслѣдъ за

¹⁷⁾ Этого, какъ увидимъ, Рукавишниковъ впоследствии, на допросахъ въ Военной Коллегіи, не призналъ.

¹⁸⁾ Отъ 17 Сентября 1720 г.

этимъ, казаки, отъ имени всего войска, написали Воейкову, что они не пускаютъ его въ городъ и не идутъ подъ рознь къ нему потому, что у нихъ съ нимъ ^{у него} ~~какая~~ ссора, и что они послали въ Петербургъ съ челобитьемъ на него «во всякихъ его на-
логахъ на нихъ», а также просили въ челобитной и о томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ было рассмотрѣно и разобрано въ Петербургѣ. Получивъ такой отвѣтъ, Воейковъ не хотѣлъ дальше оставаться въ виду Яицкаго городка и возвратился въ Сызрань, потравивъ, по словамъ казачьей челобитной, казачьи сѣна и разоривъ конскія стойла по р. Чагану, при урочищѣ Чувашскіе Усады и у Краснаго Колка, гдѣ казаки находились на звѣриной охотѣ. 19 Января 1721 г., Воейковъ донесъ о своей Яицкой поѣздкѣ Астраханской Канцеляріи, откуда уже были посланы указы ему и Кустову, которыми предписывалось, чтобы колодники изъ Яицкихъ казаковъ содержались въ Сызранской канцеляріи; а 21 Января того же года Астраханская Канцелярія донесла въ Преображенскій Приказъ, въ Коллегію Иностран-
ныхъ Дѣлъ и въ Сенатъ объ упорствѣ и неповиновеніи казаковъ, представивъ при этомъ и копіи съ донесеній Воейкова и Кустова.

Между тѣмъ, казаки, озлобленные непомѣрными и непрерывными взятками отъ наѣзжавшихъ къ нимъ чиновниковъ и фискаловъ изъ Казани и Самары, съ цѣлю розыска, арестами казаковъ, пріѣзжавшихъ на Батрацкую пристань, а также, желая, вѣроятно, запугать Воейкова, въ началѣ Декабря 1720 г., послали двѣ челобитныя въ Петербургъ, гдѣ въ это время находился съ зимовой станицею атаманъ Рукавишниковъ, на имя котораго и были отправлены челобитныя. Казаки писали Рукавишникову, что если онъ получитъ отъ Государя и его канцлера, графа Головкина, грамоту о ихъ войсковыхъ нуждахъ, то прислалъ бы ее скоро. Настаивая на томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ разбиралось въ Петербургѣ, казаки думали, что лучше заплатить одинъ разъ, чѣмъ кормить голодныхъ комиссіи, пріѣзжавшія къ нимъ на Яикъ, и потомъ платить въ Казани, Астрахани, Самарѣ, Сызранѣ, платить и въ столицѣ, когда слѣдствіе по розыску поступитъ туда на рассмотрѣніе. Въ милостивцахъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имъ были знакомы, а обычные презенты съ рыбою и икрою отъ войска могли довершить это дѣло. Такой ходъ дѣлу о Карташевѣ далъ Рукавишниковъ, который съ этою цѣлю и отправился въ Петербургъ, во главѣ зимовой станицы. Чиновники того времени не только отличались крайнею жадностью, но и особеннаго рода искусствомъ въ изобрѣтеніи средствъ и поводовъ для взятокъ. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году, Самарскій дворянинъ Волковъ, присланный на Яикъ, для приведенія казаковъ къ присягѣ царевичу Алексѣю Петровичу, взялъ за это съ нихъ 600 р., угрожая удержать ихъ отъ предстоявшаго рыболовства. Впрочемъ, подобное случилось и гораздо позже: чуть не полвѣка спустя, Екатерина въ своемъ указѣ, изданномъ чрезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, противъ взятокъ, говоритъ о своемъ «содроганіи», когда узнала, что за приводъ къ присягѣ ей въ вѣрности, и притомъ съ бѣднаго народа, чиновники брали

изъ отъ унбѣйской
зайственныхъ рѣкъ—казаки Коловерти и Новиковъ
лова и другихъ дооросовѣны въ слѣдователи; въ Петербургъ, взявъ
на Яикъ, по дѣлу Карташева.

Атаманъ Рукавишниковъ, который сталъ теперь во главѣ ходатаевъ за казаковъ, отличался замѣчательной энергіей, здравой Русской смѣлкой и преданностью войску. Происходя, по свидѣтельству Воейкова, изъ Сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ предшественникомъ извѣстнаго впоследствии своей неукротимостью и способностями, сподвижника Пугачева, Хлопуши. Онъ скоро пріобрѣлъ великое вліяніе въ Яицкомъ войскѣ: казаки не разъ отправляли его отъ войска въ зимовую станицѣ въ Петербургъ и, благодаря этому, безграмотный Рукавишниковъ узналъ всякія нужныя вещи и всѣ подходы, а впоследствии, какъ увидимъ, сдѣлался лично извѣстенъ Петру Великому. Войско всегда покорно и послушно относилось къ нему, уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная перемѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ имѣлъ такую силу въ войскѣ, что и въ его отсутствіе, по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы предавали смертной казни тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ почему-либо онъ считалъ вредными для войска¹⁹⁾. Понятно, что, при такомъ значеніи Рукавишникова среди войска, бунтъ казаковъ, если бы онъ дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ Пушкинъ и за нимъ повторили другіе, не могъ бы быть неизвѣстенъ и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ маленькаго Яицкаго городка.

Въ описываемое нами время Рукавишниковъ, отправляясь въ Петербургъ, имѣлъ въ виду и другія нужды войска, изъ которыхъ главною была—возобновленіе царской «владѣнной» грамоты войску на р. Яикъ со всѣми впадающими и выходящими изъ него «рѣки и протоки», грамоты, оригиналъ которой сгорѣлъ въ пожаръ, бывшій между 1680—1690 годами и уничтожившій почти весь Яицкій городокъ. Въ эту-то поѣздку въ Петербургъ, Рукавишниковъ далъ и извѣстное показаніе о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, приведенное Рычковымъ, въ его «Топографіи Оренбургской губерніи». Тогда же онъ подалъ и челобитную слѣдующаго содержанія.

Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій!

Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ (тому будетъ лѣтъ съ сорокъ), били челомъ мы, нижеименованные, Вамъ Царскому Величеству: за прежнія наши рабовъ твоихъ службы чтобъ Ваше Царское Величество пожаловалъ бы насъ, рабовъ твоихъ, что на которой мы, раби твои, рѣкѣ Яикѣ за Вашу Царскаго Величества волю набрались на житье вольными людьми, пожаловалъ бы насъ, рабовъ твоихъ, тою помянутою рѣкою Яикомъ съ вершинъ и до устья, и

¹⁹⁾ Ур. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 31; слич. № 44.

этимъ, казаки, отъ имени всего войска, написали ~~на~~^{на} не пускають его въ городъ и не вѣдутъ н^а нашего рабовъ тому, что ч^и нихъ ~~Государей~~^{Государей} на помянутыя рѣчки во владѣніе грамоты, а намъ рабамъ твоимъ тою помянутою рѣкою Яикомъ владѣть съ вершинъ и до устья, съ рѣчки и протоки, такожь которыя и въ тѣхъ рѣчкахъ и протокахъ бѣгутъ воды и со всѣми угодами, а другихъ городовъ обывателямъ тою помянутою рѣкою съ рѣчки и протоки и со всѣми угодами, Самарянамъ и Сибирянамъ и прочихъ городовъ людямъ, Башкирцамъ и Калмыкамъ, рыбы не ловить и другихъ промысловъ и учуговъ не запираеть, и другихъ обидъ не чинить,—кромѣ насъ рабовъ твоихъ, никому не велѣно. И въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ (тому будетъ лѣтъ тридцать и болѣе) волю Божією, церковь соборная, такожь и Войсковая наша Изба, сгорѣли, и въ то пожарное время въ помянутой избѣ которыхъ присланные отъ Вашего Величества грамоты о владѣніи нашей рѣчки Яику и о другихъ нашихъ казачьихъ дѣлахъ погорѣли. И увѣдомившись о томъ, въ прошломъ ²¹⁾ году, градскіе Самарскіе жители, Калмыки и Башкирцы, что помянутая у насъ, рабовъ твоихъ, владѣнная грамота сгорѣла, въ томъ намъ, рабамъ твоимъ, Самаряне, и Башкирцы, и Калмыки чинятъ изневажество немалое и владѣютъ нашими рѣчками и протоками и всѣми угодами; такожь Калмыки въ Яикѣ рѣкѣ рыбу ловятъ и учуги запирають. И противъ той помянутой на насъ, рабовъ твоихъ, обиды съ вышеписанными Самарянами, съ Башкирцами и Калмыками противиться стало не по чему. Да въ прошлыхъ же, Государь, съ 701 году и по нынѣшній 702-й годъ, Калмыцкіе владѣльцы, а именно Добжа и дѣти его Лобжай Ибай ²²⁾, да владѣлецъ Алегбей, творять намъ, рабамъ твоимъ, изневажество немалое: въ Яикѣ рѣкѣ рыбу въ міровыхъ мѣстахъ ловятъ и табунами своими съ нашихъ урочныхъ мѣстовъ рыбу сгоняють, и учуги запирають, и сѣнные наши покосы табунами травятъ, изъ-подъ города нашего воровски скотину всякую отгоняють, и ударомъ на насъ, рабовъ твоихъ, бьютъ, и во всемъ насъ раззоряють. А противъ ихъ Калмыцкаго воровства съ ними безъ твоего Царскаго Величества указу противиться не смѣемъ. Да къ нимъ же помянутымъ владѣльцамъ прїѣзжаютъ воинскіе люди Каракалпакскіе и Киргизы человекъ по двѣсти и по триста, и опые владѣльцы безъ Вашего Царскаго Величества указу съ ними мирятся, и живутъ у нихъ владѣльцевъ въ улусѣхъ ихъ помянутые непріятельскіе люди мѣсяца по два и по три, и тѣхъ помянутыхъ владѣльцевъ улусные ихъ люди подводятъ тѣхъ непріятельскихъ людей подъ твои Государевы города и уѣзды и подъ насъ, рабовъ твоихъ, и опые непріятельскіе люди вотчинѣ твоей Государевой и намъ, рабамъ твоимъ, чинятъ раззореніе немалое: конскіе табуны и скотиные безпрестанно отгоняють и насъ, рабовъ твоихъ, въ полонъ берутъ, и на смерть побиваютъ. А какъ опые воинскіе люди къ нимъ, владѣльцамъ, прїѣзжаютъ и отъ нихъ отъ улусовъ отъѣзжаютъ, и намъ, рабамъ твоимъ, про нихъ вѣдомости никакой не учиняють. Всемилостивѣйшій Государь! Просимъ Вашего Величества, вели, Государь, намъ, рабамъ твоимъ, за службы наши по

²⁰⁾ Въ Урал. В. Вѣд. (1869 г., № 33), откуда мы заимствуемъ эту челобитную, сказано, вмѣсто: „текутъ рѣчки“, тянуть рѣчки“.

21) Далје одно слово не разобрано и потому пропушено.

22) Не слѣдуетъ ли читать „Лобжай и Бай“?

Сенатѣ, и въ 1721 году, когда на Яикѣ поиски кончились ничѣмъ. Челобитная важна въ томъ отношеніи, что она можетъ служить исторически-вѣрнымъ опроверженіемъ тѣхъ нелѣпыхъ толковъ, которые въ настоящее время распространены на Уралѣ. Сущность этихъ толковъ заключается въ томъ, будто «владѣнная» грамота на р. Яикъ, полученная войскомъ отъ царя Михаила Теодоровича, сохранилась доселѣ и бережется, какъ величайшая тайна, у кого-то изъ казаковъ. Вѣра въ существованіе этой «владѣнной» у нѣкоторыхъ казаковъ до того сильна, что многіе рѣшались пожертвовать имуществомъ, званіемъ и правами казака и отправлялись въ Аму-Дарьинскій край, въ надеждѣ возвратиться на берега роднаго Яика и зажить привольно старинною жизнію, когда защитница «владѣнная» изъ сокровенныхъ тайниковъ своихъ попадетъ въ руки верховной власти. Главными распространителями толковъ о «владѣнной» были казаки Гузиновъ и Стяговъ, которые и получили должное возмездіе, — оба сосланы въ Сибирь. Подъ вліяніемъ ихъ среди казаковъ распространились толки о томъ, что «владѣнная» на р. Яикъ не сгорѣла, какъ думаютъ другіе, а что она была спасена во время пожара дьякономъ Архангело-Михайловскаго собора, гдѣ будто она хранилась; что этотъ дьяконъ, умирая, передалъ ее другому, обязавъ подъ клятвою не казать никому, кромѣ самого Государя, и притомъ непосредственно; что «владѣнная» эта хранится въ особомъ чугунномъ футлярѣ, зарытомъ въ землю и т. п. Объ этихъ толкахъ мы лично слышали отъ одного урядника Уральскаго войска, который также сообщилъ намъ, что на волненіе казаковъ особенно сильное вліяніе имѣли женщины-казачки.

Въ 1721 году атаманъ Рукавишниковъ, находившійся съ зимовой станицей въ Петербургѣ, получилъ отъ войска новую челобитную, въ которой казаки, жалуясь на взяточничество и произволъ сыщиковъ, просили Государя «послать для подлиннаго розыску къ нимъ на Яикъ отъ своея пресвѣтлыя державы изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ своихъ, кромѣ Казанскихъ офицеровъ, розыскать». Рукавишниковъ подалъ челобитную въ Сенатъ, а вслѣдъ затѣмъ состоялся указъ, въ силу котораго челобитчики должны были явиться къ Государю. Выслушавъ внимательно казаковъ, Петръ пожаловалъ ихъ саблями и благодарилъ, что они «не дали раззорить его Государеву вотчину, Яицкое войско и, не допустили до напраснаго кровопролитія».

Глава III.

Мы уже знаемъ, что Яицкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикъ былъ присланъ для розыска кто-либо «изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыя державы Государя». Вслѣдствіе этого, 30 Іюня 1721 г., В. Коллегія положила отправить на Яикъ полковника Ерголь-

приготовивъ ему особую инструкцію; но поѣздка Ергольскаго на Яикъ съѣхъ въ отъѣздъ и отправленіе полковника Ив. Вас. Болтинскаго, почему-то не состоявшееся, послѣдовавшее 1го Января 1722 г. рѣшилось отправить на Яикъ, для производства слѣдствій по доносу Карташева, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ «заполошенныхъ» (сверхкомплектныхъ) майора Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова²⁵⁾. Всѣ бумаги, касавшіяся Яицкаго войска по доносу Карташева, были препровождены изъ В. Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабынинымъ, которому приказано отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія дѣла; Тарабынину были подчинены и Казанскіе подъячіе. Полковникъ Захаровъ обязывался: 1) предъ отъѣздомъ изъ Казани, въ присутствіи губернатора принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискаль Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствія представить въ В. Коллегію экстрактъ; 4) въ случаѣ же ихъ упорства или заpiresательства, «пытать накрѣпко», особенно фискаля Путилова, если будутъ ясны улики; 5) которые и послѣ пытокъ не сознаются, взять ихъ на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи на Яикъ, не приступая еще къ слѣдствію, атамана, старшинъ и казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствія по доносамъ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если дѣло дойдетъ до пытокъ, «пытать накрѣпко»; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногородныхъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) произвести перепись казаковъ; 10) составить именныя списки ихъ и прислать въ В. Коллегію «за своею рукою»; 11) запретить казакѣмъ принимать бѣглыхъ, подъ опасеніемъ смертной казни; 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ В. Коллегію и оставаться на Яикѣ до полученія особаго указа; 13) уведомить В. Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ В. Коллегіи деньги 300 рублей «держать съ запискою и росписками имянно»; бумагу, чернила, свѣчи и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикѣ изъ Войсковой Избы; 15) на отправленіе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ опредѣленное число лошадей; 16) квартиры на Яикѣ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объявивъ послѣднимъ, что всѣ расходы, необходимыя для

²⁵⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 45 и 1870, № 44. Это тотъ самый Коробовъ, который сопровождалъ Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

этого, взысканы будутъ съ виновныхъ. Вотъ въ существѣнныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, которая заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Въ виду сего самому Захарову и Протасову, а также и остальнымъ по сей инструкціи вышеписанныхъ В. Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не наговя, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда» ²⁶⁾.

5-го Октября 1722 года майоръ Протасовъ, капитанъ Коробовъ и 28 казаковъ станичниковъ приглашены были въ В. Коллегію и здѣсь приведены къ присягѣ. Изъ всего числа присягавшихъ казаковъ грамотныхъ оказалось только пятеро, которые и подписались за всѣхъ, въ томъ числѣ за двоихъ атамановъ и троихъ есауловъ, такъ-какъ и эти почтенныя лица оказались безграмотными ²⁷⁾. Надобно полагать, что при этой присягѣ находился и мулла, потому что въ числѣ присягавшихъ казаковъ былъ Татаринъ Тлюнбетъ, за котораго приложена Киргизская тамга, а затѣмъ слѣдуетъ подпись: «къ сей роспискѣ вмѣсто Тлюнбета Татарина по его велѣнію Федоръ Березинъ знамя подписалъ».

По принятіи присяги, Протасовъ и Коробовъ, въ силу резолюціи В. Коллегіи, немедленно должны были отправиться въ Казань, къ полковнику Захарову и вручить ему инструкцію, какъ поступать съ виновными во время слѣдствія, а также обстоятельный экстрактъ изъ дѣла по доносу Карташева и сто рублей денегъ на отправленіе курьеровъ и другіе расходы. Всѣ лица, замѣшанные Карташевымъ въ дѣло, станичные атаманы и казаки, также должны были отправиться въ Казань «безъ всякаго мотчанія». Съ этою цѣлію Крѣпостно-Коммиссаріату велѣно купить или нанять особое судно и отправить колодниковъ въ Казань, въ сопровожденіи капральства солдатъ Московскаго гарнизона, выдавъ имъ, кромѣ заслуженнаго жалованья, провіанту и денегъ впередъ на два мѣсяца. По прибытіи въ Казань, проводники-солдаты должны были поступить въ составъ Казанскаго гарнизона, а на ихъ мѣсто велѣно опредѣлить изъ новыхъ рекрутъ.

Между тѣмъ, Крѣпостно-Коммиссаріатъ сообщилъ Военной Коллегіи, что судна или струга, требуемаго для отправленія колодниковъ, въ Коммиссаріатѣ нѣтъ, а если и есть суда, то они куплены, по распоряженію Военной Коллегіи, для перевоза «мундира и аммуниціи въ Низовый корпусъ, и ни на какую дачу ни Протасову, ни Коробову и на покупку судна денегъ въ Коммиссаріатъ ни откуда не прислано». При этомъ Крѣпостно-Коммиссаріатъ ссылается на царскій указъ и опирается

²⁶⁾ Инструкція подписана княземъ Александромъ Меншиковымъ, Лефортомъ и еще троими, фамиліи которыхъ трудно разобрать.

²⁷⁾ Безграмотность не служила казаку препятствіемъ къ тому, чтобы выдвинуться заслугами и занять почетное мѣсто въ войскѣ; такъ, Герасимъ Погадаевъ и Григорій Меркурьевъ, будучи безграмотными, были однимъ изъ лучшихъ войсковыми атаманами.

о Б. Коллегіи постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полковника ²⁸⁾ Протасова, что въ запискахъ вълегорые не имѣли ни помѣстій, ни вотчинъ, тогда какъ въ Протасова по справкѣ оказалось 16 крестьянскихъ дворовъ. Руководясь этими соображеніями, Кругъ-Коммиссаріатъ, въ отвѣтъ на промеморію В. Коллегіи объ отпускѣ Протасову и прочимъ лицамъ денегъ, 20 Сентября, сообщилъ В. Коллегіи, что Протасову слѣдуетъ выдать деньги изъ Штатс-Канцеляріи на счетъ той губерніи, при полкахъ которой онъ служилъ ²⁸⁾. Между тѣмъ, въ В. Коллегіи денегъ на лицо оказалось только 10 рубл., 11 алтынъ и 4 деньги; почему В. Коллегія сочла нужнымъ спросить Кругъ-Коммиссаріатъ, сколько тамъ въ наличности денегъ, присланныхъ «на дачу Донскимъ казакамъ»; по справкѣ оказалось, что къ 22-му Сентября этихъ денегъ было 6,393 руб. 20 коп. Затѣмъ, 24-го Сентября, В. Коллегія опредѣлила выдать полковнику Захарову на посылку курьеровъ и другія нужды, вмѣсто ста, 300 рублей, полагая, что безъ этой суммы ему, во время розыска, обойтись невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, В. Коллегія предписала Кругъ-Коммиссару выдать эти деньги изъ вычетныхъ ²⁹⁾ денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе В. Коллегіи; но Кругъ-Коммиссаріатъ 9-го Октября донесъ, что «выдать не изъ чего», представивъ при этомъ въ В. Коллегію и прихода-расходную запись вычетной суммы за 1721 и 1722 годы, изъ которой видно, что въ 1721 г. вычетной суммы поступило въ Коммиссаріатъ 7383 руб. 43 коп. и столько же въ слѣдующемъ году, такъ-что цифра всей вычетной суммы за означенные два года равнялась 15,766 р. 86 коп. Въ статьѣ расходовъ значится: въ 1721 году на жалованье чиновникамъ В. Коллегіи отпущено 10,151 р. 80 коп. съ деньгою, на штатъ канцеляріи президента В. Коллегіи, князя Меншикова, 1,415 рубл.; на расходы по той же канцеляріи 2,000 р., на ремонтъ зданія В. Коллегіи 3,000 р., на другіе нѣкоторые расходы 605 рубл. 88 коп.,—итого въ 1721 году израсходовано 17,172 рубл. 68 коп. съ деньгою, а въ 1722 г. по тѣмъ же статьямъ—17,941 рубл. 4³/₄ коп. Такимъ образомъ, изъ прихода-расходной записки Кругъ-Коммиссаріата видно, что общій расходъ за 1721 и 1722 г. равнялся 35,113 р. 73¹/₄ коп.; слѣдовательно дефицитъ превышалъ всю вычетную сумму за тѣ же годы на 19,346 р. 87¹/₄ коп., не включая въ это число жалованья, которое нужно было выдать чиновникамъ В. Коллегіи, занимавшимся въ 1722 г. въ Петербургѣ.

Не смотря на все это, В. Коллегія, въ отвѣтъ на отношеніе Кругъ-Коммиссаріата, предписала: «приказать Коммиссаріату выдать майору Протасову 300 р. изъ наличныхъ суммъ, которыя пополнить послѣ изъ вычетныхъ за отпуски, когда таковыя поступятъ

²⁸⁾ Протасовъ числился въ Кіевскомъ гарнизонѣ.

²⁹⁾ Вычетными деньгами называлась сумма, которая составлялась изъ вычетовъ за отъѣздъ въ дома штабъ и оберъ-офицеровъ, или же за временные отпуски по домашнимъ обстоятельствамъ.

ся, и имъ велѣтъ у нихъ служить по древнему до указу въ тѣхъ мѣстахъ, кто гдѣ живетъ В. Коллегія, получивъ отъ нихъ въ В. Коллегію переписку съ каждаго комиссаріата, и Штатсъ-Конторскіе относительно означенныхъ 300 р., которые имъ выданы Протасову для передачи полковнику Захарову только 17 Октября, слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ присяги, данной Протасовымъ въ В. Коллегіи. Замѣчательно, что со всѣми указами, промеморіями и доношеніями по этому дѣлу майоръ Протасовъ прогуливался изъ мѣста въ мѣсто самолично.

Подобною же проволочкою сопровождалось и снаряженіе капральства для сопровожденія колодниковъ изъ Москвы въ Казань. Московская губернія ³⁰⁾ донесла В. Коллегіи, что для сопровожденія колодниковъ наряжено 12 драгунъ и столько же солдатъ; но Протасовъ, осмотрѣвъ этотъ конвой, обратился въ В. Коллегію съ заявленіемъ, что конвойные не вооружены, не обмундированы и безъ необходимыхъ аммуниционныхъ вещей. Вслѣдствіе этого заявленія, началась новая переписка съ Московскимъ губернаторомъ и артиллерійскимъ начальствомъ о снабженіи сторожеваго конвоя оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и аммуниціей. Между тѣмъ, станичный атаманъ, Федоръ Рукавишниковъ, предвидя, какія затрудненія предстоятъ для комиссіи Захарова въ продовольствіи, заявилъ В. Коллегіи, что у нихъ «на Яикъ заготовленнаго провіанта не бываетъ, понеже Яицкіе казаки хлѣба не сѣютъ, а отъ прилежащихъ городовъ живутъ въ дальнемъ разстояніи и ходятъ за хлѣбными припасами по мѣсяцу и по два съ великимъ трудомъ, и къ тому-же волею Божіей жилища ихъ, и хлѣбные припасы, и всякая рухлядь погорѣли безъ остатку, и казаки находятся въ такой великой крайности и голодѣ, что женъ и дѣтей своихъ принуждены высылать для прокормленія на прилежащіе города» ³¹⁾. В. Коллегія, предупрежденная Рукавишниковымъ, распорядилась, чтобы казакамъ, при отправленіи ихъ изъ Москвы, выдано было провіанту на два мѣсяца, а конвойнымъ ротамъ и Захарову съ его свитою, при выѣздѣ ихъ изъ Казани, — на четыре мѣсяца, и впредь чтобы провіантъ былъ высылаемъ на Яикъ также изъ Казани или же изъ Самары. Не обошлось безъ хлопотъ и переписки и при снаряженіи струга подъ колодниковъ. Протасовъ и Коробовъ 15 Октября донесли В. Коллегіи, что стругъ хотя и данъ, но ни гребцовъ, ни кормщика, ни денегъ на случай починки судна не дано. При этомъ Протасовъ указалъ и на то, что скованными велѣно вести только извѣтчиковъ, или доносчиковъ; что же касается станичнаго атамана и казаковъ, то о нихъ ничего не сказано, и если послѣдуетъ распоряженіе о томъ, чтобы и ихъ вести подъ карауломъ, то конвойныхъ оказывается недостаточно. В. Коллегія на другой день разрѣшила производить расходы на починку струга и на наемъ гребцовъ изъ 300 р., выданныхъ Протасову для передачи Захарову; относительно же содержанія казаковъ, во время пути отъ Москвы

³⁰⁾ Московская губернія употреблена здѣсь въ смыслъ присутственнаго мѣста, какъ штабъ и нынѣшнее военное управленіе.

³¹⁾ Уральск. Вѣд. 1870 г., № 47 и 48.

до К. ~~Татарская~~ постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полка К. ~~Татарская~~ ~~казаки~~ ~~казаковъ~~ ~~дѣла~~ ~~того~~ ~~ра~~ ~~имѣ~~ ~~когда~~ ~~маіоръ~~ ~~Протасовъ~~ ~~и~~ ~~капитанъ~~ ~~Коробовъ~~ ~~на~~ ~~судно~~ ~~со-~~ ~~всѣмъ~~ ~~уберутся~~, тогда у всѣхъ казаковъ ружье отобрать и посадить за карауломъ, сковавъ, пока они въ томъ дѣлѣ очистятся и о томъ имъ, маіору и капитану, дать особливый указъ»³²⁾. Казаки отпавились изъ Москвы 30 Октября, въ числѣ 34 человекъ, одни скованными, а другіе просто за карауломъ; но есть основаніе предположить, что и сіи послѣдніе были или скованы или же въ колодкахъ, потому что всѣ они, какъ въ донесеніяхъ Протасова и Коробова съ пути слѣдованія, такъ и въ рапортѣ Захарова о прибытіи ихъ въ Казань, называются «колодниками».

Протасовъ и Коробовъ изъ Москвы доплыли на стругѣ до Коломны, а оттуда на подводкахъ черезъ Нижній-Новгородъ, въ началѣ Декабря 1722 г. прибыли въ Казань и тотчасъ-же сдали арестантовъ Захарову, поступивъ и сами въ его распоряженіе.

Между тѣмъ, еще 9 Октября, В. Коллегія отправила на Яикъ повелительный указъ, въ которомъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла по доносамъ Карташева и другихъ казаковъ. Указъ заключается слѣдующимъ внушеніемъ: «И какъ вамъ ся наша Императорскаго Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи нашего Семеновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ пріѣдутъ, и вамъ бы, атаману³³⁾ и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія».

Зная хорошо объ отношеніяхъ Яицкаго войска къ маіору Воейкову, оберъ-секретарь Волковъ предложилъ В. Коллегіи на обсужденіе вопросы: 1) Съ какаго года начинать разборъ дѣлъ о высылкѣ съ Яика пришедшихъ изъ крестьянъ, солдатъ и другихъ чиновъ, записавшихся въ казаки? 2) Что дѣлать съ Яицкими казаками, если они полковника Захарова для розыска на Яикъ не пустятъ?

В. Коллегія сдѣлала по этому поводу запросъ Сенату, который, въ самый день отъѣзда колодниковъ изъ Москвы, отвѣчалъ, что если казаки полковника Захарова на Яикъ не пустятъ, то немедленно донести о томъ Государю, въ Сенатъ и В. Коллегію; въ противномъ же случаѣ, произвести розыскъ надъ ними, донести о результатахъ въ В. Коллегію и, куда не послѣдуетъ указа на это доношеніе, сдѣлать перепись всѣмъ казакамъ мужескаго пола, «и если у казаковъ какіе бѣглые солдаты и прочихъ чиновъ, и крестьяне чьи явят-

³²⁾ Этотъ приговоръ В. Коллегія подписанъ оберъ-секретаремъ Волковымъ, но подпись зачеркнута, а на оборотѣ его рукою помѣчено: «тайную по сему дѣлу инструкцію и съ приговоромъ взялъ секретарь Семенъ Поповъ, Декабря 12 дня 1723 г., и потомъ объявилъ, что тоѣ инструкцію и съ приговоромъ отдалъ онъ оберъ-секретарю Волкову того числа, который оную хотѣлъ положить въ свой кабинетъ». Почему этотъ приговоръ взятъ былъ изъ дѣла, неизвѣстно.

³³⁾ Изъ дѣла видно, что атаманомъ въ это время былъ Герасимъ Погадаевъ, котораго въ Декабрѣ того же года смѣнилъ Григорій Меркурьевъ.

ся, и имъ велѣтъ у нихъ служить по прежнему до указу въ тѣхъ мѣстахъ, кто гдѣ жити. В. Коллегія, получивъ такой отвѣтъ, на другой же день отправила указъ³⁴⁾ по опредѣленію на Яикъ, приводя въ основаніе вышеизложенное мнѣніе³⁵⁾ вѣльно грамотѣ, отправленной на Яикъ съ нарочнымъ офицеромъ Московскаго гарнизона, В. Коллегія старалась уяснить и донести Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую предложено дѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается по прежнему только на 600 человекъ; если же окажется, что въ дѣйствительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно наличному числу Яицкаго войска. Далѣе В. Коллегія старается поставить на видъ и то, что розыскъ по доносу Карташева вѣльно произвести вслѣдствіе челобитья всего Яицкаго войска, «и повеже Его Императорскому Величеству вѣдомо учинилось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губерній Яицкому войску многая обида и раззореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердуя ко всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣлъ»... «и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, вѣльно его на Яикѣ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали свою вѣрность, и ежели какихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобы такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до пріѣзда къ нимъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно».

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, донося В. Коллегіи о полученіи грамоты, между прочимъ, говоритъ: «Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось; а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человекъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ неизвѣстны»³⁴⁾.

Между тѣмъ, Захаровъ, принявъ колодниковъ, получилъ отъ Протасова и инструкцію относительно производства слѣдствія. В. Коллегія обратила строгое вниманіе въ этой инструкціи на дѣйствія фискала Путилова и посылавшихся въ разное время на Яикъ сыщиковъ изъ Казанскихъ и Астраханскихъ офицеровъ, дворянъ и приказныхъ людей и, въ случаѣ надобности, дозволялось «пытать накрѣпко». Получивъ эту инструкцію, Захаровъ дѣйствительно повелѣлъ дѣло очень строго. Въ числѣ лицъ, подлежащихъ розыску за взятки, былъ дьякъ Ѳедоръ Сухаревъ, опредѣленный потомъ Сенатскимъ указомъ къ корабельнымъ лѣсамъ и строенію судовъ въ Казани. Захаровъ арестовалъ Сухарева и, конфисковавъ его имущество, отпускалъ къ должности не иначе, какъ въ сопровожденіи 4-хъ караульныхъ сол-

³⁴⁾ Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 48-й.

до Казани, не имѣя постановила: «понеже по доношенію Яицкаго полковника Захарова, казаковъ дѣла поручи, те имѣла тогда мало вѣсти, а потому и Казанскія власти; но Захаровъ былъ непреклоненъ: Сухаревъ попрежнему прогуливался изъ города въ Адмиралтейскую слободу въ сопровожденіи сторожевыхъ солдатъ. Казанскій вице-губернаторъ, завѣдывавшій корабельною канцеляріей, опасаясь, что Захаровъ увезетъ Сухарева на Яикъ, донесъ въ В. Коллегію, что Сухаревъ «какъ прежнимъ дѣламъ корабельныхъ дѣловъ, такъ и къ нынѣшнимъ судовымъ строеніямъ на все въ расходъ деньги держалъ, которыхъ чрезъ немалыя тысячи произошло, и если онъ, Сухаревъ, полковникомъ Захаровымъ взятъ будетъ на Яикъ, то тѣ суда и другія дѣла всеконечно остановятся, и интересъ императорскій многій пропадетъ»³⁵⁾. Вслѣдствіе этого, В. Коллегія предписала Захарову отдать Сухарева на поруки, «буде важнѣе прежняго дѣла, которое показано на него отъ Яицкихъ казаковъ во взяткахъ, до него не касается»; но Захаровъ настойчиво требовалъ Сухарева съ собою на Яикъ для очныхъ ставокъ и не освобождалъ его изъ подъ ареста. Наконецъ, Сухаревъ подалъ прошеніе на высочайшее имя, объяснивъ, что онъ уже былъ на допросахъ у Захарова и объявилъ ему, что «такихъ великихъ взятковъ никогда съ Яицкихъ казаковъ не имывалъ; только-де когда казаки пріѣзжали въ Казань, въ каждомъ годѣ, по древнему своему обычаю приваживали съ Яику въ Казань въ гостиныцы рыбу и прочее харчевое приказнымъ людямъ, и къ нему, Сухареву, рыбы по малому числу изъ воли своей, а не изъ какой неволи и не по запросу его, приносили, а, напротивъ, противъ покупной цѣны года въ два и больше рублей на десять, за что онъ, Сухаревъ, казаковъ, въ бытность ихъ въ Казани, поилъ и кормилъ».

Въ Мартѣ того же 1723 года, Захаровъ отправился на Яикъ съ одной ротой драгунъ (127 человекъ) и другой—пѣхоты (182 человека). Кромѣ того, Захарову дано 6-ть деньщиковъ и Протасову—трое. Порціоны и раціоны³⁶⁾ выдавались полковому штабу отъ кавалеріи и инфантеріи. Изъ дѣла видно, что 30 Сентября на Яикѣ началась уже перепись. Сохранившіяся бумаги показываютъ, что и по смерти Петра Великаго Захаровъ оставался еще на Яикѣ. Въ инструкціи ему было сказано: «ежели Карташевъ явится въ чемъ виненъ, казнить его на Яикѣ смертію». По всей вѣроятности, извѣтчикъ Карташевъ, въ награду за все, и былъ казненъ; потому что Захаровъ по его доносу ничего не могъ найти новаго, а Меркурьевъ, главный предметъ извѣта Карташева, въ 1723 году утвержденъ высочайшею грамотою въ званіи войсковаго атамана. Безъ

³⁵⁾ Уралъск. В. Вѣд. 1870 г., № 44.

³⁶⁾ Въ своей землѣ выдавались только раціоны, а въ чужой—порціоны и раціоны. Порціонъ состоялъ изъ 2 ф. хлѣба, 1 ф. мяса, 2 чарокъ вина, 1 гарнца пива, 1½ гарнца крупъ и 2 ф. соли на мѣсяць. Раціонъ (содержаніе на лошадей) состоялъ изъ 2 гарпцевъ овса, 16 ф. сѣна, 2 гарпцевъ сѣчки и одного снопа соломы.

ся, и имъ вѣдѣть у нихъ о службѣ по прежнему до тѣхъ въ тѣхъ
амы въ Истахъ, кто гдѣ жилъ». В. Коллегія, получивъ такой отвѣтъ,
положительно же деньги касается прочихъ агентовъ, то, по опредѣле-
нію В. Коллегіи отъ 23 Марта 1725 г., главныхъ зачинщиковъ велѣно
сослать въ отдаленные города Сибири съ опредѣленіемъ въ казаки.

Такъ кончился розыскъ по «извѣту» казака Карташева, стоив-
шій большихъ матеріальныхъ затратъ для Яицкаго войска и много-
численныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось
поплатиться не только всѣмъ своимъ имуществомъ и казацкою
вольностью, но и жизнью.

Захаровъ, кончивши порученный ему розыскъ, приступилъ къ про-
долженію переписи Яицкаго войска.

Согласно данной ему инструкціи, въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ
города, онъ приказалъ наклеить особые листы, сущность которыхъ
заключалась въ томъ, чтобы «Яицкіе казаки у переписи въ сказ-
кахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки».

Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именные списки ка-
заковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступить къ дѣлу, какъ уже
болѣе 200 казаковъ бѣжало, да во время самой переписи 88 человекъ
умерло. Всего по переписной книгѣ Захарова оказалось въ Яицкомъ
войскѣ: 5771 казаковъ и 353 пришлыхъ, которые живутъ своими до-
мами, всего же 6124 человека мужеска пола.

Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ
нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ что было даже поку-
шеніе на его жизнь; но, благодаря предусмотрительности атамана
Меркурьева, Захаровъ былъ спасенъ, а Меркурьевъ, вопреки жела-
нію войска, назначенъ пожизненно войсковымъ атаманомъ и награж-
денъ портретомъ Государыни (т. е. Екатерины I-й), золотымъ ков-
шомъ, саблею и ста рублями денегъ³⁷⁾. Казаки, разумѣется, были
недовольны назначеніемъ Меркурьева въ атаманы и злоумышляли
противъ него. Меркурьевъ, происходившій изъ дворцовыхъ крестьянъ
Сѣвскаго уѣзда³⁸⁾, имѣлъ 58 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ къ числу
тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на свое мѣсто, какъ на средство для
удовлетворенія личныхъ выгодъ. Онъ направлялъ всѣ усилія къ то-
му, чтобы выслужиться предъ В. Коллегіей и войти въ довѣріе пра-
вительства.

Полковникъ Захаровъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ Яицкое войско
на сотни и десятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 рублей на
всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осминѣ
хлѣба на cadaго человека³⁹⁾. Надобно замѣтить, что казаки были
недовольны этимъ подраздѣленіемъ, не смотря на то, что оно было
сдѣлано Захаровымъ по приказанію Императора. Между тѣмъ В.
Коллегія поставила себѣ цѣлю преобразовать внутренній строй
Яицко-казацкой общины и сдѣлать изъ казаковъ постоянную воен-

³⁷⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

³⁸⁾ Уральск. В. Вѣд. 1869 г. № 20.

³⁹⁾ Всего служилыхъ казаковъ было 3196 человекъ, включая сюда и атамана.

въ общую государственную систему управления, уничтожить всякое отдѣльное право, нарушающее преимущества верховной власти, слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподданныхъ: вотъ задача, которую стремилась выполнить В. Коллегія и на осуществленіе которой направлены были всѣ ея усилія въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Но казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, не согласныхъ съ ихъ нравами и обычаями, не хотѣли уступать. Съ грустною ироніей, казаки говаривали другъ другу: «живите, братцы, пока Москва не узнала!» Изъ этихъ словъ видно, насколько казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельнаго человѣка и какъ боялись вмѣшательства Московскаго правительства въ ихъ общинныя старинныя права. Но скоро они должны были почувствовать, что Москва и-ихъ узнала. Выборъ войсковаго атамана, хотя по прежнему былъ предоставленъ казакамъ, но утвержденіе его съ 1723 г. зависѣло отъ высочайшей власти. Съ другой стороны эти, повидимому, неважныя измѣненія, введенныя Петромъ, налагали правительственную опеку на представителя общины, войсковаго атамана. В. Коллегія начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, которыя казались на первый взглядъ мелкими, въ сущности же прямо клонились къ ограниченію казацкаго самоуправства. Казаки чуяли, что старый вѣчевой порядокъ ихъ общины долженъ рушиться, и по-этому всячески отстаивали свои права. Они ясно выражались: «Не можно сего принять, понеже войско Яицкое населилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей». Или: «Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять». Иногда же они уклончиво заявляли: «Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!» Или: «Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, необычайное», и т. п. въ этомъ духѣ ¹⁰⁾.

Но при тѣхъ распряхъ, которыя раздѣлили войско на двѣ стороны, казакамъ трудно было рассчитывать на какой-либо успѣхъ въ ихъ намѣреніи отстоять свои старинныя права и вѣчевое устройство; единство выгодъ и казацкая равноправность все болѣе и болѣе разрушались. Существовавшая въ Яицкомъ войскѣ, вмѣсто очередной службы, наемка неминуемо привела къ тому, что казаки, оставаясь равными въ гражданскихъ правахъ, не могли поддержать имущественнаго равенства. Извѣстно, что у Яицкаго войска изстари и понынѣ владѣніе землею, лугами и другими природными богатствами страны—общинное. Но, чтобы извлечь ту или другую пользу изъ земли, луговъ, рѣкъ и т. п., необходимо, кромѣ многихъ другихъ условій, имѣть средства, на которыя можно бы было запасться съ-

¹⁰⁾ См. бумаги Уральскаго казач. войска, связка дѣлъ покойнаго Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

свѣдѣніи о томъ, что въ тѣхъ
 ея существахъ, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ, кто отвѣтъ,
 стоитъ не менѣе 160 р. для каждаго казака, къ себрюжнему—не
 же 30 рубл.⁴¹⁾; а, между тѣмъ, ни одинъ казакъ не можетъ опредѣ-
 лить впередъ, сколько онъ наловитъ рыбы; нерѣдко случается, что
 ловъ рыбы не покрываетъ даже расходовъ по приготовленію къ
 лову. Поэтому бѣднякъ, рискуя или не имѣя возможности
 вѣстись за хозяйство (въ обширномъ смыслѣ) и права располагать
 своею частію въ войсковыхъ угодьяхъ, шель въ службу за себя и,
 по окончаніи срока этой службы, за тѣхъ, кто былъ въ состояніи
 занять его, оставляя въ пользу сихъ послѣднихъ свой пай земли,
 луговъ и улова рыбы; богатые же выигрывали отъ этого вдвойнѣ:
 пользуясь спокойствіемъ и сравнительно большею безопасностію, они
 увеличивали капиталъ, съ помощію котораго потомъ и забирали
 бѣдняковъ въ свои руки. Всякому извѣстно, что богатство и богачи
 всегда имѣли и имѣютъ у себя немало поклонниковъ и обожателей;
 поэтому неудивительно, что и въ Яицкомъ войскѣ богатые казаки
 стали все болѣе и болѣе пріобрѣтать вліянія на остальныхъ каза-
 ковъ и чрезъ то на ходъ дѣлъ въ войскѣ. Находясь въ равныхъ иму-
 щественныхъ условіяхъ, богачи стали сближаться другъ съ другомъ,
 иногда вступая въ родство посредствомъ браковъ. Къ богачамъ ско-
 ро присоединились, разумѣется изъ корыстныхъ цѣлей, и люди знат-
 ные, отличавшіеся чѣмъ-либо по службѣ, какъ-то: станичные и по-
 ходные атаманы, полковники и войсковые старшины, которые почти
 всегда являлись посредниками между войсковыми атаманами и на-
 родомъ. Занимая въ мирное время различныя должности, эти лица
 получали отъ войска приличное, судя по тому времени, вознаграж-
 деніе за свой трудъ, а при «раздуваніи»⁴²⁾ на ихъ долю
 всегда выпадалъ болѣе пай, чѣмъ на долю простыхъ казаковъ.
 Благодаря такому положенію дѣлъ, старшины и другіе знатные лю-
 ди также могли постепенно скопить себѣ значительныя средства къ
 независимому существованію. Богатство и знатность отъ отцевъ пе-
 реходили къ дѣтямъ, которые старались идти по дорожкѣ, проторен-
 ной ихъ дѣдами и отцами. Въ силу этихъ условій, съ теченіемъ вре-
 мени, въ Яицкомъ войскѣ образовалось нѣсколько родовъ, пользо-
 вавшихся постояннымъ и рѣшительнымъ вліяніемъ почти во всѣхъ
 войсковыхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ люди, отличавшіеся знатностію и богатствомъ,
 образуютъ особый классъ, какъ-бы имѣющій аристократическій ха-
 рактеръ; осталая же часть,—люди маломочные и незнатные, со-
 ставляютъ совершенно противоположную партію: это, такъ сказать,

⁴¹⁾ Если казакъ будетъ состоять въ артели человѣкъ изъ 10-ти, а иначе—
 ему не обойтись и 200 рублями: одна будара съ весельщикомъ и сѣтями будетъ
 стоить около 100 рублей, не говоря о другихъ расходахъ.

⁴²⁾ «Раздуваніе» — дѣлежъ добычи, полученной казаками на «про-
 мыслахъ», т. е. при грабежѣ и разбояхъ въ сосѣднихъ лугахъ или въ дру-
 гихъ мѣстахъ.

лѣнному Гузику за сказанье Ея Императорскаго Величества наказанье, бить кнутомъ: пожеже ему ильная своимъ злѣніемъ и обидѣмъ, зывалась у казаковъ атаманскою или чаще старшинскою, вторая—была извѣстна подъ именемъ народной. Возникаетъ борьба двухъ началъ, на которой правительство и основало свой планъ преобразованія Яицкаго войска и его отождествленія съ остальными частями государства. Но при этомъ надобно замѣтить, что правительство въ своемъ стремленіи не могло встрѣтить живаго и искренняго сочувствія ни въ одной изъ партій: члены обѣихъ сторонъ, не смотря на ихъ противоположность, одинаково не хотѣли разстаться съ своимъ народоправствомъ и, ради общечеловѣческихъ и государственныхъ цѣлей, лишиться своихъ вольностей. Если «старшинская» партія не протестовала противъ правительства и, повидимому, старалась служить его цѣлямъ, то это только потому, что Яицкіе аристократы ставили выше всего на свѣтѣ удовлетвореніе личныхъ выгодъ, въ сущности же это были такіе же закрубѣлые и полудикіе, хотя и храбрые, сыны Яика, какъ и прочіе казаки. Примкнувъ къ правительству «старшинская», или, какъ ее потомъ называли, «согласная» партія пріобрѣла такую силу надъ противной «несогласною» партіей, что перевѣсъ тотчасъ же склонился на ея сторону. Неравенство средствъ въ этой борьбѣ повело къ тому, что старшины и атаманы, видя свое превосходство и поддержку въ правительствѣ, вопреки чувству долга и справедливости, стали самымъ безсовѣстнымъ и жестокимъ образомъ притѣснять и обирать своихъ противниковъ, чѣмъ, какъ увидимъ, и доводили ихъ до ожесточенія и кровопролитныхъ возстаній. Страхъ общиннаго казацкаго суда исчезъ, явились беспорядки въ распредѣленіи и расходованіи войсковыхъ суммъ, взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ завелись въ огромныхъ размѣрахъ, атаманы и старшины замѣнили теперь Московскихъ фискаловъ и Казанскихъ сыщиковъ. Само собою понятно, что народная партія, по чувству самозащиты, должна же была что-нибудь дѣлать и, разумѣется, въ крайнемъ случаѣ, она обращалась за помощью къ тому же правительству.

Въ 1730 г. Яицкій казакъ, Денисъ Гузиковъ является обличителемъ атамана Григорія Меркурьева. Гузиковъ, какъ сказавшій за собою «слово» и «дѣло», въ концѣ Декабря 1730 г., былъ препровожденъ въ Казань, гдѣ на допросахъ показалъ, что Меркурьевъ принимаетъ и опредѣляетъ въ казаки изъ взятковъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и посылаетъ ихъ въ крѣпость Святаго Креста ⁴³⁾.

⁴³⁾ Крѣпость Святаго Креста заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 Сентября 1722 года, во время Персидскаго похода, на мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграганъ отдѣляется отъ рѣки Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Свое названіе эта крѣпость получила, вѣроятно, оттого, что Греки называли эту землю «Ставрополь» (ὁ σταύρος-крестъ, πόλις-городъ); окрестные Татары называли эту крѣпость по своему Хучъ (или Качъ), что значитъ крестъ. (См. Голикова, т. IX). Служба на Кавказѣ, въ томъ числѣ и служба въ крѣпости Св. Креста, называлась службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ.

онъ Гузикову за сказанье Ея Императорскаго Величества
 «Гузикову, мѣхъ прописанъ въ приказъ, битъ кнутомъ: пожесть ему
 бою и объ извѣстномъ дѣлѣ, о чемъ уже изслѣдовано, возобнов-
 не надлежало». В. Коллегія распорядилась отправить словосказателя
 Преображенскій Приказъ, гдѣ Гузиковъ, согласно резолюціи Седь-
 ми былъ «битъ кнутомъ» ⁴⁶⁾.

12 Мая 1731 г. Яицкое войско получило изъ В. Коллегіи грамоту
 сательно доноса Гузикова на Меркурьева, при чемъ войско обяза-
 лось представить объясненія по этому дѣлу. Казаки, собр-
 шись въ кругъ, пригласили Меркурьева и, на основаніи полученной г-
 моты, потребовали отъ него объясненія. Меркурьевъ обѣщался пр-
 ставить войску особое доношеніе, но почему-то медлилъ. Прошелъ
 Май, Іюнь, Іюль, наступилъ уже Августъ, а Меркурьевъ своег-
 обѣщанія и не думалъ приводить въ дѣло, изыскивая, вѣроятно, все-
 возможные средства къ своему оправданію. Въ половинѣ Августа,
 войско получило новую грамоту изъ Коллегіи по тому дѣлу съ на-
 стоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Войско объявило о томъ Мер-
 курьеву, требуя, чтобы онъ поторопился представить обѣщанное
 имъ доношеніе. Меркурьевъ рассчиталъ, что болѣе медлить нельзя и
 заявилъ, что объясненіе по доносу Гузикова онъ представить войску
 въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ, 26 Сентября
 того же года, казаки собрались въ кругъ, чтобы выслушать оправ-
 даніе своего атамана. Отвѣтчикъ показалъ слѣдующее. «Когда от-
 правлялись отъ насъ войска Яицкаго въ Низовый корпусъ въ службу,
 и тогда приходили ко мнѣ пришлые люди съ нашими казаками и объ-
 явили себя Донскими и Поляками, Башкирцами, Финскими и Мор-
 довскими новокрещены, а иные объявили, что-де были они при пере-
 писи на Яикѣ господина полковника Захарова, въ томъ числѣ бы-
 ло и пришлыхъ малое число, Татаръ и Калмыкъ, которые самоволь-
 но обѣщались Ея Императорскому Величеству вѣрно служить. И я
 по ихъ сказкамъ таковыхъ въ Низовый корпусъ служить идти ка-
 заковъ за себя, для малолѣтства своего, посылать въ службу въ
 пятисотное число въ дополнку велѣлъ; и, по нашему обыкнове-
 нію, оныя на питье и денегъ по малому дѣлу по отъѣздѣ своемъ
 за честь давали. Также когда отправляются отъ насъ войска
 Яицкаго въ Москвѣ зимовыя и легкія станицы, и оныя ко мнѣ ры-
 бою и мясомъ приносили за честь, изъ Москвы присылали же отъ
 всей станицы бархатными вершками на шапки и сукномъ на каф-
 танъ; также по малому дѣлу на питье и денегъ за честь
 давали же, а на ярмонки которые посылаются, съ оныхъ не биры-
 валь» ⁴⁷⁾. Меркурьевъ при этомъ просилъ войсковой кругъ, чтобы
 его доношеніе, или оправдательное показаніе, было «при отвѣтствіи
 войска прописано въ Государственную Военную Коллегію». Но этимъ
 дѣло не кончилось; войско пожелало провѣрить показанія Меркурье-

⁴⁶⁾ Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 37-й.

⁴⁷⁾ Ур. В. Вѣд. 1869 года, № 38-й.

на и съ этою цѣлю, 10 Октября, собравшись въ кругъ, пригласило старшій Алексѣя Калмыкова, на котораго послѣднее донесеніе о взяткахъ Меркурьева, Калмыковъ показалъ, что когда походный атаманъ Иванъ Турыбринъ отправлялся съ пятисотеннымъ отрядомъ въ Низовый корпусъ, то Меркурьевъ дѣйствительно включилъ въ этотъ отрядъ нѣсколько бѣглыхъ «изъ пришлыхъ на Яикъ людей», но сколько именно, Калмыковъ не показалъ, а замѣтилъ только, что нѣкоторые «изъ оныхъ бѣглыхъ и нынѣ съ онымъ Турыбринымъ къ намъ въ войско Яицкое прибыли». Далѣе Калмыковъ показалъ, что, въ послѣднихъ числахъ Іюня 1730 г., онъ получилъ письмо отъ походнаго атамана Михайла Купреянова, смѣнившаго его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ реестръ пришлыхъ на Яикъ, бѣглыхъ людей, которыхъ Меркурьевъ «отправилъ съ нимъ Купреяновымъ изъ взятковъ». Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реестра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человекъ; съ нихъ Меркурьевъ взялъ 310 рубл., полагая отъ 4—7 рублей на cadaго. На основаніи показаній Калмыкова и Меркурьева, войско составило отвѣтъ и препроводило его въ В. Коллегію съ особою депутаціей, которая на этотъ разъ состояла изъ 10 человекъ: станичнаго атамана Василія Андреева, старшины Петра Гаврилова, есаула Силантія Матвѣева и изъ семи рядовыхъ казаковъ. Вручивъ депутатамъ копію съ доношенія Меркурьева и «именного списка» Купреянова, войско, между прочимъ, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ: «Какъ оной войсковой атаманъ Меркурьевъ пришлыхъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посылалъ въ службу въ Низовый корпусъ изъ взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско о томъ неизвѣстны. Нынѣ онъ по прибытіи своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Щолкинымъ, который отправленъ нынѣшняго 1731 году въ Маѣ мѣсяцѣ въ Низовый корпусъ на смѣну атаману Купреянову, безъ нашего старшинскаго совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришлыхъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидятъ подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бывають въ Москву зимовыя и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ беретъ взятки, не смотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужить». Далѣе войско говоритъ о командировкахъ и о службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 года. Командировки на Кавказъ, какъ видно, были нерѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ—не легка: изъ 1000 чел., отправившихся въ 1724 г., съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось только 748 чел., а 252 «побиты и померли»; да изъ пришедшихъ около ста чел. «осрамѣли и померли-жь»; изъ 500 казаковъ, командированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турыбринѣ, возвратилось только 310 чел., а 191 или убиты или померли.

лѣно онъ Лузикову за сказанье Ея Императорскаго Величества ~~мѣста~~ ~~каза~~ ~~казанье~~, бить ~~по~~ ~~повету~~ ~~ему~~, ~~И~~ ~~изъ~~ ~~архива~~ ~~о~~ ~~умагъ~~ ~~у~~ ~~ра~~ ~~скаго~~ ~~войска~~ ~~и~~ ~~видно~~, что Меркурьевъ весьма часто посѣщалъ Петербургъ во главѣ зимовой станицы, а сынъ его Илья, впоследствии бывший войсковымъ атаманомъ, постоянно сопровождалъ своего отца въ качествѣ станичнаго атамана. По существовавшему тогда положенію, станичникамъ, прїѣзжавшимъ въ столицу, выдавались изъ казны деньги, сабли, ковши и другія награды.

Меркурьевъ 25 Ноября явился въ Военную Коллегію и подалъ прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писалъ:

Изъ давнихъ лѣтъ отецъ мой служилъ предкамъ Вашего Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великому Царю Алексѣю Михайловичу, на Яикѣ казачью службу, и былъ въ Польшѣ и подъ Ригию и въ другихъ многихъ походѣхъ—вѣрно и безпорочно; а потомъ и я, Вашего Императорскаго Величества всеподданный рабъ, началъ служить казацкую службу тому нынѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, и во всѣхъ случающихся войсковыхъ походѣхъ какъ рядовымъ казакомъ и есауломъ, такъ и атаманомъ за Калмыками и Кубанцами, служилъ вѣрно-жъ и безпорочно; а потомъ, во время Азовской службы, нѣсколько бралъ языковъ, которые объявлены были Всемилостивѣйшему Государю Императору Петру Первому, и послѣ того былъ во многихъ походѣхъ противъ Киргизовъ и Каракалпаковъ, гдѣ потому же имѣлъ со всякою ревностію побѣду и взятіе въ плѣнъ непріятелей, о чемъ извѣстно было въ Казанскомъ дворцѣ. И во время тѣхъ моихъ службъ принялъ немалыя раны и понесъ великія службы; къ тому же, во время отращенія изъ Россійской протекціи Башкирцовъ, былъ въ пересылкѣ, которые и обратились по прежнему, за что я пожалованъ былъ сукномъ и объярю и пятьдесятъ рублевъ деньгами; а въ 726 году, въ бытность у насъ на Яикѣ полковника Захарова, имѣя неусыпное мое раченіе вѣрной и должной Вашему Императорскому Величеству службы, и видя, что нѣкоторые явились бунтовщики⁵⁰⁾ на него Захарова, объявилъ о томъ подлинно, которое и сыскалось достоверно, за что Ея Величество, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и пожаловала меня, раба своего, дабы быть мнѣ въ войскѣ Яицкомъ по мою смерть войсковымъ атаманомъ и на знакъ всякой своей Императорской милости, портретомъ, золотымъ ковшомъ и саблею и денегъ сто рублевъ. А съ начала войска Яицкаго, какъ всѣмъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ извѣстно есть, что отъ войска нашего посылались казаки на службу, какъ во время Шведской войны, такъ и нынѣ въ Низовой корпусъ, по общему нашему древнему казацкому обыкновенію, выбирая въ войсковомъ кругу. И въ прошломъ 730 году, по Вашему Императорскаго Величества указу, отправляли мы

⁴⁸⁾ 18 Октября 1731 г.

⁴⁹⁾ См. Ур. Войск. Вѣд. за 1869 г. начиная съ № 20.

⁵⁰⁾ Какаго рода былъ бунтъ на Яикѣ при Захаровѣ,—трудно сказать, такъ какъ положительныхъ свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ, а встрѣчаются только неясныя, отрывочныя указанія на это. На основаніи самаго хода событій, можно предположить, что собственно бунта не было, а былъ со стороны нѣкоторыхъ казаковъ протестъ противъ переписи и формулярныхъ списковъ.

на и съ этою дѣлю, 10 Октября, собравшись въ кругъ, пригласило старшину Чернышкова на котораго дѣла того (овѣзъ, — по тому совѣту, чего за малолюдствомъ нашимъ въ указное число не достало, Яицкіе казаки приводили ко мнѣ въ Станичную Избу людей такихъ, которые мнѣ показали себя Донскими казаками и Поляками, Башкирцами, и Уфимцами⁵⁴⁾, и Мордвами новокрещены, и сказывали про себя, что иные жили на Яикѣ до переписи полковника Захарова, и притомъ были въ той Станичной Избѣ и старшины. И, по желанію ихъ, въ тотъ корпусъ они и отправлены были, понеже и по указу Вашего Императорскаго Величества велѣно пришедшимъ до онаго Захарова быть по указу на Яикѣ. Къ тому же отъ начала Яицкаго войска таковыя въ службы посылались, и при отправленіи томъ оныя всѣ, при походномъ атаманѣ и старшинахъ, по одному человѣку были перекликаяны, и спрашиванъ походный атаманъ, что оныя всѣ въ службу годны-ли? На что оный атаманъ, такожъ и вся старшина, въ томъ не спорили, и при томъ смотрѣ бѣглыхъ и пришлыхъ они никому не показали. И при отправленіи томъ, по древнему нашему обыкновенію, для провожанья доводствовалъ я ихъ питьемъ, за что они, по тѣмъ же нашимъ обыкновеніямъ, дарили меня малымъ числомъ изъ денегъ и приносили рыбою и мясомъ, а насиловства въ томъ никакого не было; а ежели-бъ было, то-бъ, надѣюсь, что явились и просители. Къ тому-жъ, по прежнимъ нашимъ обыкновеніямъ, никакого насилія чинить невозможно; а оныя отъ казаковъ малые подарки ихъ происходятъ отъ начала войска того ради, что напредъ бывшіе меня войсковые атаманы и я получаемъ Вашего Императорскаго Величества жалованье равно съ казаками, и другихъ, случающихся у казаковъ, добычей не имѣемъ; и въ томъ никогда, во всѣхъ казачьихъ правленіяхъ, просьбъ и обидъ никакихъ не было. Что же по присланному нынѣ отъ войска Яицкаго отвѣтствію показано, яко бы я одинъ безъ старшинъ отправлялъ въ Низовый корпусъ пришлыхъ людей, а они о томъ не вѣдали, и то учинено на меня напрасно проискомъ и по злобѣ одного старшины Алексѣя Калмыкова; ибо они, за незнаніемъ грамотъ и необыкновенію такихъ дѣлъ, какъ всѣмъ извѣстно, что того и нынѣ не знаютъ, а когда-бъ кто что зналъ про какихъ бѣглыхъ, то-бъ можно было доносить тогда въ Станичной Избѣ при запискѣ и при смотрѣ оныхъ. Еще-жъ показано на меня о взятѣ съ казаковъ, кои посылаются въ Москву въ станицахъ, самыхъ подарковъ. И тѣ происходили изъ ихъ же самоизвольнаго хотѣнія, смотря на прежніе наши обычаи; и въ томъ запрещенія, тако-жъ и отъ казаковъ ни отъ кого, никакой жалобы не бывало, да и просить «невозможно»: понеже то изъ давнихъ лѣтъ во всѣхъ казачьихъ мѣстахъ происходитъ, по ихъ же хотѣніямъ. Что же показано, яко бы изъ посланныхъ въ службу казаковъ два человѣка содержатся одинъ на Сызранѣ, а другой въ Саратовѣ: и изъ тѣхъ одинъ освобоженъ и обрѣтается по прежнему на Яикѣ, а другой человѣкъ присланъ былъ изъ Сакмарскаго городка отъ атамана Арапова съ прочими, наряженными въ Низовый корпусъ казаками, и показанъ былъ отъ него Арапова казакомъ.

⁵⁴⁾ Въ другихъ бумагахъ вмѣсто Уфимцами, встрѣчается: Финцами или Финскими новокрещены.

Государственную Военную Коллегию принять и, въ случа невинности разсмотрѣть таковыхъ напрасныхъ и затѣйныхъ дѣлъ оборонить: понеже, какъ и о, вѣдомо, что я чрезъ такую многолѣтнюю службу ни въ какомъ порокѣ не бывалъ и служилъ вѣрно; а оныя разночинцы не помѣщиковы, и не все, такъ и прочее чинилось по нашимъ обыкновеніямъ, и въ томъ нѣкому просителей не имѣется, и вины моей никакой не находится^{на}).

Старикъ-атаманъ, указавъ на заслуги своего отца и свои соот-
ветственныя, довольно основательно опровергаетъ обвиненія, введен-
ныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того,
что казаки дѣйствительно добровольно дарили Меркурьева рыбой,
мясомъ и деньгами. Есть основаніе думать, что въ числѣ казаковъ,
отправлявшихся на службу и въ станицахъ, были и приверженцы
и противники Меркурьева. Первые могли дѣйствительно дарить сво-
его атамана добровольно и искренно, какъ говорится, безъ задней
мысли; а вторые, желая до благопріятнаго случая скрыть свое не-
расположеніе къ атаману, дарили Меркурьева для того, чтобы впо-
слѣдствіи, когда это будетъ удобно, обличить его «во взятыѣ съ
нихъ силою» денегъ, рыбы, мяса и т. п.

Между тѣмъ В. Коллегія, получивъ доношеніе Яицкаго войска, отъ 18 Октября 1731 г., препроводила къ генераль-маіору Еропкину указъ, которымъ предписывалось всѣхъ «обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ спросить, кто изъ нихъ пришлые, и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовой корпусъ, съ общаго-ль войсковаго совѣта наряжены и отправлены, и при томъ отправленіи войсковой атаманъ за чѣмъ съ кого взятки бралъ, или они въ почестъ ему приносили» ⁵³). Еропкинъ отвѣчалъ, что походный атаманъ Купредновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинъ Калмыкову, отправился, вмѣстѣ и съ командою, въ Яицкій городокъ еще до полученія указа В. Коллегіи ⁵⁴), а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ казаковъ, которые и были допрашиваемы, согласно указу В. Коллегіи, при чемъ Еропкинъ препроводилъ въ Коллегію самые отвѣты казаковъ, равно какъ и отвѣты ихъ атамана Щелкина.

⁵²) Смотри Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Слич рукопись въ Ур. войсковомъ архивѣ (по описи № 5-й), заимствованную въ копіи изъ Архива В. Коллегіи. (Каз. пов. кн. 8, стр. 436). Все прошеніе написано отличнымъ почеркомъ, но нигдѣмъ не подписано, годъ обозначенъ, мѣсяцъ тоже, а числа нѣтъ. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что Меркурьевъ подалъ это прошеніе лично въ В. Коллегіи, а тому, можетъ быть, и нѣтъ подписи, или же потому, что самъ Меркурьевъ не умѣлъ писать, а грамотныхъ казаковъ, которые бы могли за него подписаться, на этотъ разъ не случилось.

⁵³⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., стр. 5, № 39. Сличи въ Урал. в. архивѣ (по описи № 5) копію съ указа В. Коллегіи, отъ 2 Апрѣля 1734 г., изъ архива В. Колл., каз. пов. кн. 8, стр. 567.

⁵⁴⁾ Указъ 2 Апрѣля 1734 г., которымъ предписывалось произвести допросъ казакамъ команды Купреянова.

Изъ воупротивъ Броцкина оказалось, что въ командѣ пришлыхъ людей, послѣ переписи полковника Захарова, было 33 человекъ, а именно: 8 человекъ изъ дворцовыхъ, 4 изъ монастырскихъ и 6 изъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 1 человекъ изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ и 5 человекъ разныхъ нѣмцевъ. Всѣ эти лица на допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войскового атамана, за что давали ему «въ взятокъ» рубли по четыре и больше, а всего 251 р. 50 коп. Когда В. Коллегія сообщила объ этомъ Меркурьеву, то онъ заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятки съ нихъ не бралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній «въ почестъ», а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то это произошло безъ его вѣдома, такъ какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова⁵⁵⁾; если же онъ не навелъ справокъ о времени прихода этихъ людей на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и недознанія своего и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству вину».

Вслѣдствіе этого В. Коллегія постановила: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести изъ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами, съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань, и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ В. Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдатскіе дѣти, Шведы⁵⁶⁾ и Татары записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 г. указа, быть на Яикѣ. Далѣе, въ пунктѣ третьемъ своего мнѣнія, В. Коллегія замѣчаетъ, что такъ какъ Меркурьевъ заперся въ приверстываніи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то «довлѣло еще по тому слѣдованію продолжить, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ надлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою; ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ

⁵⁵⁾ Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

⁵⁶⁾ Эти Шведы-Финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ Свейскихъ походовъ, въ которыхъ казаки должны были участвовать. Здѣсь, безъ сомнѣнія, казаки разумѣютъ походы 1701, 1703, 1704 и 1707 гг.; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. См. Ур. В. Вѣд. 1869, № 35, стр. 6 и 7.

Изъ воцѣлки Еропкина оказалось, что въ командѣ Яикъ-казаковъ, послѣ переписи полковника Захарова, было 33 человека, а именно: 8 человекъ изъ дворцовыхъ, 4 изъ монастырскихъ и 6 изъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 1 человекъ изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ и 5 человекъ разныхъ наций. Всѣ эти лица на допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войскового атамана, за что давали ему «въ взятку» по четыре и больше, а всего 251 р. 50 коп. Когда В. Коллегія сообщила объ этомъ Меркурьеву, то онъ заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятку съ нихъ не бралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній «въ почестъ», а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то это произошло безъ его вѣдома, такъ какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова⁵⁵⁾; если же онъ не навелъ справокъ о времени прихода этихъ людей на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и недознанія своего и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству вину».

Вслѣдствіе этого В. Коллегія постановила: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести изъ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами, съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань, и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ В. Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдатскіе дѣти, Шведы⁵⁶⁾ и Татары записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 г. указа, быть на Яикѣ. Далѣе, въ пунктѣ третьемъ своего мнѣнія, В. Коллегія замѣчаетъ, что такъ какъ Меркурьевъ заперся въ приверстываніи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то «довлѣло еще по тому слѣдованію продолжить, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ надлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою; ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ

⁵⁵⁾ Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

⁵⁶⁾ Эти Шведы-Финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ Свейскихъ походовъ, въ которыхъ казаки должны были участвовать. Здѣсь, безъ сомнѣнія, казаки разумѣютъ походы 1701, 1703, 1704 и 1707 гг.; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. См. Ур. В. Вѣд. 1869, № 35, стр. 6 и 7.

Всеподданнейшая Государыня Императрица Прощу Ваш. Высочайшее повелѣніе, въ которомъ сказано, что всѣмъ бывшимъ въ войскахъ Калмыкъ въ партияхъ: того ради по нынѣшнимъ конъюктурамъ (обстоятельствамъ) можетъ оное слѣдованіе оставленъ, а войсковаго атамана Меркурьева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущена быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 г., «увѣдавъ о зломъ намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ его явился правый. А впредъ пришлыхъ принимать имъ на Яикъ отнюдь не велѣть, подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришлыхъ принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ В. Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредъ невѣдѣніемъ не отговаривались, и сверхъ того послать на Яикъ о неприемѣ томъ подтвердительную грамоту»⁵⁷⁾. Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи. Сенатъ постановилъ: «быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію».

Такимъ образомъ Григорій Меркурьевъ, благодаря своей изворотливости, опытности и, пожалуй, расположенію къ нему В. Коллегіи, видѣвшей въ немъ помощника въ выполненіи своихъ плановъ по отношенію къ Яицкому войску, остался на своемъ мѣстѣ, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣскія указанія на его злоупотребленія. Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, принималъ бѣглыхъ и за деньги приверстывалъ ихъ въ казаки. Яикъ издавна былъ притономъ бѣглыхъ. Это, по выраженію казаковъ, золотое донышко въ особенности было привлекательно для тѣхъ, кому становилось жутко на родинѣ. Сюда бѣжали господскіе и государственные крестьяне, солдаты, разнаго рода преступники и другіе, чтобы только избѣжать господскаго деспотизма, тяжести возросшей недоимки, испытанія суровыхъ мѣръ военной дисциплины или же заслуженнаго наказанія. Число бѣглыхъ еще больше увеличилось, когда воздвигнуто было гоненіе на раскольниковъ; послѣдніе цѣлыми толпами уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ, представлявшія всѣ выгоды для укрывательства бѣглыхъ; особенно любимыми мѣстами бѣглыхъ сдѣлались берега рѣкъ: Большаго и Малаго Иргизовъ, Камелика, Чижей, Чагры, Узеней и Сакмары. Обширныя пространства Приуральскихъ степей, гдѣ теперь съ трудомъ можно встрѣтить только одинокіе пни подъ корень подрубленныхъ деревьевъ, въ описываемое время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Урала, берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Уралъ, а также и всѣ склоны Общаго Сырта представляли собою непроходимую трущобу⁵⁸⁾, въ которой легко

⁵⁷⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.

⁵⁸⁾ Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 20, стр. 2.

Изъ дѣла Еропкина оказалось, что командиръ принимавшихся въ Яицкѣ бѣглецовъ, въ то время, когда онъ еще не былъ посланъ въ Оренбургъ, посылалъ ихъ въ разныя службы по нарядамъ правительства и не только безъ подмоги отъ войска, но брали съ нихъ же, а бѣглецы охотно давали, лишь бы остаться на волѣ и избѣгнуть законной кары за свои преступленія, содѣянные ими въ прежнемъ состояніи. Неудивительно послѣ этого, что пріемъ бѣглыхъ былъ обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска; бѣглецы, платя казакамъ за свой пріютъ, отбывали за нихъ нѣрѣдко службу и незамѣтно становились въ зависимое положеніе отъ войска. Понятно, что такое отношеніе бѣглыхъ къ казакамъ въ высшей степени было выгодно для послѣднихъ, почему казаки, не смотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставали принимать всѣхъ, кто только приходилъ подъ ихъ покровительство. Бѣглецы, въ свою очередь, также были довольны новымъ положеніемъ, потому что оно сравнительно было гораздо лучше прежняго, не говоря уже о преступникахъ, которые должны были понести наказаніе и, можетъ быть, очень жестокое. При такомъ положеніи дѣла, трудно было надѣяться, чтобы казаки отказались отъ своихъ выгодъ и рѣшились отдавать бѣглыхъ въ руки правительства; не легко было уговорить и самихъ бѣглецовъ вернуться на прежнія мѣста жительства. Между тѣмъ, правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на трудахъ осѣдлаго населенія, чего нельзя было не замѣтить. Вслѣдствіе этого правительство не могло оставаться равнодушнымъ къ этому шатанію экономической жизни народа и цѣлаго государства.

Еще въ Ноябрь 1727 года былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъ-офицера съ конвоемъ на Яикъ, чтобы взять оттуда 100 чел. казаковъ «конныхъ и оружейныхъ» и идти въ Сакмарскій городокъ, который считался притономъ бѣглыхъ крестьянъ заводскихъ, дворцовыхъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Всѣхъ бѣглыхъ велѣно захватить и отправить въ Уфу, а оттуда разослать подъ конвоемъ въ прежнія мѣста жительства⁵⁹⁾. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городкахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, въ 1736 г. правительство предписало Кирилову⁶⁰⁾ «разглашать подъ рукою», что всѣ вышедшіе съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ. Когда такихъ охотниковъ набралось довольно много, ихъ раздѣлили на партіи и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Сызранѣ и Самарѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся съ обозами на Яикъ, возвращались въ прежнія

⁵⁹⁾ П. С. З. т. VII, № 5197.

⁶⁰⁾ Сличи Пам. книжку Уфимск. губ. на 1873 г., ч. II, стр. 144, § 9.

подтверждались. ~~Въ Яицкомъ войскѣ, въ которомъ Меркурьевъ и не успо-~~
 россійскихъ людей» ⁶²⁾. Несмотря, однакожъ, на всѣ эти истребленія,
 имъ мѣры, количество бѣглыхъ постепенно увеличивалось; на днѣ,
 особенно стремились раскольники, противъ которыхъ, какъ уже
 говоримъ, и было воздвигнуто гоненіе какъ со стороны гражданскаго,
 такъ и духовной власти.

Между тѣмъ какъ правительство было озабочено пріисканіемъ
 мѣръ и средствъ къ прекращенію побѣговъ на Яикъ, равно какъ и
 въ другія мѣста, борьба партій въ Яицкомъ войскѣ не прекращалась.
 Неудачный исходъ дѣла по доносу казака Дениса Гузикова на ата-
 мана Меркурьева, безъ сомнѣнія, не могъ заглушить въ казакахъ
 желанія удалить Меркурьева отъ занимаемаго имъ поста. Мы видѣли,
 что одно уже назначеніе Меркурьева въ войсковые атаманы оттол-
 кнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева
 поддерживали эту ненависть войска къ своему атаману и дали ей даль-
 нѣйшій ростъ, а указанный неудачный исходъ борьбы окончательно
 вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло,
 сталъ еще болѣе и смѣлѣе злоупотреблять своею властію, надѣясь
 на снисхожденіе къ нему Военной Коллегіи и покровительство, ока-
 занное ему правительствомъ. Понятно, что, при такомъ положеніи
 дѣла, трудно было рассчитывать на спокойствіе внутри войска, тѣмъ
 болѣе, что озлобленіе противъ Меркурьева теперь обхватило почти
 все войско. Въ Ноябрь 1737 года, Военная Коллегія получила но-
 вую жалобу на атамана Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея
 Меркурьевыхъ. На этотъ разъ жалоба была почти отъ всего войска:
 старшины, сотники, десятники и 2700 повѣренныхъ изъ казаковъ ⁶³⁾
 жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую
 станицу «не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и
 дѣлаетъ съ своими единомышленниками, по своимъ легкомысленнымъ
 прихотямъ, и отписки посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ
 войска ложно». Далѣе изъ жалобы войска видно, что въ Ноябрь
 1737 года, Меркурьевъ сообщилъ тайному совѣтнику, В. Н. Тати-
 щеву, «якобы среди войска имѣется замѣшаніе», при чемъ Мер-
 курьевъ представилъ Татищеву реестръ тѣхъ казаковъ, которые смѣ-
 ло и открыто заявляли въ кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско
 въ своей жалобѣ опровергаетъ ложность этого доноса, ссылаясь на
 инородныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ, и замѣ-
 чаетъ: «у насъ можетъ всякій казакъ о дѣлѣ своемъ го-
 ворить, что намъ войску отъ Государственной Военной Колле-
 гіи указомъ не запрещается». Войско не ограничилось жалобою на
 одного атамана,—оно не забыло и его сыновей, равно какъ и тѣхъ

⁶¹⁾ П. С. З. т. IX, № 6893. Слич. Рябинина «Уральское войско», часть I, стр. 50.

⁶²⁾ П. С. З. т. X, № 7514, 3.

⁶³⁾ Смотри въ Уральск. войск. архивѣ по описи № 22. Извлечено изъ кн. каз. пов. № 33, стр. 258.

Изъ донесенія Ерощина оказалось, что каждый изъ от-
римай являющихся въ немъ казаковъ, въ 1737 году, въ
отъ своего отца, выкосилъ въ казенные покосы, вопреки ука-
затель Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловить подъ учу-
же рыбу; собираетъ силою съ каждаго казака по 35 коп., указывая
то, что войско задолжало его отцу 900 рубл.; городскіе вѣсы
самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за
160 рублей, въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ Мер-
курьева, есаулъ Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ
всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часо-
ваго, оберегавшаго учугъ, при чемъ ему помогалъ въ этомъ «смерт-
номъ боѣ» деньщикъ его брата (Ивана) Ѳедоръ Шумихинъ⁶¹).
Вмѣстѣ съ тѣмъ, войско жалуется на Турыбырина, который, отпра-
вляясь въ 1737 году, въ качествѣ походнаго атамана, въ Низовый
корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю
на каждаго казака, а выдалъ по 60 коп., 40 же коп. удержалъ себѣ;
когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употре-
билъ удержанные имъ 200 рублей, то «Турыбыринъ, скача съ рун-
дука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе».

Между тѣмъ, противная партія,—партія Меркурьева,—не дремала: она не оставила вышеприведенной жалобы казаковъ безъ возраженій. На сторонѣ Меркурьева оказалось восемьдесятъ восемь старшинъ ⁶⁵), которые 10 Декабря того же (1737) года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на имя Императрицы. Старшины жаловались въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходили, при обсужденіи разныхъ дѣлъ, въ войсковомъ кругу; главнымъ виновникомъ этихъ неурядицъ и агитаторомъ народной партіи старшины выставили войскового старшину Ив. Логинова. «А нынѣ въ войскѣ Яицкомъ»,—говорится, между прочимъ, въ прошеніи,—«со-вѣтники Ивана Логинова Михайло Кукляевъ, Аѳанасій Черноноговъ и Ив. Торшиловъ съ товарищи учинили немалое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе». Упоминаемые здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ атамана Григорья Меркурьева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, «жалованная патреть и сабля снята», и что самъ Меркурьевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, не любившая Меркурьева, подъ вліяніемъ этихъ ложныхъ слуховъ, ликовала и еще смѣлѣе и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ кругахъ постоянно слышался

54) Третій сынъ Григорья Меркурьева, Илья Меркурьевъ, былъ по смерти своего отца войсковымъ атаманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще раньше былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана Хивинца Абазы и Бухарца Джабора, въ 1732 году. (Смотри архивъ Уральск. войска по описи № 31. Выписка изъ кн. каз. пов. № 9, стр. 386).

65) Имена и фамилиі всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи прошенія. Смотри въ Уральск. войсков. архивѣ дѣло по описи № 22, стр. 23—26.

Въ началѣ Сентября 1737 г., на Яикъ прибылъ, для разбирательства войсковыхъ несогласій и безпорядковъ, майоръ Казанскаго гарнизона Алексинъ. Когда Алексинъ собралъ казаковъ въ кругу, приступилъ къ разбирательству дѣла, сторонники Логинова съ него возмущать казаковъ; въ кругу начался шумъ, крикъ; казакъ Землянушиновъ, одинъ изъ сторонниковъ Логинова, «при всемъ честномъ казацкомъ кругѣ», обругалъ старшинъ ворами; Алексинъ приказалъ схватить его и представить въ Станичную Избу «для сыску». Указывая на это обстоятельство, старшины жалуются на обиду Землянушинова, — «понеже за собою воровства никакого не знаемъ», — прибавляютъ, что Землянушиновъ и Копѣчкинъ, безъ вѣдома атамана и старшинъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, въ числѣ 12 человекъ, явились къ майору Алексину и говорили, «что де кланяемся вашему благородію скотиною, такожъ и солдатамъ команды вашей другою». Между тѣмъ, Логиновъ, воспользовавшись отсутствіемъ изъ Яицкаго городка Алексина, началъ ходить «съ своими совѣтниками, невѣдомо для какова вымыслу, во всякихъ кругахъ» и возмущать казаковъ, показывая имъ какія-то письма. Логиновъ требовалъ, чтобы его, вмѣстѣ съ приверженцами, допустили въ Станичную Избу «для спросу всѣхъ казаковъ»; но атаманъ и старшины не согласились на это. Послѣ того, Логиновъ отрядилъ къ Станичной Избѣ сотниковъ Бориса Чирова и Ивана Торшилова, а сотникамъ Ивану Абрамову и Ивану Толоконникову приказалъ отправиться по дворамъ казаковъ, чтобы «записывать казаковъ и руки брать», но для какой цѣли, неизвѣстно. Волненіе въ кругахъ, особенно между молодежью, усилилось, такъ что, по выраженію старшинъ, «въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакого присутствія производить стало невозможно»; вмѣсто отцевъ, стали являться въ кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣла стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, «между собою стало чиниться смертное убивство». Старшины, какъ противники подобныхъ безпорядковъ, произведенныхъ Логиновымъ и его партіей, просятъ, чтобы имъ не поставили въ вину такого самовольства протестующихъ казаковъ, и выражаютъ искреннее желаніе, чтобы «такихъ самовольниковъ» не было. При этомъ старшины составили реестръ протестовавшихъ казаковъ, и препроводили его въ В. Коллегію съ войсковымъ атаманомъ, Григорьемъ Меркурьевымъ, который отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи старшинъ: Ивана Григорьева, Василья Севрюгина, Тимоеея Кирилова и Якова Мокѣева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 Января 1738 года, а 4 Марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копій съ доношенія войска, на имя майора Алексина, которому приказано было произвести слѣдствіе, «по указамъ и по данной инструкціи»; немедленно, такъ-чтобы въ Мартъ же мѣсяцъ этого года дѣло было представлено въ Военную Коллегію. Въ случаѣ надобности, Алексину велѣно обра-

Итак, дотоле Меркурьевъ, почему-либъ, не былъ въ виду. Но въ 1724 г. онъ также получилъ указъ. Отъ бѣныи подъ угрозою жестокаго наказанія, строго воспрещалось безчинный крикъ и драки, во время слѣдованія о преступленіяхъ. Посланнымъ отъ Логина въ бургъ съ доношеніемъ, казакамъ Андрею Мухину и Степану Хренову, велѣно было выдать изъ Статсъ-Конторы на проѣздъ до Ямскаго городна по 12 рублей каждому, «изъ положенной пріѣзжимъ отъ того войска станицамъ суммы», и давать имъ отъ Петербурга по одной ямской лошади и прогонныя деньги изъ той же суммы, «а что онымъ казакамъ выдано будетъ, и тѣ деньги, по рѣшенію атаманскаго дѣла, возвратитъ съ виновныхъ»⁶⁶). Предписавъ Алекину произвести слѣдствіе, Военная Коллегія приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьева отъ должности атамана и поручить ее временно другому, избранному войскомъ. Но вліяніе Меркурьева въ войскѣ было такъ велико, что онъ успѣлъ образовать сильную партію и, не смотря на протестъ народа, постарался убѣдить Татищева⁶⁷), чтобы онъ приказалъ арестовать и отправить въ Самару избраннаго казаками наказнаго атамана Андрея Карпова, какъ человѣка неблагонадежнаго въ политическомъ отношеніи. Приски Меркурьева увѣнчались успѣхомъ: вмѣсто Карпова назначенъ былъ войсковой станичный атаманъ Прытковъ, — человѣкъ вполне преданный Меркурьеву, — который приказалъ арестовать Карпова и старшину Семена Землянушинова и, заковавъ въ кандалы, отправить ихъ въ Самару къ тайному совѣтнику Татищеву. Понятно, что послѣ этого дѣла Меркурьева пошли лучше, и обвиненія, возводимыя на него, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то, что счетная часть велась у казаковъ на словахъ, или на лоскуткахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подъ вліяніемъ интригъ Меркурьева и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ части: одни стояли за Меркурьева, другіе — большинство, за Логина. Наконецъ, Алекинъ представилъ въ В. Коллегію экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, Военная же Коллегія, при особомъ мнѣніи, передала его въ Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта видно, что Меркурьевъ обвинялся во-первыхъ въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья двѣнадцать тысячъ триста пятьдесятъ пять рублей; 2) не хотѣлъ давать никакого отчета въ расходѣ сборныхъ войсковыхъ денегъ; 3) изъ окладнаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логинъ обвинялся, во-первыхъ въ томъ, что не могъ основательно доказать взведеннаго имъ на Меркурьева обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 г.; 2) отрекся отъ своего по-

⁶⁶) Смотри въ книг. каз. пов. (№ 33, стр. 258) указъ В. Коллегіи за № 3538-мъ.

⁶⁷) Татищевъ В. Н. былъ въ это время главнымъ начальникомъ Оренбургской Экспедиціи и Мензелинской Башкирскай Коммиссіи.

Изъ, однако, въ 1746 году, почему-либъ, въ Яицкой общинѣ, принявъ въ соображеніе также послѣдствія отъ отмены 1746 года, въ Яицкомъ войскѣ казаки продолжали слѣдовать прежнимъ обычаямъ народа, а по восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны всѣ указы и постановленія предшествовавшаго правительства были уничтожены или объявлены недействительными.

Такимъ образомъ, прежнее устройство Яицкой общины къ началу 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда въ управленіе Оренбургскимъ краемъ вступилъ И. И. Неплюевъ, которому были подчинены и Яицкіе казаки, оставалось въ полной своей силѣ. В. Коллегія также не успѣла еще собрать затребованныя ею свѣдѣнія относительно Яицкаго войска; между тѣмъ послѣдовали новые указы⁷¹⁾, которые должны были, наконецъ, заставить В. Коллегію исполнить волю правительства.

(Продолженіе будетъ).

⁷⁰⁾ Шаповъ, Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

⁷¹⁾ 9 Декабря 1745 г. и 22 Іюля 1748 г. Смотри въ Ур. в. архивѣ по описи № 3. «Изъясненіе со мнѣніемъ» и проч. Копія изъ Арх. В. Колл., кн. каз. пов. № 141, стр. 3 и проч.

9(Урк) К6-
P89 B30

Новое помѣщеніе „Русскаго А.

и, П.

мая, д

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

8.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Лицкое (Уральское) войско. Изслѣ-
дованіе В. Н. Витевскаго. Главы 4—6.
(Переустройство при Неплюевѣ.—
Побоища съ инородцами. — Нижне-
яицкая линія.—Дѣла церковныя.—
Епископъ Лука Конашевичъ.—Ро-
зыски бѣглыхъ людей и старообряд-
цевъ.—Казацкіе походы). 377
2. Письма къ графу П. С. Потемкину:
Шагинъ-Гирея, графа Безбородки, кня-
зя Потемкина, В. С. Попова, нягини

- В. В. Голицыной и ея супруга (Сооб-
щилъ А. О. Круглый). 428
3. Графъ В. А. Перовскій: его бумаги
и письма. (Сообщилъ профессоръ И. В.
Помяловскій). 442
4. Письма князя П. А. Вяземскаго къ
А. С. Пушкину (1823—1831), съ пре-
дисловіемъ и примѣчаніями 470
5. Клейменная бумага и ея продажа въ
Москвѣ. Замѣтка А. А. Мартынова. 488

МОСКВА.

Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина

1879.

105

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Садовой, противъ
церкви св. Ермолая, въ домѣ Баженовой, можно получать:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877 И 1878 ГОДОВЪ.

Въ каждомъ году по три отдѣльныя книги съ особыми указателями.
Цѣна каждой книгѣ отдѣльно по 3 рубля, полному годовому изданію
8 рублей.

МЕЛОЧИ

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

М. А. ДМИТРІЕВА.

ДВА рубля.

СЕРЫИ

СТОЧНИКАМЪ.

Издана Ранке.

ПРИБЛЮЖЕНОВА.

одинъ рубль.

Яицкое войско до появленія Пугачева.

Г Л А В А IV *).

Въ 1744 г. открыта Оренбургская губернія, и Яицкое войско подчинено ея губернатору, И. И. Неплюеву, знаменитому колонизатору Оренбургскаго края. Въ указѣ Неплюеву изъ Военной Коллегіи, между прочимъ, замѣчено, что о Яицкомъ войскѣ, когда и какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ завелось и утвердилось и на какомъ основаніи содержится, обстоятельныхъ извѣстій не бывало и нѣтъ, что чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно.

Держась пословицы «свой глазъ—алмазъ», Неплюевъ, 20 Августа 1748 г. донесъ Военной Коллегіи, что считаетъ необходимымъ посѣтить Яицкій городокъ, «и, разсмотрѣвъ все до того принадлежащія окрестности, Государственной Военной Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ благонадежно, также бы и съ состояніемъ очага войска сходственно». Въ Ноябрь 1748 г. Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ и, собравъ свѣдѣнія; какія было можно, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, представилъ ихъ въ Военную Коллегію, вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ мѣръ и соображеній касательно переустройства Яицкаго войска. О самомъ Яицкомъ городкѣ онъ говоритъ, что «онъ городокъ, по его ситуаци и по нынѣшнему укрѣпленію, во всякомъ случаѣ, мнитъ довольно оборонительнымъ и артилерію имѣетъ достаточную». Далѣе онъ перечисляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьѣ деньгами и натурою, объ отпускѣ вина съ Симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороку изъ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи, о рыболовствѣ, объ управленіи войска и составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, гдѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: «нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя-бъ кто вопреки что атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ кругу и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномерно-жъ и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состоя-

*) См. первую книгу Русскаго Архива 1879 г. стр. 273 и 401.

ни приведены. Ибо впрямь сего сывало, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертію казнили ¹⁾, нынѣ-жъ, кромѣ что, привязавъ къ кольямъ, бьютъ плетми, никакихъ другихъ штрафовъ не бываетъ». Изъ мѣнія, поданнаго Неплюевымъ о переустройствѣ войска, видно, что безпорядки и несогласія въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на два враждебныхъ лагеря, зависѣли отъ того, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учреждений, ни опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ: все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ. Приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должныя и недолжныя поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было и т. п. «Того ради», говоритъ Неплюевъ, «для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредъ будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и казаки бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей и всегдашней исправности быть могли; а старшины бы, имѣя опредѣленное жалованье, во всемъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то бы съ казаковъ тѣхъ указомъ запрещенныхъ поборовъ не собирали» ²⁾.

По штату, предложенному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ всѣхъ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, полагалось два есаула и нѣсколько общихъ служителей, а казачій корпусъ былъ раздѣленъ на 7 полковъ или станицъ, по 500 ³⁾ въ каждой. На каждый полкъ полагались: одинъ полковой старшина, или станичный атаманъ, писарь, полковой есаулъ и пять сотниковъ безсмѣнно. Полки назывались: первый, второй, третій ⁴⁾ и т. д. Каждый полкъ долженъ былъ имѣть особое знамя и «учинить» списки служилыхъ казаковъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть въ войсковомъ приказѣ, а другой въ полковой избѣ у полковаго писаря. При этомъ должны быть переписаны и Калмыки, которые заявятъ желаніе къ службѣ, но списки ихъ предположено вести отдѣльно и хранить у себя каждому станичному атаману. Полки обязывались нести внутреннюю постоян-

¹⁾ Это подтверждается, напр., разстрѣломъ казаковъ: Елисѣева, Мордвинкина и др. На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе, что у Яицкихъ казаковъ наказаніе за кражу огурца состояло въ томъ, что виновнаго выводили въ поле и, законавъ въ землю по шею или по поясъ, разстрѣливали, на страхъ собравшемуся народу. Казаки руководились въ этомъ случаѣ тѣми же соображеніями, какъ и древніе Спартанцы.

²⁾ П. С. З., XI, 8215.

³⁾ Рычковъ говоритъ (ч. II, 81), что въ каждомъ полку было по 508 человекъ; но онъ включаетъ, вѣроятно, въ это число и особо назначенныхъ въ каждый полкъ, старшину, есаула, писаря и пять человекъ сотниковъ.

⁴⁾ Эти названія сохранились доселѣ.

ную службу (которая состояла, главнымъ образомъ, въ оборонѣ линіи отъ вторженія Киргизовъ и въ прегражденіи переправы Калмыкамъ за Уралъ) и внѣшнюю, заключающуюся въ частныхъ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, также на войну, въ содержаніи карауловъ и разъѣздовъ по Сибирской линіи ⁵⁾, смотря по надобности правительства. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 р. 41½ коп., въ томъ числѣ на 3500 человекъ рядовыхъ казаковъ, на каждаго по 1 р. 50 к. въ годъ ⁶⁾. Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ написалъ обширный проектъ ⁷⁾, которому не было суждено осуществиться вполнѣ.

Старанія Неплюева не остались однако совершенно безплодными. Штатъ былъ учрежденъ. Войсковому атаману, по мнѣнію Неплюева, надлежитъ быть «богобоязненну, заслуженну; отъ него особливо требуются совѣстные и справедливые поступки, наибольшая храбрость и искусство; вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ долженъ вести себя такъ, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ главнаго своего командира, любили, почитали и боялись, а при томъ всемъ толь скромнымъ себя показывать, чтобы каждому былъ къ нему свободный приступъ, наипаче же быть правдиву, безпристрастну и не лакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и не кичливу въ ихъ прошеніяхъ» ⁸⁾. Между многими другими обязанностями войсковой атамана долженъ былъ имѣть постоянное попеченіе о томъ, «чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребывали, въ праздничные и воскресные дни прилежали бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла Божеское благословеніе происходитъ». Войсковые старшины, или станичные атаманы, подражая во всемъ хорошему главному войсковому атаману, обязаны были каждодневно докладывать своему начальнику словесно, чрезъ посредство есаула о состояніи и комплектѣ своего полка, и разъ въ мѣсяцъ дѣлать о томъ письменныя представленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ лежала обязанность строго смотрѣть за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ, чтобы они не чинили обидъ своимъ подчиненнымъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ смотрѣлъ также за исправностію лошадей, сбруею, за выдачей жалованья и вмѣстѣ съ есауломъ производилъ судъ и расправу по жалобамъ казаковъ его полка; если же случилось какое важное дѣло или одинъ изъ судящихся принадлежалъ не къ его командѣ, въ такомъ случаѣ жалующіеся, послѣ неудавшейся попытки примирить ихъ, передавались въ распоряженіе войскового

⁵⁾ Рябининъ, ч. II, въ прил. № XII, стр. 36—41.

⁶⁾ По прежнимъ указамъ на все войско опредѣлено и велѣно было отпускать деньгами 4138 р. и 1598 четвертей хлѣбомъ, за который выдавалось деньгами отъ 600 до 1000 р. да 100 вед. вина съ Симбирскихъ заводовъ, такъ что всего въ годъ приходилось до 5000 рубл. См. Рычковъ, II, 86 и 87.

⁷⁾ Проектъ Неплюева напечатанъ во второй книгѣ Русскаго Архива 1878.

⁸⁾ Пунктъ 1-й штата.

суда ⁹⁾. Каждый казакъ, по мысли Неплюева, долженъ быть смѣлымъ и хорошимъ наѣзникомъ, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей, саблю, турку со всѣми принадлежностями или, вмѣсто турки, сайдакъ и копье, а кто можетъ и панцырь. Во время «знатныхъ походовъ и при знатныхъ оказіяхъ» панцырники, раздѣлясь по ровну, должны были ѣхать впереди полковъ «для лучшей полковой парады» ¹⁰⁾.

Войсковые круги хотя и позволялось собирать, но согласія казаковъ предписывалось спрашивать только на одни ихъ домашнія дѣла, напр., когда и какъ имъ собираться и идти на рыбные и другіе промыслы, относительно постройки и ремонта общественныхъ зданій и т. п. Что касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій со стороны атамана, по силѣ высочайшихъ указовъ или предписаній различныхъ командъ: то велѣно было только объявлять о томъ кругамъ чрезъ есауловъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ.

Вмѣсто службы по найму Неплюевъ проектировалъ очередную службу. Неплюевъ предписываетъ всѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ строго наблюдать, «чтобы чрезъ позволеніе нанимать за себя другаго богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которыя у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя». Зная, какъ много собиралось съ неидущихъ на службу казаковъ должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запрещаетъ подобныя сборы и представляетъ это дѣло на полную волю и доброжелательство казаковъ, съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства со стороны старшинъ. Въ Яицкомъ войскѣ, какъ извѣстно, изстари вѣковъ и понынѣ пользованіе землею, лугами, рыбными и другими соединенными съ природными богатствами страны промыслами—общинное; поэтому казакъ, уходившій на вѣшнюю службу, не имѣя у себя опредѣленнаго участка земли и луговъ, несъ явный убытокъ, ибо лишался возможности получить извѣстную долю въ пользованіи войсковыми угодьями, тогда какъ остающіеся дома, на «льготѣ» или на внутренней службѣ, не мало оттого выигрывали, особенно въ хорошій годъ и при значительныхъ командировкахъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ пользованія войсковыми угодьями, уходящій на службу долженъ быть вознагражденъ со стороны остающихся, которые пользуются и долей уходящихъ на службу, и своей собственной въ войсковыхъ угодьяхъ. Поэтому Неплюевъ и не хотѣлъ отмѣнить права казаковъ, поступающихъ въ составъ различныхъ командъ, на полученіе за то подмоги; иначе бы пришлось измѣнить самый порядокъ пользованія войсковыми угодьями, выработанный болѣе чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Кромѣ того, казаки, уходившіе на службу по очереди, если они не имѣли женъ и дѣтей, могли продавать право «багренья» кому-либо

⁹⁾ Пунктъ 8-й.

¹⁰⁾ Пунктъ 9-й.

изъ остающихся на мѣстѣ ¹¹⁾. Такимъ образомъ, строго говоря, Неплюевъ не вводилъ очередной службы въ смыслѣ солдатства ¹²⁾, а только видоизмѣнилъ самый способъ наемки, придавъ ей иной видъ, иное назначеніе и ограничивъ ее извѣстными условіями, зависящими отъ экономическаго устройства Яицкой общины и обусловленными историческою необходимостію. Яицкій казакъ, по проекту Неплюева, имѣлъ право нанимать вмѣсто себя и другаго, если только онъ самъ былъ необходимъ въ общинѣ, какъ торговецъ, мастеровой, промышленникъ и т. п. Это право «наемки», право добровольно располагать собою имѣло важное значеніе, какъ лично для торговаго и промышленнаго казака, такъ и вообще для экономическаго благосостоянія цѣлой общины.

Чтобы добыть отъ земель, водъ и другихъ угодій существенную пользу, необходимо имѣть право располагать своимъ трудомъ, своей судьбой, а безъ этого и большой капиталъ ни къ чему послужить не можетъ. Вотъ почему дорога для каждаго казака «наемка», не говоря уже объ историческомъ освященіи ея вѣками. Наемка даетъ возможность каждому состоятельному и трудолюбивому казаку располагать собою, своимъ трудомъ и капиталомъ, по желанію и усмотрѣнію. Извѣстно, что ничего такъ упорно и энергично не отстаивали Яицкіе казаки, какъ это право «наемки». Правительство два раза отмѣняло наемку и, затѣмъ, снова возстановляло ее ¹³⁾. Новое положеніе о воинской повинности снова коснулось этого облюбленнаго казаками права и снова вызвало неудовольствіе со стороны нѣкоторой части войска. Но замѣчательно, что штатъ, проектированный Неплюевымъ, и очередная служба въ указанной формѣ не вызвали ни малѣйшаго недовольства со стороны казаковъ: во все время пребыванія въ Яицкомъ городкѣ Неплюева и послѣ, съ его отъѣздомъ, среди Яицкихъ казаковъ все было тихо и спокойно; по крайней мѣрѣ мы не нашли указаній на недовольство казаковъ ни у самого Неплюева, ни у сопровождавшаго его на Яикъ Рычкова. Между тѣмъ, сколько стоило послѣ правительству борьбы, хлопотъ и трудовъ введеніе штатовъ и, какъ мы видимъ, не всегда съ успѣхомъ. Все это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что сильный своею опытностію и добросовѣстностію, Неплюевъ сумѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ преобразованій. Зная о раздѣленіи казаковъ на два враждебныхъ лагеря,—на атаманскую или старшинскую партію и партію народную,—онъ не присоединяется ни къ той, ни къ другой сторонѣ, старается по возможности угодить обѣимъ, и чрезъ то примирить враждебные интересы общины, чтобъ такимъ образомъ, приготовивъ благопріятныя для своей реформы условія, достигнуть главной цѣли: экономическаго благосостоянія и болѣе прочнаго устройства казацкой общины въ админи-

¹¹⁾ Пунктъ 11.

¹²⁾ Желаящимъ ознакомиться съ „наемкой“ Яицк. казаковъ можно указать на Военный Сборникъ 1866 г., № 2 и 1873 г. № 3.

¹³⁾ Въ 1766 и 1803 г. наемка была отиѣвлена, а въ 1806 г. возстановлена, вопреки проекту генераль-лейтенанта Медера, и существовала до послѣдняго времени въ полной силѣ.

стративно-военномъ отношеніи. даже умѣлъ примирять частные интересы съ общественными этотъ достопамятный дѣятель.

Неплюевъ обратилъ также вниманіе и на установленіе внутренняго порядка и благочинія въ Яицкомъ городкѣ, на недостатокъ городскихъ доходовъ, на развитіе грамотности въ войскѣ и на многія другія стороны внутренняго быта казаковъ.

«Наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впередъ всякъ строился бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать. Также и сего смотрѣть, чтобы на торгу вѣсы и всякія мѣры были справедливы, цѣна на хлѣбъ и всякое харчевое содержаніе умѣренная, и такая, чтобы изъ того народной тягости, также и ни въ чемъ бы никакихъ обмановъ не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ, имѣть особое учрежденіе и особливые инструменты». Замѣчательно, что Яицкіе казаки, вѣроятно, подъ вліяніемъ раскольническаго фатализма, и теперь не охотно заводятъ у себя гидропульты и другія пожарныя принадлежности, замѣчая, что кто тушитъ пожаръ, тотъ борется съ Богомъ, пославшимъ наказаніе за грѣхи. Такого убѣжденія особенно держатся низовые казаки. За то и горитъ Уральская община!

Кромѣ откупныхъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и поведерныхъ, у Яицкихъ казаковъ до этого времени другихъ доходовъ и сборовъ не было; «но и сихъ всѣхъ, замѣчаетъ Неплюевъ, больше 435 р. не бывало», именно: кабацкій сборъ равняется 225 р., вѣсовыхъ доходовъ приходилось на годъ отъ 120—140 рубл., поведерныхъ, полагая по рублю съ бочки, отъ 30 до 40 р., такъ что всего выходило отъ 405 до 435 р. въ годъ. Деньги эти шли на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе ко двору презента, на вырубку и стогъ учугеннаго лѣсу, на прогоны посылавшихся отъ войска лицъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды пріѣзжавшихъ изъ Киргизской орды пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ экстренными порученіями въ орду, на церковные и канцелярскіе расходы и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2,000 р.; а на приходъ, какъ мы уже знаемъ, поступало не болѣе 435 р., «отъ чего», говоритъ Неплюевъ, «во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напередъ сего, но еще и нынѣ чинятъ по міру т. е. съ казаковъ поборы». Иногда войско входило въ такіе долги, что не имѣло даже возможности уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа В. Коллегіи Неплюеву 12 Декабря 1745 г. Правда, что у казаковъ былъ еще одинъ источникъ общихъ доходовъ, — такъ называемыя домосѣдныя деньги, которыя собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ «въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багренья»; но эти деньги шли не на общіе городскіе расходы, а поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на служащихъ по письменной части при войсковомъ управленіи, на повѣренныхъ, войсковаго толмача, канонировъ и кузнецовъ, въ замѣнъ того, что имъ въ прежнія времена не позволялось участвовать въ упомянутомъ багренѣ (хотя въ

другихъ рыболовствахъ могли и они участвовать, если только это не отвлекало ихъ отъ служебныхъ обязанностей). Сумма домосѣд-ныхъ денегъ равнялась: въ 1754 г. 1312 р., въ 1756 г.—484 р.¹⁴⁾ 50 коп., въ 1757 г.—2070 р., въ 1758 г.—1884 р. 50 коп., въ 1759 г.—1784 р. 50 коп., въ 1760 г. 4593 р., въ 1761 г. за севрюжій карауль 18 р., а всего въ семь лѣтъ—12352 р.¹⁵⁾

Въ числѣ лицъ, получавшихъ домосѣдныя деньги, были также ата-маны, старшины, муллы, отставные и малолѣтніе; число такихъ лицъ въ войскѣ иногда простиралось до 60 и 70 чел. Такимъ обра-зомъ и «домосѣдныя деньги», довольно значительныя по тому вре-мени, не могли пополнить суммъ на общіе городскіе расходы. Неплю-евъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яиц-комъ городкѣ. До этого времени Яицкіе казаки, вслѣдствіе опредѣ-ленія Сената отъ 6-го Октября 1732 года, должны были покупать вино «на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызрани, гдѣ имъ способнѣе, на кружечныхъ дворахъ, по ука-заннымъ цѣнамъ и брать выписки; а «ежели они вино будутъ поку-пать не съ кабаковъ», говорится въ указѣ, «и въ томъ изобличены будутъ, за то у нихъ то вино отбирать безденежно»¹⁶⁾. По окладной книгѣ Камеръ-Коллегіи 1723 г. значится, что съ Яицкихъ казаковъ кабацкаго сбора взималось 708 р. 49 к.; окладъ этотъ приложенъ былъ къ доходамъ Сызранской ратуши, такъ какъ казаки покупали вино въ Сызрани. Неплюевъ чрезъ Коллегію предложилъ Сенату, съ вѣдома Оренбургской губернской канцеляріи, водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ отдать на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ. Надѣясь чрезъ то увеличить городской доходъ, Неплюевъ видѣлъ въ томъ и облегче-ніе для народа, такъ какъ водка и вино могли тогда продаваться де-шевле; въ то время какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля¹⁷⁾. Кромѣ того, казаки, покупая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, вслѣдствіе отно-шенія В. Коллегіи, отъ 8 Декабря 1749 г. и согласія войска (въ лицѣ атамана Ильи Меркульева и старшины Бородина) ежегодно вносить въ казну 708 р. 49 к. акцизнаго сбора, опредѣлилъ: «дозволить Яиц-кому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позво-лительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 г. 708 руб. 49 к. платить повсягодно сполна, бездо-имочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежѣ

¹⁴⁾ У Данилевскаго (Рыболовство въ Россіи, ч. III, стр. 65) показано 404 р. 50 к., но мы удерживаемъ тѣ цифры, которыя приведены въ указѣ, отъ 15 Дек. 1765 г. Яицкому войску. См. въ Арх. Ур. войска по описи № 67, стр. 8.

¹⁵⁾ Слѣдовало бы ожидать 12346 р. 50 коп.; но такъ показано въ указѣ Яицкому войску отъ 15 Дек. 1765 г.

¹⁶⁾ П. С. З., т. XIII, № 9691-й, стр. 164, ст. 1.

¹⁷⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренбург. губерніи вино продавалось еще дороже, напр., въ Исетской провинціи ведро стоило болѣе 2 р. П. С. З., т. XIV, № 10,497-й.

отъ того ~~жесток~~аго воева бѣли надлежащее обязательство, или оное имъ зачитать въ положенное годовое жалованье, по сношенію Камеръ-Коллегіи съ Штатсъ-Конторою и Яицкаго войска съ атаманомъ и старшинами». При этомъ казакамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, подѣ опасеніемъ жестокаго штрафа, «изъ тѣхъ Яицкихъ казацкихъ городковъ вина и водки въ Великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены Великороссійскіе служилые люди, и никуда, въ Русскія поселенія, не отвозить и не пропускать» ¹⁸⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ указалъ казакамъ и на другой источникъ общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ жителей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ по полтинѣ. Принимая во вниманіе, что число пріѣзжавшихъ иногородцевъ въ Яицкій городокъ, особенно въ зимнее время, было весьма значительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ небольшой самъ по себѣ сборъ могъ достаточно восполнять сумму, потребную на городскіе расходы. Съ цѣлью пресѣчь злоупотребленія и возможность къ неправильному расходу войсковыхъ суммъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы всѣ городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуровыя и за печатью книги, указавъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на канцелярскія потребности, на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова, также на посылку курьеровъ и прогоны, въ церковь на свѣчи и ладанъ, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ Киргизъ и Калмыковъ и т. п. О всѣхъ расходахъ войско ежегодно должно было представлять особыя вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для наблюденія за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ положено избрать по общему приговору особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ «добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ», которые, по истеченіи каждаго года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ. Постоянный контроль надъ такими блюстителями войсковыхъ суммъ былъ порученъ войсковому атаману и старшинамъ. Заботясь о сбереженіи и должномъ употребленіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ также постановилъ, чтобы командируемымъ на службу казакамъ жалованье выдавалось подѣ поручительствомъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ «и ежели кто, не заслужа треть ¹⁹⁾, бѣжить или умереть, то оное жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручителей; а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умереть, то заслуженное сго жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію войсковаго суда». Предписывая не увольнять старшинъ со службы болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, Неплюевъ прибавляетъ: «а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудеть, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отпускѣ, жалованья не давать

¹⁸⁾ П. С. З., т. XIII, № 9691, стр. 164 и 165.

¹⁹⁾ Жалованье выдавалось по третямъ впередъ.

и удержанное записывать». О всѣхъ остаткахъ суммъ рѣшено было «въ Оренбургскую губернскую канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу».

До этого времени Яицкіе казаки отправляли въ Петербургъ четыре станицы въ годъ, одну зимовую и три легкія, на что отъ В. Коллегіи была назначена особая сумма въ 2638 р. 30 к. Деньги эти шли на награды атаманамъ, есауламъ, старшинамъ и казакамъ, пріѣзжавшимъ въ станицахъ, для чего выбирались всегда заслуженные и оказавшія особыя услуги лица. Неплюевъ, чтобы умножить окладное жалованье казаковъ, уничтожилъ легкія станицы, оставивъ одну зимовую, и назначилъ на нее сумму въ 1217 р. 41½ коп., да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, т. е. на ковши, сабли и знамена 100 р. Вся эта сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 р., при немъ есаулу 60 р., старшинѣ 50 р., рядовымъ семнадцати человѣкамъ—каждому по 35 р.; остальное шло на путевыя издержки и на чрезвычайные расходы.

Неплюевъ позаботился и о школахъ. Изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ въ это время было только 26 человѣкъ, а изъ взрослыхъ не болѣе 5 человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшинъ; но и тѣ, по выраженію Неплюева, «знаютъ недовольно. Почему войсковому атаману съ товарищи его—говоритъ Неплюевъ,—такое и полковымъ старшинамъ надлежитъ имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскія дѣти, но и знатныхъ казаковъ обучаемы были грамотѣ и чистому письму; а притомъ не лишнее бы для нихъ было и сіе, ежели бы кто зналъ изъ нихъ первыя части ариметики и прилежалъ бы въ церквахъ чтенію и пѣнію». Еслибы въ войскѣ не нашлось для обученія дѣтей кого-либо изъ свободныхъ и способныхъ церковно-служителей, то, по мнѣнію Неплюева, можно на войсковой коштъ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые покои и содержать особаго же одного или двухъ учителей, употребивъ на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы, и чтобы каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отнынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотя-бъ кто службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ въ чины предпочитать, а впредъ, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ». Въ войсковомъ приговорѣ о выборѣ въ атаманы Андрея Бородинна въ 1755 г. встрѣчается нѣсколько разъ подпись дѣтей вмѣсто отцовъ и подпись простыхъ казаковъ вмѣсто старшинъ и есауловъ, которые, желая, вѣроятно, скрыть свое безграмотство, заставляли росписываться за нихъ нерѣдко «по приказу», а не «по просьбѣ» такого-то; но въ это время встрѣчается уже болѣе грамотныхъ, чѣмъ за семь лѣтъ, когда Неплюевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ и настаивалъ на учрежденіи школъ; самая подпись дѣтей вмѣсто отцовъ, свидѣтельствуешь до нѣкоторой степени о томъ, что заботы Неплюе-

ва о распространѣніи грамотности въ Яицкомъ войскѣ не остались «голосомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Неплюевъ указываетъ, какъ должны относиться казаки къ кочевавшимъ близъ ихъ городка Калмыкамъ, и въ частности, къ желавшимъ изъ нихъ креститься; упоминаетъ объ отношеніи къ нимъ Татарскихъ муллъ, опредѣляетъ штатъ Илецкой и Сакмарской станицъ, заканчиваетъ свой проектъ правомъ апелляціи недовольныхъ. Желая устранить вліяніе на Калмыковъ Магометанскихъ муллъ и абызовъ, жившихъ въ Яицкомъ войскѣ, онъ приказалъ отобрать отъ нихъ особыя подписки, подъ страхомъ смертной казни, чтобы «впредь не только сами они къ превращенію въ свой законъ, ниже къ подговариванію и наученію для того изъ другихъ вѣръ никого и ни подъ какимъ видомъ не отваживались, но и другихъ свою братію Татаръ не допускали». Войсковой атаманъ и старшины обязаны были строго смотрѣть за Татарами и особенно за ихъ муллами и, въ случаѣ малѣйшаго отступленія ихъ отъ данной подписки, сейчасъ же брать ихъ подъ арестъ и немедленно сообщать о томъ Оренбургской канцеляріи. Не отрицая, что тайная пропаганда муллъ продолжала дѣйствовать во всей силѣ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что страхъ смертной казни сѣузилъ кругъ магометанскаго вліянія на Калмыковъ, и число желающихъ креститься стало возрастать.

Такъ Неплюевъ весьма близко принималъ къ сердцу интересы Яицкаго войска, цѣня по достоинству силу, храбрость, смѣтливость и необыкновенную выносливость, закалъ этой «сбродной вольницы», стараясь придать ей правильный строй и улучшить экономическое положеніе страны. Еще Кириловъ писалъ Бирону, что Яицкіе казаки люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ всѣ стѣжки знаютъ ²⁰⁾; Неплюевъ также хорошо понималъ и цѣнилъ тѣ богатые задатки Уральскихъ казаковъ, которые потомъ обнаружили они въ борьбѣ съ Киргизами и другими средне-азіатскими народами. Спустя почти столѣтѣ послѣ этого, графъ В. А. Перовскій такъ отзывался ²¹⁾ объ Уральскихъ казакахъ, сопровождавшихъ его въ Хивинской экспедиціи. «Вотъ ужъ чудо—казаки: стужа, бураны для нихъ ничто, больныхъ весьма мало, умершихъ почти нѣтъ; пока шли впередъ, какая бы ни была погода, и днемъ и ночью, распѣвали удалыя пѣсни; теперь ²²⁾ молчатъ, радость пропала, но унынія нѣтъ, работаютъ болѣе, лучше и охотнѣе всѣхъ. Безъ нихъ плохо-бы было всему отряду, а заговоришь съ ними о Хивѣ, всѣ и каждый готовы, по первому зову, опять обернуть коня, не справляясь, будетъ-ли имъ пища и конямъ кормъ. Я и прежде уже видѣлъ ихъ въ степномъ походѣ, но то была лѣтняя, веселая прогулка; теперь, при ежедневныхъ, ежечасныхъ трудностяхъ всякаго рода, они кажутся мнѣ во сто разъ удалѣе. Нѣтъ ни одного офицера, ни одного каза-

²⁰⁾ Рус. Бесѣда 1860 г., II, 199. Письмо 30 Ноября 1734 г.

²¹⁾ См. его письма, отъ 5 Янв. и 7 Февр. 1840 г., къ наказному атаману Ур. войска, Матвѣю Львовичу Кожевникову, помѣщенный въ Ур. в. вѣд. за 1869 г. № 17.

²²⁾ Извѣстна, что графъ Перовскій вынужденъ былъ съ полпути вернуться назадъ.

ка, который-бы не заслужилъ моею душевною олагодарности и похвалы ²³⁾. Поблагодарите отъ меня, любезнѣйшій Матвѣй Львовичъ, оставшихся на Уралѣ за тѣхъ Уральцевъ, которые со мною ²⁴⁾. Безразсудно и грѣшно было-бы мнѣ вести на вѣрную, бесполезную и безславную гибель людей, которые вѣрою и правдою послужатъ еще Царю и Отечеству». Тоже самое, только въ другихъ выраженіяхъ, высказалъ объ Уральцахъ и генералъ-лейтенантъ Н. А. Веревкинъ, бывшій 11 лѣтъ наказнымъ атаманомъ Уральского казачьяго войска, на обѣдѣ, устроенномъ въ честь его 20 Іюля 1873 г., по возвращеніи изъ Хивинскаго похода. Указавъ на чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряженъ былъ походъ Бековича-Черкаскаго въ Хиву, Веревкинъ замѣтилъ: «По истинѣ надобно удивляться, какъ удалось Бековичу достигнуть Хивы и привести туда нѣсколько человѣкъ живыми, изъ которыхъ большинство были Яицкіе казаки». На Уралѣ до сихъ поръ сохранилась пѣсня, которая особенно часто раздавалась въ отрядѣ Перовскаго, во время слѣдованія его къ Хивѣ и о которой никто не смѣлъ заикнуться на обратномъ пути. Пѣсня эта сложилась во время самаго похода и имѣетъ къ нему прямое отношеніе; нѣкоторыя выраженія этой пѣсни довольно вѣрно характеризуютъ закалъ Уральскихъ казаковъ.

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву
Истребить Хивинско племя;
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Хиву перейдемъ,
Къ Усть-Урту подойдемъ;
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ Хивинцы-воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны ни-почемъ,
Джибаги прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги;
Шалки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ;
Винну порцію запьемъ,
Закричимъ мы въ разъ „Ура!“
Тутъ погибнетъ вся Хива!
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ....

Много-бы можно было привести данныхъ въ доказательство необыкновенной выносливости, смѣтливости и удалства Уральскихъ

²³⁾ Далѣе Перовскій отзывается съ особенною похвалою о покойномъ генералъ-маіорѣ Ур. войска Ѳедотѣ Григорьевичѣ Биряковѣ. Слича отзывъ о немъ Желѣзнова въ его очеркахъ „Уральцы“ ч. II, стр. 166.

²⁴⁾ Изъ письма отъ 7 Февраля, когда Перовскій рѣшился вернуться назадъ.

казаковъ; но это дѣло не отвлекаетъ насъ отъ главной задачи нашего очерка. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что Уральскій казакъ въ степи незамѣнимъ. Кромѣ удалства и молодечества, какъ общихъ качествъ Русскихъ казаковъ, Уральцы отличаются и другими, которыя развиты въ нихъ сосѣдними степями, и которыхъ не имѣютъ другіе казаки. Какъ же было не цѣнить Яицкихъ казаковъ Неплюеву, которому постоянно приходилось имѣть дѣло съ обитателями средне-азіатскихъ степей!

Г Л А В А V.

Со времени подчиненія Яицкаго войска Неплюеву, начинается и укрѣпленіе Нижне-Яицкой линіи. До Неплюева на всемъ протяженіи нижняго Урала, т. е. на разстояніи болѣе 600 верстъ, отъ Разсыпной крѣпости до Гурьева городка, было только два укрѣпленныхъ пункта: Яицкій городокъ и Гурьевъ. Такая беззащитность Нижне-Яицкой линіи давала Киргизамъ возможность свободно переходить черезъ Уралъ на Самарскую сторону, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежъ и угонъ скота у самихъ казаковъ и у Калмыковъ, кочевавшихъ на правомъ берегу Урала. Случалось, что Яицкіе казаки нерѣдко попадали и сами въ руки Киргизовъ, которые сторожили ихъ не на одной, такъ называемой, Бухарской сторонѣ, а и на другихъ путяхъ, напримѣръ по дорогамъ въ Самару и Сызрань.

Въ 1713 году партія Киргизъ и Каракалпаковъ, въ числѣ 800 чел., напала на возвращавшихся изъ Сызрани съ хлѣбомъ казаковъ, изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ. Въ 1725 г. повторилось тоже самое съ казаками, которые возвращались съ хлѣбомъ изъ Самары ²⁵⁾. Въ 1723 г. Киргизы и Каракалпаки, въ числѣ 300 человекъ, явились подъ самый Яицкій городокъ, захватили въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнали нѣсколько скота; въ погоню за ними отправилось 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Тимофеева; но Киргизы и Каракалпаки успѣли скрыться, и отрядъ казаковъ долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути въ Яицкій городокъ, отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой шайкой Киргизовъ, состоявшей изъ 300 человекъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой, при чемъ казаки были разбиты, и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ ²⁶⁾.

Изъ нѣкоторыхъ бумагъ XVIII вѣка, хранящихся въ Уральскомъ войсковомъ архивѣ, видно, что у Яицкихъ казаковъ на рѣкѣ Утвѣ ²⁷⁾,

²⁵⁾ Ур. в. вѣд. 1869 г., № 30.

²⁶⁾ Смотри доношеніе въ Военную Коллегію казака Михаила Бородина, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданнаго Каракалпаками въ Хиву, откуда выкупилъ его черезъ пять лѣтъ прикащикъ Яицкаго казака Ив. Сидорова Лобика, Татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтораста рублей. Ур. в. арх. Сличи въ Ур. в. вѣд. 1869 г., № 32.

²⁷⁾ Рѣка Утва впадаетъ въ Уралъ съ лѣвой стороны, между Илецкимъ городкомъ и Уральскомъ; протяженіе ея около 300 верстъ; берега поросли тальникомъ и камышемъ. Киргизы думаютъ, что въ Утвѣ есть золотой камень; но открыто объ этомъ не говорятъ, опасаясь, что Русскіе сами поселятся на Утвѣ осѣдлою жизнію; а Утва дѣйствительно удобна для поселенія: по сторонамъ ея прекрасные луга, а въ самой рѣкѣ довольно рыбы.

и за Утвою побоища съ Киргизами и Каракалпаками происходили весьма часто. Воспоминаніе объ Утвинскихъ побоищахъ съ Киргизами крѣпко засѣло въ казачьихъ головахъ и доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ; но особенно распространена на Уралѣ слѣдующая пѣсня, отличающаяся плавнымъ, заунывнымъ мотивомъ:

Какъ за славною за рѣткой
За Утвою,
За Утвинскими-то было
За горами,
Да распахана тамъ пашня
Яровая.
Пашня пахана не плугомъ,
Не сохою,
А распахана та пашня
Яровая
Мурзъ Киргизскихъ да Хивинскихъ
Копіями;
Выборонена та пашня
Яровая
Лишь копытами Киргизскихъ
Дикихъ коней,
И засѣяна не житою,
Не пшеницей,
А засѣяна та пашня
Яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ
Головами.
Добрый молодецъ засѣялъ,
Самъ уѣхалъ.
Ты расти, молю, моя пашня,
Зеленѣйся,
На полявочку ужъ ты, молю,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? Развѣ что
Съ неба дождемъ,
Иль источить горьки слезы
Мать родная ²⁸⁾!

Немало приходилось терпѣть казакамъ и отъ кочевавшихъ близъ Яика Калмыковъ, особенно отъ тѣхъ, которые находились въ улусахъ хана Черендундука, владѣльца Доржи-Назарова и его сына Лобжи. Калмыки особенно дожимали казаковъ отгономъ лошадей и рогатаго скота; такъ что казаки, будучи выведены изъ терпѣнія въ 1735 г. обратились съ слѣдующей просьбой къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ:

²⁸⁾ Смотр. Уральскія пѣсни, записанныя М. И. Иванинымъ въ Отеч. Зап. за 1848 г., № 4, Смѣсь, стр. 142.

«Сего 735 году ~~подобгаютъ~~ подъ насъ низайшихъ казачій городокъ, лѣтнимъ и осеннимъ временемъ, воровскіе Калмыки и отгоняютъ конные и скотинные табуны многократно, а именно: въ нынѣшнюю весну 735 году отогнали коннаго табуна съ пять сотъ лошадей да коровья скота до четырехста коровъ; да еще которые Калмыки сидятъ на низъ по рѣкѣ Яику, рыбною ловлею насъ обижаютъ и казаковъ нашихъ, которые отпускаются отъ насъ за звѣревою охотою и за рыбною ловлею, воровскіе Калмыки таковыхъ казаковъ нашихъ грабятъ и на смерть побиваютъ и разоряютъ безъ остатку, а безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами военнаго промысла чинить не имѣемъ. Того ради Государственную Военную Коллегію мы всенижайшіе войскомъ Яицкимъ просимъ, дабы милостивымъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было надъ оными воровскими Калмыки чинить намъ военный промыслъ, понеже мы низайшіе отъ такою Калмыцкаго воровства пришли въ крайнюю скудность и разореніе²⁹⁾». Военная Коллегія 16 Февраля 1736 г. спрашивала Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, «можно-ль онымъ казакамъ позволить противъ показанныхъ воровскихъ Калмыковъ воинскимъ обычаемъ отпоръ чинить», и получила отвѣтъ отъ 9 Марта того же года: «Во время на Яицкій городокъ и казаковъ воровскихъ Калмыкъ нападенія, Яицкимъ казакамъ отпоръ отъ себя чинить и оныхъ воровъ побивать и ловить можно, чтобъ, видя то, и другіе Калмыки такого воровства не чинили и оттого унялись; а чтобъ въ отмщеніе обидъ надъ Калмыцкими улусы (какъ войско Яицкое просить) чинить имъ надъ оными Калмыки военный промыслъ, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ апробовать не можетъ, и какъ Военная Коллегія разсудить изволить, что отъ такою позволенія можетъ произойти между ними явная война; а подлежить войску Яицкому объ обидахъ своихъ, какія имъ Калмыки сдѣлаютъ, писать къ Астраханскому губернатору и къ полковнику Беклемишеву, съ явными о томъ доказательствами; а они, губернаторъ и полковникъ Беклемишевъ, Калмыцкимъ владѣльцамъ о томъ представлять и сатисфакцій требовать указы имѣютъ. А нынѣ къ нимъ, въ подтвержденіе прежнихъ, указы посланы будутъ».

Сосѣдство съ Киргизами и Калмыками пріучало казаковъ къ отчаянной храбрости, переходившей иногда за предѣлы всякой осторожности. Нерѣдко случалось, что Яицкіе казаки вступали въ бой съ кочевниками, защищая и охраняя другихъ, Русскихъ или инородцевъ, входившихъ въ составъ Россіи. Въ 1736 и 1737 гг. Киргизы напали на Волжскихъ Калмыковъ и многихъ взяли въ плѣнъ; въ 1738 году повторилось тоже, при чемъ были захвачены въ плѣнъ и Русскіе³⁰⁾. Въ 1739 г. пострадали отъ Киргизъ ватаги на Каспійскомъ морѣ³¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ улусы Калмыцкаго владѣльца Бая

²⁹⁾ Ур. в. арх. № 19. Изъ кн. казачья повѣсть № 9, стр. 115. Прошеніе писано 25 Ноября и послано съ атаманомъ зимовой станицы Никитою Трифоновымъ.

³⁰⁾ Левшинъ, II, стр. 127 и 131.

³¹⁾ Грамота В. Коллегіи отъ 16 Янв. 1739 г. № 6.

должны были выдержать нападение 2400 киргизовъ³²⁾. Въ томъ же 1739 г. на Калмыковъ напали Каракалпаки, въ числѣ десяти тысячъ человекъ³³⁾, а Киргизы, оставивъ на время въ покоѣ Калмыковъ, которые въ свою очередь грабили Русскія селенія около Саратова³⁴⁾, продолжали дѣлать набѣги на Илецкихъ казаковъ и Башкиръ³⁵⁾ и, увлекая за собою послѣднихъ, обращались къ грабежу Русскихъ селеній, какъ это на примѣръ случилось въ 1740 г.³⁶⁾; или же угоняли скотъ и лошадей у самихъ казаковъ. Особенно жутко было пограничнымъ Русскимъ поселенцамъ отъ набѣговъ Киргизъ въ 1743 г., когда толпы ихъ, заключавшія въ себѣ по одной и по двѣ тысячи, нападали на Русскія селенія и увлекали за собой все что не могло спастись отъ нихъ или не могло быть истреблено³⁷⁾. Главнымъ подстрекателемъ Киргизовъ является Киргизскій ханъ Абуль-Хаиръ, озлобленный на Петербургскій кабинетъ за то, что онъ отказалъ ему въ замѣнѣ сына его Хаджи-Ахмета, бывшаго заложникомъ у Русскихъ, другимъ, побочнымъ сыномъ Чингизомъ. Яицкіе казаки, какъ пограничная военная стража, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги Киргизовъ, Каракалпаковъ, Башкиръ и Калмыковъ на Русскія селенія, а равно не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній. Все это, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій по линіи, осложняло обязанности Яицкихъ казаковъ. Кромѣ постоянной службы внутри своего городка, Яицкимъ казакамъ приходилось нерѣдко снаряжать особые полки на внѣшнюю службу и довольно значительные отряды на пограничную линію. Такъ, въ 1739 г., казаки должны были защищать отъ Киргизовъ Башкирцевъ Нагайской дороги, при чемъ ими было убито 10 чел., 50 ч. взято въ плѣнъ и отбито до тысячи лошадей³⁸⁾. Въ 1740 г. была командирована особая партія Яицкихъ казаковъ на низъ Урала, подъ командою атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородина «за воровскими Киргизъ-Кайсаками»; въ слѣдующемъ году тотъ же Бородинъ былъ отправленъ на нижнюю дистанцію «за прошедшими подъ Волжскихъ Калмыкъ Киргизами»³⁹⁾. Иногда бывали даже такіа тяжелыя времена, что у однихъ Яицкихъ казаковъ не доставало силъ для защиты края, семьи и собственной жизни, такъ-что необходима была помощь со стороны ихъ старшихъ братьевъ по оружію—Донскихъ казаковъ или же драгунскихъ ротъ. Такъ, въ 1739 г., указомъ князя Урусова⁴⁰⁾

32) Указъ Татищева отъ 30 Апр. 1739 г. № 2123.

33) Грамота Военной Коллегіи отъ 25 Мая 1739 г. № 132.

34) Указъ Оренбургской канцеляріи отъ 25 Мая 1739 г. № 4211.

35) Грамота Военной Коллегіи отъ 31 Мая 1739 года № 184; указъ отъ 9 Сентября того же года. Слич. Ур. вѣд. за 1868 г. № 23.

36) Указъ кн. Урусова отъ 24 Янв. 1740 г.

37) Левшинъ ч. II, стр. 153.

38) Указъ Оренб. губернска. канцеляріи отъ 11 Сент. 1739 г., № 4463.

39) См. въ Ур. в. арх. приговоръ Яицк. войска о выборѣ въ атаманы Андрея Бородина, по описи № 1.

40) Предшественникъ Неплюева по управленію Оренб. краемъ.

отъ 23 Октября, была послана рота драгунъ Астраханскаго гарнизона, съ цѣлю удержанія Киргизовъ отъ нападенія на Калмыковъ.

Въ прежнее время жизнь на Яикѣ была далеко не безопасна и требовала постоянной, неусыпной бдительности какъ со стороны казаковъ, такъ и начальства. Немало было пролито казачьей крови, и не даромъ сложилась пѣсня на Яикѣ:

Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки,
Костями бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючими слезами матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежитъ,—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась,—
Тамъ вязель сплелась;
Гдѣ слеза пала,—
Тамъ озеро стало!

Въ этихъ родныхъ для каждого Уральца звукахъ слышится выраженіе печальнаго прошлаго, и эта пѣсня—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ. Зная военныя способности и беззавѣтную храбрость Яицкихъ казаковъ, правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы сберечь лучшія силы края. Къ этому его побуждало и то, что число Яицкихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, простиралось до трехъ съ небольшимъ тысячъ; очевидно, что, при такой малочисленности, трудно было казакамъ охранять и ту часть границы, которая примыкала къ мѣсту ихъ жительства. Поэтому Астраханскій губернаторъ В. Н. Татищевъ подалъ проектъ о поселеніи по Яику, съ цѣлю его обороны, ниже Яицкаго городка, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ Татищева уже былъ утвержденъ 21 Января 1739 г.; но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе это нѣсколько лѣтъ не приводилось въ исполненіе. Между тѣмъ, казаки, опасаясь, что новые поселенцы будутъ перелавливать на пути идущую къ нимъ рыбу, а также не желая лишиться и пользованія рыболовствомъ въ нижнихъ частяхъ Урала, подали просьбу, въ которой обязывались построить близъ урочищъ Калмыкова и Кулагина Яра двѣ крѣпости и охранять ихъ и всю линію вплоть до Гурьева своими силами, прося, чтобъ на этомъ пространствѣ не заводи́ли предполагаемыхъ селеній, уволили ихъ отъ постороннихъ командировокъ и отворили-бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга по 8 сажень съ cadaго. Мы уже знаемъ, что въ пяти верстахъ ниже теперешняго Гурьева, на мѣстѣ, называемомъ брандвахтою, былъ устроенъ казенный учугъ или перебой изъ бревенъ поперекъ всей рѣки; учугъ этотъ былъ сдѣланъ Астраханскими рыбопромышленниками, которымъ были отданы на откупъ Гурьевскіе рыбныя промыслы. Первоначально въ этомъ учугѣ, съ обѣихъ сторонъ его, были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8

саженъ; но въ послѣдствіи, вѣроятно окупщиками, ворота эти были заперты или вовсе уничтожены, такъ что рыба изъ моря могла проходить въ Уралъ только его боковыми устьями или рукавами, которыхъ въ то время было довольно и нѣкоторые изъ нихъ были очень глубоки. Къ этому-то учугу, а не къ Уральскому, относятся разсказы, указывающіе на необыкновенное изобиліе рыбы въ то время. По словамъ преданія, рыба такъ напирала на учугъ, что ее приходилось разгонять пушечными выстрѣлами ⁴¹⁾. Эти-то учуги, какъ увидимъ, и сдѣлались въ послѣдствіи причиною частыхъ споровъ, весьма затруднительныхъ для начальства, при разбирательствѣ дѣлъ между Яицкими казаками и Астраханскими рыбопромышленниками. Яицкіе казаки весьма были недовольны и тѣмъ, что Гурьевскіе учуги были заперты, особенно когда боковыя устья Яика мелѣли, по причинѣ убыли воды въ Уралѣ; теперь же, когда правительство было намѣрено перевести на берега Яика Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ, казаки должны были завопить. Въ своей просьбѣ они говорятъ: «Отъ такого заселенія мы придемъ въ крайнюю нищету и разореніе, и рыбныя наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся; ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка, за тѣмъ, что всегда будетъ пужена, проходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла или огнища, или же кто не въ время одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ» ⁴²⁾. Нелѣпость словъ этихъ, замѣчаетъ г. Данилевскій ⁴³⁾, очевидна: если такое препятствіе, какъ Гурьевскій учугъ, не могъ задержать прохода рыбы въ Уралъ, и она доходила до Яицкаго городка въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству самихъ же казаковъ, они отъ рыболовства «все свое пропитаніе имѣли», то какимъ же образомъ могла остановить ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ поимка одной рыбы въ какое бы ни было время года, или одинъ оружейный выстрѣлъ?! Все это, разумѣется, были не болѣе какъ выдумки и довольно простоватыя, чтобы только отклонить предложенное поселеніе дворянъ и драгунъ, и въ нихъ-то, по словамъ Данилевскаго, кроется, вѣроятное начало той мысли, которая составляетъ и до сихъ поръ коренное убѣжденіе большей части Уральцевъ, что не только всякое судоходство, но даже всякій малѣйшій шумъ или огонь на берегу Урала пугаетъ рыбу.

Какъ бы то ни было, только Неплюевъ, которому казаки такъ много обязаны, вступился за Яицкое войско, представляя, что предположенное заселеніе по нижнему Уралу драгунъ и дворянъ совершенно раззорило бы казаковъ, тогда какъ, по его выраженію, такой-де «сильный, легкій и исправный корпусъ раззорять весьма не полезно». Неплюевъ представилъ въ 1743 г. особое мнѣніе въ Сенатъ, въ которомъ, докладывая о просьбѣ Яицкихъ ка-

⁴¹⁾ Данилевскій, ч. III, стр. 28.

⁴²⁾ Рябининъ, ч. II, 28—29. Слич. П. С. З., т. X, стр. 788—789.

⁴³⁾ Данилевскій, ч. III, стр. 29.

отъ 23 Октября, была послана изъ низона, съ цѣлію удержанія казимъ уступить желанію войска по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ не потребуется отъ казны расходовъ; 2) на содержаніе драгунскаго полка и другихъ поселенцевъ необходимо было бы жертвовать большія суммы, тогда какъ въ способѣ, предлагаемомъ войскомъ, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и притомъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ отъ того принести своею службою и больше пользы государству; 3) Казанскій драгунскій полкъ, Самарскіе и Алексѣевскіе дворяне могутъ быть съ выгодною употребляемы на службу при Оренбургской Комиссіи; 4) тѣхъ трудностей, которыя бы могли происходить, при поселеніи Казанскаго полка, въ доставленіи провіанта, фуража и полковой амуниціи, не будетъ; 5) разработка Гурьевскихъ учуговъ усилитъ промышленность и торговлю, а слѣдовательно 6) принесетъ казнѣ чистый барышъ чрезъ умноженіе рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызрани, чрезъ которые возятъ рыбу во внутренніе города Имперіи⁴⁴⁾. Въ то же время Неплюевъ писалъ къ Татищеву, стараясь и его склонить на сторону казаковъ. Татищевъ, принимая въ соображеніе доводы Неплюева и ничтожность выгодъ, получаемыхъ казною отъ Гурьевскаго учуга, который съ 1740 по 1742 г. доставилъ всего 5037 р. 66 коп., не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но и предложилъ отдать учугъ казакамъ вмѣсто жалованья, предоставивъ имъ право сломать учугъ или оставить его въ свою пользу, что впоследствии и подало казакамъ поводъ къ просьбѣ объ отдачѣ имъ учуга на откупъ.

Мнѣніе Неплюева, представленное въ Сенатъ, поддержала и В. Коллегія. Императрица отмѣнила резолюцію Кабинета и грамотою 23 Апрѣля 1743 г., данною на имя войскаго атамана и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отвореніемъ Гурьевскаго учуга по 8 сажень съ каждой стороны, для прохода рыбы вверхъ по Уралу. «дабы чрезъ то казаки въ службы Ея Величества являлись исправны».

Казакамъ позволено было селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ указанныхъ ими пунктахъ, близъ урочищъ Калмыкова Яра и Кулагина Яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пѣтисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ, какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежуточныхъ пунктахъ, «основаться фундаментальными жилищами» и своими разъѣздами между обѣими крѣпостями и начиная отъ нихъ въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую до Гурьева охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки Калмыковъ и Киргизъ. Такъ возникли двѣ крѣпости: Калмыковская и Кулагина⁴⁵⁾, положившія въ свою очередь начало форпостамъ Нижне-Яицкой линіи и образовав-

⁴⁴⁾ Рябининъ, ч. I, стр. 35; ч. II, въ приложеніи стр. 29—30, Х. Слич. П. С. З., т. XII, № 8620.

⁴⁵⁾ Первая въ 200 верстахъ, вторая въ 120 верстахъ отъ Гурьева.

шія цѣпь укрѣпленныхъ постовъ, покушниками, ворота эти были держались на лѣвой сторонѣ Урала.

Укрѣпляя Нижне-Яицкую линію, Неплюевъ, какъ и всегда, старался дѣйствовать не самовластно, а сообразуясь съ мнѣніемъ и доводами самихъ казаковъ, которымъ лучше была извѣстна и мѣстность по р. Уралу, и нравы сосѣднихъ степныхъ барантачей *). Такъ, изъ указа отъ 19 Марта 1746 г. видно, что когда полковникъ Пальчиковъ, при особомъ рапортѣ, сообщилъ Оренбургской канцеляріи мнѣніе Яицкаго войска относительно того, что особенно нуждается въ наилучшемъ укрѣпленіи и наибольшемъ числѣ казаковъ мѣстность около и ниже Индерскихъ горъ, Неплюевъ отвѣчалъ: «Означенное ваше мнѣніе, по разсмотрѣніи, для показанныхъ отъ васъ обстоятельствъ, здѣсь апробуется» ⁴⁶⁾. Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ. Такъ какъ, по наблюденіямъ казаковъ, Киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Урала, особенно въ лѣтнее время, около Индерскихъ горъ и ниже къ Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья Урала по льду; то Пальчиковъ доносилъ, что войско считаетъ необходимымъ умножить число сторожевыхъ казаковъ въ той части линіи, которая находится между Индерскими горами и Гурьевымъ. Неплюевъ, согласившись съ мнѣніемъ войска, предписалъ, чтобы, какъ только назначены будутъ извѣстные опредѣленные пункты для форпостовъ, войско немедленно указало ихъ кондуктору Куликову, который долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстность каждаго изъ нихъ въ отношеніи удобства, составить ландкарту и учинить реестръ поверстнаго ихъ разстоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Урала имѣлись караулы и въ степь подѣзды, желая чрезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны Киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ велѣно было устроить на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ «маяки высокіе» и обязать ихъ камышомъ или другою какою сухою травою. При появленіи хищническихъ шаекъ, если только онѣ были довольно значительны, маяки эти, зажигаясь одинъ за другимъ, въ нѣсколько часовъ давали знать всей полинейной стражѣ о нападеніи Киргизъ-Кайсацкихъ скопищъ. Форпосты, заключавшіе въ себѣ не менѣе ста человекъ, должны были имѣть по одной пушкѣ и какое либо укрѣпленіе, а въ двѣ крѣпости велѣно дать по двѣ пушки со всѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія сильной партіи, можно было безопаснѣе и съ болѣшимъ успѣхомъ вести оборону. Казакамъ приказано «всякое стараніе имѣть быть доброконнымъ, а во время нужды о дву-конѣ; ибо Киргизы на воровство всегда поднимаются не меньше какъ о дву или о трехъ конѣ,—такъ безъ доброконныхъ лошадей надъ ними учинить и ничего невозможно». Выше Яицкаго городка, гдѣ также нерѣдко являлись Киргизы, Неплюевъ приказалъ вплоть до Илецка-

*) Баранта—набѣгъ, грабежъ, преимущественно въ отместку. П. Б.

⁴⁶⁾ Рябининъ, ч. II, стр. 11—12. Приложение IV-е.

го городка, въ удобныхъ мѣстахъ, одвѣлать зимовки ⁴⁷⁾, учредить и содержать при нихъ постоянный караулъ, во время зимы и лѣта. Мѣста для такихъ зимовокъ и карауловъ, которые будутъ указаны казаками, кондукторъ Куликовъ также долженъ былъ описать и измѣрить ихъ взаимное разстояніе, занеся все то на ландкарту.

Такимъ образомъ возникла постепенно цѣпь форпостовъ: Сарайчиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Харкинъ (Харкинская), Красный Яръ, Котельной, Антоновъ, Каменные Орѣшки (Каленовская), Сахарной, Мергеневъ, Сунаевъ, Кожехаровъ, Бударинъ, Кошъ-Яикъ, Чаганской и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся въ то время городками. Во всѣ эти форпосты казаки ежегодно обизаны были отправлять два полка въ полномъ комплектѣ; число всѣхъ казаковъ вмѣстѣ съ старшинами должно было равняться 1016 человекъ.

Въ то время, какъ заселялась и укрѣплялась Нижне-яицкая линія, на южномъ краю ея, въ Гурьевѣ, потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія Киргизъ-Кайсаковъ, обойдя Яицкіе форпосты Каспійскимъ моремъ, напала на Русскія и Калмыцкія селенія на Волгѣ и произвела въ нихъ «великое раззореніе». Во избѣжаніе подобныхъ набѣговъ на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и Астраханскому губернатору дѣйствительному камергеру Брылкину войти во взаимное соглашеніе относительно обсужденія мѣръ предосторожности отъ Киргизъ-Кайсацкихъ набѣговъ. Неплюевъ и Брылкинъ нашли необходимымъ увеличить Гурьевскій гарнизонъ сотнею казаковъ; но оба они расходились въ мнѣніи касательно источника, изъ котораго могла быть набрана эта сотня. Неплюевъ, за малолюдствомъ Яицкихъ казаковъ, предлагалъ сформировать ее изъ Волжскихъ казаковъ внутренней Царицынской линіи; а Брылкинъ, ссылаясь на малочисленность сихъ послѣднихъ, находилъ болѣе удобнымъ переселить въ Гурьевъ сто семей изъ Донскихъ казаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ оба эти мнѣнія, въ промеморіи къ Военной Коллегіи сообщила, что, сверхъ находящихся въ Гурьевѣ 120 чел. солдатъ изъ Астраханскаго гарнизона, она вполне раздѣляетъ мнѣніе Неплюева и Брылкина объ увеличеніи Гурьевскаго гарнизона сотнею конныхъ казаковъ и притомъ находить необходимымъ укрѣпить слободу, въ которой поселятся казаки, «обнеся острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ». Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не нашла возможнымъ принять мнѣніе Неплюева и Брылкина отно-

⁴⁷⁾ Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впоследствии, такъ называемыя реданки и трети, расположенныя цѣпью по правому (отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева) и лѣвому (отъ Бударинскаго форпоста вверхъ по рѣкѣ до Илецкихъ дачъ) берегу Урала. Реданка строится на половинѣ разстоянія отъ одного форпоста до другаго, а трети между реданкою и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки находится по трети или третнему пикету. На реданкахъ и третяхъ въ прежнее время всегда находилось нѣсколько казаковъ отъ линейной стражи, какъ передовой караулъ; они-то и зажигали маяки, въ случаѣ нападенія Киргизовъ.

сительно того, откуда взять сотню казаковъ. Мнѣніе было принято потому, что съ выселеніемъ въ Гурьевъ Волжскихъ казаковъ ослабилось бы положеніе Саратова, Царицына, Дмитріевска, Чернаго Яра и другихъ Волжскихъ городовъ. Что же касается до выселенія Донскихъ казаковъ, предложеннаго Брылкинымъ, то, по мнѣнію Коллегіи, на Донскихъ казакахъ должна была лежать обязанность въ охраненіи границъ отъ Крымскихъ и Кубанскихъ Татаръ, при томъ же изъ Донцовъ,—говорится въ промеморіи,—бываютъ частыя командировки къ Персидскимъ границамъ и въ другіе дальніе походы. Отрицая, такимъ образомъ, оба мнѣнія, Иностранная Коллегія спрашивала Военную: не найдетъ ли она возможнымъ и болѣе удобнымъ выселить въ Гурьевъ Дубовскихъ казаковъ или, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, изъ Яицкаго войска? Коллегія положила спросить объ этомъ Яицкое войско. 23 Сентября того-же года Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ препроводила къ Неплюеву указъ, изъ котораго видно, что 30 Мая и 22 Іюля Брылкинъ представлялъ, что въ 1746 г. имъ было командировано въ Гурьевъ Красноярскихъ и Астраханскихъ казаковъ 50 чел., а вмѣсто ихъ на форпосты употреблены были Донскіе казаки. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ приказала Брылкину Донскихъ казаковъ отпустить, а Неплюеву было предписано, до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, содержать въ Гурьевѣ въ зимнее время 50 чел. изъ Яицкихъ казаковъ попеременно и нѣсколько человекъ изъ Астраханскихъ городскихъ казаковъ, о чемъ было дано знать и Брылкину, если только ему «тамошняя конъюнктура (обстоятельство) дозволить». Такимъ образомъ, сверхъ 1016 человекъ, посылаемыхъ на форпосты, Яицкое войско должно было каждую зиму, впредь до новаго указа, посылать въ Гурьевъ 50 чел. да вверхъ по Яику, въ новоучрежденный форпостъ близъ Илецкаго городка, 20 человекъ, итого 1086 человекъ.

Казаки обязаны были не допускать до перелазовъ на противоположный берегъ Киргизъ и Калмыковъ, раздѣленныхъ нижнимъ теченіемъ Урала; и тѣмъ и другимъ позволялось кочевать не ближе какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь. Въ случаѣ если бы казаки встрѣтили у кого-либо отогнанныхъ лошадей или плѣнниковъ, то имъ позволялось убивать виновныхъ на страхъ другимъ, «дабы и тайныхъ перелазовъ не чинили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали». Если же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ партій Калмыковъ или Киргизъ въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Урала, или получали только извѣстіе о приближеніи такихъ скопищъ: то они должны были, сколько возможно, «пересылками съ ними, удерживая ихъ, или безъ всякаго азарту препятствуя имъ», тотчасъ же посылать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который давалъ немедленно приказъ ударить въ набатный колоколъ, чтобы всѣ, сколько бы ни понадобилось, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ.

къ обезпеченію линіи, Неплюевъ запрещалъ обижать и Киргизъ съ Калмыками. Полковымъ старшинамъ было строго приказано смотрѣть за подчиненными, чтобы «они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующимъ иногда по близости Киргизъ-Кайсакамъ и Калмыкамъ обидѣ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради отъ форпостовъ на звѣрство и ни на какіе промыслы далѣе десяти верстъ ихъ не отпускатъ». Выбѣжавшихъ изъ Калмыцкихъ улусовъ или Киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно было, послѣ подробныхъ предварительныхъ распросовъ, «не чиня имъ никакихъ обидъ», отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препроводить ихъ въ мѣстожителство и донести о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Такимъ образомъ Неплюевъ, укрѣпляя и заселяя Нижне-Яицкую линію, не только отстоялъ существованіе казацкой при-Яицкой общины, но на равнѣ съ самими казаками заботился объ ихъ выгодахъ и щадилъ силы казаковъ, постоянно заявляя, что «Яицкіе казаки противу прочихъ различными службами отягощаемы бываютъ», что ихъ и безъ того мало, чтобы брать изъ нихъ еще сто человѣкъ. Но на этотъ разъ обстоятельства сложились такъ, что Яицкимъ же казакамъ пришлось сторожить и Гурьевскихъ поселенцевъ, впрочемъ, не безъ вознагражденія.

Намъ уже извѣстно, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ выразила желаніе, чтобы Гурьевская слобода, въ которой поселятся казаки, была обнесена острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ; поэтому Неплюеву предстояло теперь позаботиться объ укрѣпленіи Гурьева. Въ настоящее время Гурьевъ—городокъ безъ всякихъ укрѣпленій, но въ старину ⁴⁸⁾ онъ былъ окруженъ каменною стѣною съ башнями по угламъ, которая въ 1753 г., когда Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Уральскаго войска и подчиненъ вѣдомству Оренбургскаго губернатора, вся обвалилась ⁴⁹⁾; почему Неплюевъ положилъ устроить новое укрѣпленіе и въ 1754 г. поручилъ инженеръ-капитану Назимову осмотрѣть Гурьевъ и узнать, какъ идутъ тамъ работы по устройству городской стѣны. Назимовъ, по пріѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что, за недостаткомъ матеріаловъ и недоставленіемъ отпавленныхъ изъ Оренбурга, работы не были начаты до его пріѣзда, и что при немъ только приступили къ постройкѣ разобранныхъ прежде каменныхъ стѣнъ по плану, утвержденному Неплюевымъ. Мѣстность ⁵⁰⁾, на которой находился тогда Гурьевъ городокъ, Назимовъ

⁴⁸⁾ Рычковъ, ч. II, 23.

⁴⁹⁾ Сборникъ статистич. и археологич. свѣдѣній. Уфа, 1868 г., стр. 90, отд. II.

⁵⁰⁾ Василій Струняшевъ, уговаривая Киргизскую красавицу Алтыну бѣжать съ нимъ въ Гурьевъ, такъ описываетъ ей этотъ городъ: „Городъ этотъ выстроенъ на острову, кругомъ его на сотни верстъ глухія, непроходимыя камышевыя заросли. Какъ сѣткою, окруженъ онъ глубокими рѣчками, ериками и прорами; какъ моремъ, омывается огромными ильменями и озерами. Тамъ и жители ѣздятъ другъ къ другу на лодкахъ“ и проч. См. Уральцы, ч. II, 49.

называетъ нездоровую и, нахо-
сильно обременить однихъ солдатъ, которые было бы
вести укрѣпленіе, онъ проситъ Неплюева, чтобы въ Гурьевѣ на-
начено было къ производству работъ еще нѣсколько казаковъ ⁵¹⁾.
Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядитель-
ности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокимъ и час-
тымъ палисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались ка-
менные барбетъ или фланги (такъ ихъ называли казаки ⁵²⁾), воору-
женные чугунными пушками и мортирами. Въ палисадѣ, какъ и въ
прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ которыхъ
одни, обращенные къ берегу Урала, назывались Спасскими ⁵³⁾. Надъ
этими воротами прежде находилась каменная церковь во имя Неру-
котвореннаго Спаса, съ двумя предѣлами, Аѳанасія и Кирила Алек-
сандрійскихъ и Алексѣя Божія челоуѣка; но при перестройкѣ стѣны,
при Неплюевѣ, церковь эта, пришедшая въ ветхость, была замѣнена
деревянною, во имя Николая Чудотворца. При этомъ замѣтимъ, что
прежде Гурьевъ назывался въ дѣловыхъ бумагахъ Яикъ-Гурьевымъ го-
родкомъ, а Гурьевская Канцелярія—Яицко-Гурьевской Комендантской
Канцеляріей. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ по-
ложеніи находился Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣ-
домство Неплюева, приведемъ отзывъ капитана Залѣскаго, который
принялъ его 1 Января 1753 г. въ составъ Оренбургскаго края отъ ка-
питана Астраханскаго гарнизона Племянникова. «Городъ каменной
весьма ветхой въ трехъ стѣнахъ и въ восьми башняхъ и болверкахъ,
кои до половины развалились и вновь сдѣланы цѣлымъ и половин-
чатымъ кирпичемъ, а четвертая часть стѣны противъ комендантскаго
дому рушилась. У онаго города одни ворота, называемыя Спасскіе,
да одна калитка. Величина его по длинѣ отъ Спасскихъ воротъ до
Терской башни 132 саж., а поперекъ отъ средней стѣнной башни до
башни-жъ Макарьевской 128 саж.».

Но не однихъ Гурьевцевъ должны были защищать Яицкіе казаки;
на нихъ возложена была обязанность и относительно лучшаго со-
держанія Илецкихъ казаковъ. Неплюевъ вмѣнилъ всему Яицкому
войску и особенно войсковому атаману въ службу смотрѣть за
Илецкими казаками, чтобы они были «небезконны и безоружны
и въ городѣ-бѣ добрый порядокъ и осторожность содержали; понеже
Илецкая станица, какъ извѣстно, понынѣ еще слабаго состоянія и,
въ случаѣ какого на нее немалаго воровскаго приходу, къ охраненію
себя еще ненадежна». Всѣ эти мѣры и распоряженія Неплюева, при
содѣйствіи самихъ казаковъ, по устройству укрѣпленій Нижне-Яиц-
кой линіи, были утверждены въ Петербургѣ, какъ видно изъ указа
Военной Коллегіи 3 Іюля 1747 г. ⁵⁴⁾.

⁵¹⁾ Ур. В. Вѣд. 1872 г., № 30.

⁵²⁾ Такъ называетъ ихъ и Рычковъ. См. ч. II, 23.

⁵³⁾ Рычковъ, ч. II, 23. Въ настоящее время отъ всего этого почти ничего не осталось,
кромѣ небольшой валообразной возвышенности, огибающей на подобіе квадрата одинъ квар-
талъ города съ площадью, гдѣ былъ старый городъ.

⁵⁴⁾ Рыбининъ, ч. II, приложение VI-е.

дкой станицы не переставало беспокоить заботливаго начальника, и поэтому въ 1748 г., возвращаясь изъ Яицкаго городка, Неплюевъ пожелалъ лично осмотрѣть эту станицу. Время основанія Илецкаго городка относится къ 1737 году, когда двое Яицкихъ казаковъ Черкаскаго рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канцелярію Оренбургской экспедиціи съ просьбою о дозволеніи имъ построить на устьѣ р. Илека городокъ, на что и получили разрѣшительный указъ, отъ 5 Февраля того же года ⁵⁵⁾. Въ силу этого указа, они получили право принимать на поселеніе Уфимскихъ Мещеряковъ, Калмыковъ, Татаръ и другихъ инородцевъ, не положенныхъ въ подушный окладъ; Изюмскій былъ назначенъ станичнымъ атаманомъ, а Черкасовъ есауломъ. Не смотря на то, что основателями Илецкаго города были казаки Черкаскаго рода, въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни Яицкаго элемента, такъ какъ Илецкая станица образовалась изъ людей, не отличавшихся ни удальствомъ, ни казацкимъ молодечествомъ, изъ крестьянъ, взятыхъ отъ сохи, Чувашъ, ясачныхъ Татаръ, Мордвы, отставныхъ солдатъ и т. п. Неплюевъ не даромъ поручилъ Илецкихъ казаковъ попеченію Яицкаго войска, которое должно было, такъ сказать, оказывать ихъ пояицки.

По прибытіи въ Илецкій городокъ, Неплюевъ осмотрѣлъ мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестностей, вникая во все до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности въ отношеніи Киргизскихъ набѣговъ, во время которыхъ Киргизы неоднократно увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои улусы, то Неплюевъ прежде всего намѣренъ былъ переселить казаковъ на правый берегъ Яика. Казаки заявили, что это переселеніе потребуетъ значительныхъ издержекъ и немаловажныхъ усилій съ ихъ стороны, и потому просили о позволеніи остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ, всегда внимательно относившійся къ мнѣнію казаковъ, согласился на это, но обязалъ ихъ подпискою, что они пашни и покосы, находившіеся также на степной сторонѣ и въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредь будутъ имѣть на правой сторонѣ Яика; здѣсь же долженъ былъ пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить угонъ его Киргизами. Чрезъ рѣку Яикъ велѣно было устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогона скота; на рабочую пору въ станицѣ должна была оставаться треть всего числа казаковъ, съ цѣлю обороны, въ случаѣ нападенія Киргизовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ постановилъ, что, еслибы кто пожелалъ заводить хутора на правой сторонѣ Яика, то и таковымъ не воспрещать. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ находились въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости и расположены были въ разбросъ, такъ что иногда могли служить удобнымъ мѣстомъ для укры-

⁵⁵⁾ Смотри въ Уральскомъ войск. архивѣ № 14-й.

вательства подѣзжавшихъ къ станицѣ, веревъ; ~~по тому же плану~~ распоряжился, чтобы всѣ казачьи гумна, овины и при нихъ хлѣбъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, а именно: съ восточной стороны, съ вѣзда въ городокъ, кромѣ Яику, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытіемъ пушекъ и не далѣе съ половины города закрывали, гдѣ каждый про себя, какъ и кому надобно, построить и огородить можетъ, а около тѣхъ имѣть плетень для незапнаго нападенія» ³⁶⁾. Старый гумна Неплюевъ приказалъ сломать «и, по прежнему, въ разсыяніи ихъ не имѣть»; огороды также велѣно было завести около крѣпости, «чтобы случающіеся тутъ люди въ виду караульныхъ и подъ прикрытіемъ же были». Осматривая батареи, Неплюевъ нашелъ, что онѣ были покрыты и не такъ крѣпко устроены, какъ бы надлежало; почему онъ приказалъ: «оныя предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу, и подѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши, по тому примѣру, какъ оныя въ Разсыпной крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей исправности». Лафеты подъ пушками также оказались весьма плохи, а казаки, приставленные къ пушкамъ, не умѣли дѣйствовать должнымъ образомъ, почему Неплюевъ распорядился «послать изъ Оренбурга отъ артилерійской команды одного унтеръ-офицера, чтобы онъ при себѣ подъ оныя пушки такъ установилъ и нумерей обучилъ, чтобъ онѣ и стрѣляніе всегда дѣйствительны и къ защищенію города способны были».

Между тѣмъ, чтобы не задержать производства работъ, казакамъ приказано было заготовить и насушить лѣсу для устройства лафетовъ и батарей. Оплотъ, которымъ была обнесена крѣпость, если обветшаетъ или обвалится, казаки обязались исправлять всѣмъ обществомъ; у всѣхъ воротъ въ лѣтнее время и на батареѣ долженъ былъ содержаться караулъ, а ворота, обращенные въ Киргизскую степь, велѣно наглухо запереть. Изъ числа той трети, которая должна была оставаться въ станицѣ на рабочее время, Неплюевъ приказалъ содержать два форпоста: одинъ на рѣчкѣ Заживной, а другой на Кинделѣ ³⁷⁾. Илецкіе казаки обязались построить въ этихъ мѣстахъ землянки, «только камышемъ не крыть, имѣть въ нихъ по пушкѣ и содержать по 20 человекъ». Каждую недѣлю два раза, а еслибы потребовалось и каждодневно, казаки, въ числѣ пяти человекъ, должны были дѣлать разъѣзды по двумъ направленіямъ: въ одну сторону къ Разсыпной крѣпости и въ другую—къ Иртеку ³⁸⁾, съѣзжаясь на полпути съ отъѣзжими караулами, высылаемыми изъ упомянутыхъ мѣстъ. Въ улусы Киргизовъ казаки могли ѣздить только вслѣдствіе особаго приказанія Оренбургской губернской канцеляріи. Впрочемъ,

³⁶⁾ Рябининъ, ч. II. № VII, стр. 16—17.

³⁷⁾ Рѣки Заживная и Киндела начинаются въ предѣлахъ Оренбургскаго войска и входятъ въ Уральскую область, первая близъ Мухрановскаго форпоста, а вторая у хутора Новокиндельскаго, и обѣ впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны, между Кинделинскимъ и Бородинскимъ форпостами.

³⁸⁾ Иртецкій форпостъ отъ Уральска въ 99½ верстахъ, а Разсыпная въ 167½ в., слѣдовательно разъѣзды Илецкихъ казаковъ обнимали пространство отъ 34—40 верстъ въ длину.

промысловъ; но не болѣе какъ на 20 верстъ^{поэтому}, и «ѣздили-бъ, говорить Неплюевъ, компаніями съ оружіемъ и немалолюдно, смотря, чтобъ имъ отъ Киргизовъ вреда не было, а при тревогахъ какъ въ городѣ, такъ и въ форпостахъ давать сигналъ изъ пушки». По рѣшѣ Илеку за лѣсомъ позволялось ѣздить и далѣе 20 верстъ, но вооруженными компаніями и съ непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы каждый отправлявшійся на промыселъ казакъ нанималъ за себя другаго, для отправленія за него очереди, «дабы она за тѣмъ не стояла и другимъ бы изъ того тяжести не было». Но заботясь о безопасности Илецкихъ казаковъ, Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и Киргизовъ; онъ даже обязалъ казаковъ подпискою, чтобы «Киргизамъ, которые на ихъ казачьей сторонѣ будутъ ѣздить для звѣроловства, или для чего другаго, а не ради воровства, онымъ никакихъ обидъ не чинить и въ улусы ихъ для воровства не ѣздить». Атаману и его совѣтникамъ-старшинамъ было приказано, подѣ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать.

Указавъ на мѣры Неплюева въ стратегическомъ отношеніи для Нижне-Яицкой линіи, мы не можемъ пропустить и того грустнаго явленія, что казаки, подѣ вліяніемъ неумѣстной и нерѣдко рискованной храбрости, не могли или не хотѣли понять всей необходимости мѣръ предосторожности со стороны начальства, которое всегда старалось беречь пограничныя силы края. Такъ, напр., въ Сентябрѣ 1755 г., поручикъ Ураковъ, занимавшій должность нынѣшняго начальника дистанціи, доносилъ Неплюеву, что Яицкіе казаки, отправляясь за рыбою, ночуютъ иногда въ лугахъ человѣка по два, по три и по четыре, безъ всякой осторожности и караула, и когда Ураковъ, встрѣчая такіе ночлеги, сталъ требовать, «чтобы они при форпостахъ или бы совокупясь человѣкъ по десяти и болѣе ночевали»; «то казаки», пишетъ далѣе Ураковъ, «не только неучтиво, но и съ крикомъ и бранью ему отвѣчали, что слушать его не хотятъ, и дѣла до того якобы ему нѣтъ, да и драться были готовы»⁵⁹⁾. Неплюевъ, въ отвѣтъ на это донесеніе, приказалъ: «сыскавъ виновныхъ, за такое своевольство и грубость, на страхъ имъ и другимъ, учинить въ кругу наказаніе плетьюми». Къ этому же времени относится распоряженіе, чтобы за солью на Индерское озеро казаки ѣздили не меньше, какъ партіями въ 50 человѣкъ и ѣздили-бъ съ исправнымъ оружіемъ. Неумѣстная храбрость или казацкое ухарство не всегда даромъ проходили казакамъ: немало было убито ихъ Киргизами и захвачено въ плѣнъ. Изъ донесенія Неплюеву того же Уракова видно также, что Яицкіе казаки имѣли за Ураломъ хутора и зимовки, которые были заведены, какъ можно предполагать, безъ предваритель-

⁵⁹⁾ Яицкимъ казакамъ, служившимъ на форпостахъ, позволено было отѣзжать въ степь только на 10 верстъ.

⁶⁰⁾ См. въ Ур. в. архивѣ, по описи № 16. Слич. Ур. В. В. 1868. № 28.

наго разрѣшенія на чальникъ, опасаясь отвѣтственности, въ случаѣ нападенія на эти хутора и зимовки Киргизовъ, писалъ Неплюеву: «ежели паче всякаго чаянія онымъ вредъ какой учинится, того форпостнымъ учинить никакъ невозможно, въ каковомъ бы случаѣ и ему, Уракову, чего не причлось, а у походнаго-де вашего войска полковника никакого о томъ предметѣ наставленія не нашлось» ⁶¹⁾. Вслѣдствіе этого Неплюевъ предписалъ ⁶²⁾ Яицкому войску обсудить этотъ предметъ, совместно съ капитаномъ Роговымъ, поручикомъ княземъ Ураковымъ и Харьковымъ, и о мѣрахъ, какія признаются необходимыми, для огражденія имѣющихся за Ураломъ казачьихъ хуторовъ и зимовокъ отъ нападеній, немедленно донести». Изъ послѣдовавшаго потомъ донесенія Неплюева въ В. Коллегію видно, что войско сильно отстаивало эти хутора и зимовки, расположенные вверхъ и внизъ по Уралу на протяженіи ста верстъ. При этомъ казаки просили, чтобы, для безопасности хуторовъ и зимовокъ, имъ было позволено «отъѣзжіе караулы на степной сторонѣ полуднѣе содержать». Неплюевъ, согласившись на просьбу казаковъ, писалъ: «Хутора же, которые вы безопасными признаете, то они до дальняго въ томъ усмотрѣнія, для показанныхъ вами необходимыхъ нуждъ, по прежнему оставляются; ибо ежели изъ сего что предосудительное произойдетъ, въ томъ отвѣтственны остаетесь уже сами вы; но съ тѣмъ, чтобы вы, имѣя отъѣзжіе караулы, хуторовъ пустыми не оставляли и никакимъ бродягамъ и раскольникамъ въ нихъ пристанища не давали». Затѣмъ съ этою цѣлю командировано было 60 казаковъ, которые были разставлены въ шести избранныхъ мѣстахъ между Бударинскимъ и Январцевскимъ форпостами ⁶³⁾.

Такимъ образомъ, Неплюевъ, устраивая линію военныхъ укрѣпленій, старался дѣйствовать согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ старался входить во все самъ, лично давая полезныя указанія и наставленія. Казаки слушались его.

ГЛАВА VI.

Зналъ, какъ Яицкое войско охраняло свои права и привилегіи, освященные народнымъ обычаемъ, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію спрашивалъ мнѣнія казачьяго круга, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ цѣлямъ и выгодамъ правительства. Онъ привлекалъ войско къ участию въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его бытоваго и административнаго устройства и заручился сильнымъ вліяніемъ на дѣла казачьей общины и довѣріемъ Яицкаго войска, что, безъ сомнѣнія, много способствовало вве-

⁶¹⁾ Отъ 9 и 25 Сент. и 9 Окт. 1754 г. См. въ Ур. в. архивѣ, № 16.

⁶²⁾ Указъ Неплюева, отъ 28 Сент. за № 416.

⁶³⁾ См. въ Ур. в. архивѣ по описи № 16. Случи Ур. в. Вѣдом. 1868 г., № 23, и въ очеркахъ Желѣзнова „Уральцы“, ч. II, стр. 170, замѣчаніе о редаванкахъ и третяхъ.

ченію нѣкоторыхъ реформъ, направленныхъ къ преобразованію войска; отъ того при Неплюевѣ на Яикѣ не происходило никакого волненія казаковъ, хотя поводовъ къ этому было достаточно, особенно отъ приверженцевъ старой вѣры, а такими были почти все Яицкіе казаки. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришедшихъ на Яикъ не уменьшалось: войско по прежнему давало приютъ бѣглымъ, особенно старовѣрамъ. Являясь на Яикѣ, они рассказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всеми мѣрами старались подорвать значеніе духовной власти въ глазахъ Яицкихъ казаковъ. Недовѣріе къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженнаго къ старинѣ, а послѣдующія событія обратили это недовѣріе въ открытую вражду. Мы видѣли, что время управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ было самое счастливое и во многомъ полезное для Яицкаго войска; но жутко было тогда старовѣрамъ, пришедшимъ на Яикъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія со стороны свѣтской и особенно духовной власти. Сыски и розыски «извѣтчиковъ», подобныхъ Карташеву и Гузикову, теперь замѣнились розыскомъ старовѣровъ и ихъ укрывателей. Причина этихъ гоненій кроется не въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ В. Коллегіи и нѣкоторыхъ изъ духовныхъ властей; Неплюевъ же, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ случаѣ былъ крайне остороженъ, сдерживая, насколько это было умѣстно и возможно, нетерпимость епархіальной власти.

Въ 1736 г. Яицкое войско обратилось къ Казанскому архіепископу Гавріилу съ просьбою о дозволеніи перебраться церковь, во имя свв. Петра и Павла и построить новую, въ честь св. Алексѣя, митрополита Московскаго, на мѣстѣ прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Гавріилъ въ своемъ письмѣ отъ 12 Марта 1736 г. къ атаману Меркулеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе по случаю самовольнаго принятія Яицкими казаками священника села Хрящевки ⁶⁴⁾, бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ замѣчаетъ, что этотъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ ⁶⁵⁾ въ Хрящевку съ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь безъ благословенія архіерейскаго отнюдь не переходилъ, а потому (пишетъ Гавріилъ) хотя молитвы исправлены отъ священника и были, и тѣ неправильно, и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ ⁶⁶⁾. Между тѣмъ, Хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его къ вновь строившейся на Яикѣ церкви. По

⁶⁴⁾ Хрящевка теперь село Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда; она находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 50 выше Ставрополя.

⁶⁵⁾ Сильвестръ управлялъ Казанскою епархіею послѣ митрополита Тихона III, съ 1725 по 1731 г.; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1735), а потомъ этотъ Гавріилъ.

⁶⁶⁾ Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 13-й.

прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріиль уступилъ ска, но замѣтилъ, чтобы «впредь такой противности, подѣ страхомъ гнѣва Божіа, отнюдь не чинили». Этотъ случай указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску. Слѣдуетъ замѣтить, что архіепископъ Гавріиль, по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, «вмѣняя въ добродѣтель все прежде не бывалое въ Россіи истреблять безъ остатку». Поэтому Яицкимъ казакамъ легко было имѣть съ нимъ дѣло ⁶⁷⁾. Не такъ стоворчивъ былъ преемникъ Гавріила, Лука Конашевичъ, управлявшій Казанскою епархіею 18 лѣтъ сряду, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи и отличался прямымъ и дѣятельнымъ характеромъ; но, какъ миссіонеръ, Лука иногда доходилъ до непомѣрной ревности къ Православію, почему Яицкому войску трудно было имѣть дѣло съ такимъ рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (по нынѣшнему благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ Петра Денисова и Ив. Желѣзнова, то Лука писалъ войску: «Мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвести желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они неправославнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу Святую изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и Армянскимъ, съ Аріемъ проклятымъ и отъ Святой Троицы Христа Спасителя нашего отдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся; ихъ яко явныхъ клятвопреступниковъ и богомерзкихъ раскольниковъ, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся и отъ такой богомерзкой ереси своей истинное покаяніе сотворятъ, въ дома ихъ отпустили». При этомъ епископъ замѣчаетъ, чтобы Яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало, то «дайте намъ волю, и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желаяще, общаваемся». Если принять во вниманіе, что почти всѣ казаки крестились двоеперстно, то можно судить, какъ уместна и цѣлесообразна была ревность епископа. Очевидно, что избранныя имъ средства были плохо рассчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ. Впрочемъ, неблагоприятныя послѣдствія отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка ослаблились нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается) «ради чести издревле пресловутаго войска Яицкаго», нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новооставленному протопопу, а сему по-

⁶⁷⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858 г.; т. 2, стр. 571.

...и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а также и раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотъ неискусныхъ людей вредить и погубляеть, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжело вздыхаемъ».

Въ 1741 году является на Яикъ майоръ Дурасовъ, которому поручено было произвести розыскъ старообрядцевъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ ⁶⁸⁾, были схвачены и арестованы. На допросахъ они показали, что среди Яицкаго войска находится немало и другихъ имъ подобныхъ. Послѣдовало распоряженіе: «наискрѣпчайше изслѣдовать это дѣло, безъ упущенія, подполковнику Шумареву, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ Казанской Духовной Консисторіи протопопомъ Иваномъ Ѳедоровымъ». Въ распоряженіе этихъ лицъ отдана была и конвоировавшая протопопа команда, изъ 20 человекъ Самарскихъ казаковъ и дворянъ. Наказному атаману ⁶⁹⁾, старшинамъ и всему войску предписано не только «быть послушными, но и чинить всякое вспоможеніе» подполковнику и протопопу. Расходы на путевыя издержки протопопа Ѳедорова были отнесены на счетъ войска. Подробности этого розыска раскольниковъ намъ неизвѣстны; но знаемъ, что Шацкій монастырь уничтоженъ и кельи монастыря проданы за 46 рубл. и 10 коп., изъ которыхъ 3 р. и 7½ к. велѣно выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 р. и 2½ коп. представить въ канцелярію Оренбургской Комисіи ⁷⁰⁾.

Въ половинѣ Ноября 1746 г. Неплюевъ получилъ изъ Военной Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера «съ пристойною командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, кромѣ природныхъ казаковъ, кои въ томъ войскѣ съ 203 года (1695) въ казакахъ служатъ (которыхъ какъ съ Дону, такъ и съ Яика высылать не велѣно), сыскивать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ, помѣщиковыхъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять по прежнему въ полевые и гарнизонные полки» ⁷¹⁾.

Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ имѣющейсѣ у него выписки видно, что еще въ 1722 г. полковнику Захарову велѣно было «всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ людей включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ по прежнему», а въ 1734 г., когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены. «И тако, замѣчаетъ Неплюевъ, не опискою-ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ

⁶⁸⁾ Шацкимъ монастыремъ называлась раскольническая слобода въ Яицкомъ городкѣ.

⁶⁹⁾ Наказными атаманами въ описываемое время назывались лица, исправлявшія должность атамана, но окончательно неутвержденные въ этомъ званіи; при утвержденіи же они получали титулъ войскаго атамана.

⁷⁰⁾ Впослѣдствіи деньги были возвращены, а кельи отданы въ награду тѣмъ изъ казаковъ, которые оказали особенную ревность при розыскѣ.

⁷¹⁾ Ур. в. вѣд. 1870 г., № 13.

разумѣется?» При этомъ Неплюевъ просить В. Коллегію желанія, «оной съ какого именно года «оный сыскъ и высылку чинить, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ, чтобы ему была выслана копія съ переписи Захарова, приводя въ основаніе, что безъ нея производить розыскъ и разбирать могущія встрѣтиться затрудненія будетъ невозможно. Въ началѣ Марта 1747 г., Неплюевъ, извѣщая Яицкое войско ⁷²⁾ о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они «учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ».

Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что всѣ пришлые на Яикъ послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 г., отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держателей. Что же касается тѣхъ, которые во время переписи Захарова находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали: то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, невозможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ В. Коллегію съ просьбою дать ему указъ, какъ поступать ему въ этомъ случаѣ.

Между тѣмъ, войсковое начальство въ слѣдующемъ году донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такіе, которые при Захаровѣ были уже на Яикѣ, но вошли-ли тогда въ перепись, не помнятъ. Изъ этихъ вѣдомостей, представленныхъ Неплюеву, оказывается: 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Яицкомъ войскѣ, въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но не вошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 176 чел., 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ явившихся послѣ переписи, посадскихъ, дворцовыхъ, ясашныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53, всего же 519, а со включеніемъ 176 не вошедшихъ въ списки за отлучками, 695 человекъ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма еще малолюдного, онъ, вопреки стремленіямъ и желанію В. Коллегіи, высказывается за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. «Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, какой важный военный корпусъ есть помянутое Яицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая немалая потребность всегда того наблюдать, дабы оный въ добромъ состояніи содержать, который что люднѣе, то лучше», писалъ онъ въ Петербургъ. Коллегія почему-то смолчала, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто. Оно, вѣроятно, не скоро бы возобновилось, если-бы не напо-

⁷²⁾ Черезъ полковника Пальчикова, который въ это время находился въ Яицкомъ городкѣ.

мнилъ о немъ старецъ Вареоломей, пойманный въ Донскомъ войскѣ ⁷³⁾. Онъ указалъ В. Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе притоны раскольниковъ. На Яикѣ, по его заявленію, скрывалось болѣе 200 раскольническихъ старцевъ ⁷⁴⁾ и старицъ. Главное значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимошей, получившій при постриженіи имя Тихона; по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ Казанскій протопопъ для розыска раскольниковъ и обязалъ атамана и старшинъ подписками, чтобы впредъ такихъ старцевъ и старицъ не держали, при чемъ «оному протопопу, чтобы вдаль не разыскивалъ, дали войскомъ сто сорокъ рублей». Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, откуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ то же время раскольники собрались въ келью Іоакима для совѣщанія о томъ, какъ удалиться имъ на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Вареоломея и какого-то бѣльца, знавшаго Татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона. При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ туда одного попа и 3 старцевъ, или на Харьковъ и Крымъ; Вареоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Рѣшено было отправить Вареоломея, для совѣщанія по этому вопросу, къ Дубовскимъ раскольникамъ, казакамъ Венюкову и Ситникову, пользовавшимся содѣйствіемъ и покровительствомъ атамана Персидскаго. По прибытіи въ Дубовку, Вареоломей былъ арестованъ и 23 Декабря представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ ⁷⁵⁾, котораго особенно не любили и боялись старообрядцы. Вареоломей въ разговорѣ съ казакомъ Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: «Онъ насъ христіанъ такъ немилосердо гонить, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде хотя гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и скоро реняетъ.... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрытца невозможно» ⁷⁶⁾.

⁷³⁾ Смотри о поимкѣ и допросахъ Вареоломея въ Тургайскомъ архивѣ книгу указовъ за 1752 г., № 25, стр. 179—187; тамъ же кн. указовъ за 1753 г., № 26, стр. 28 и далѣе.

⁷⁴⁾ Нѣкоторыхъ изъ постригшихся старцевъ Вареоломей назвалъ даже по именамъ и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ; напр: Аврамій съ 10 чел., Іаковъ съ 2, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10, Арсеній съ 1, Давидъ съ 2, Ѳаддей съ 3, Ааронъ съ 3, Сергій съ 3-мя.

⁷⁵⁾ Смотри Уральск. в. арх. по описи № 41, извл. изъ кн. секр. пов. № 6, стр. 32. Слич. Ур. в. вѣд. 1870 г., № 14.

⁷⁶⁾ См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, стр. 181. Слич. характеристику Ефремова у Соловьева въ его „Исторіи Россіи“, т. XIII, стр. 223—224.

не любили и боялись старообрядцы. Варфоломей въ разговоръ съ казакомъ Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: «Онъ насъ христіанъ такъ немилосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде хотя гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и искореняетъ... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрытца невозможно» *).

Ефремовъ, допросивъ Варфоломея, показанія его препроводилъ въ В. Коллегію, которая была озадачена намѣреніемъ старообрядцевъ бѣжать на Кубань, и тотчасъ-же предписала Оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ скрывающихся на Яикѣ ересенаставникахъ, и «ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ тотчасъ забрать подѣ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзкой ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распрося, всякими образы истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Коллегію, заковавъ руки и ноги, подѣ крѣпкимъ карауломъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было секретно разузнать, что за протопопъ и откуда пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ, и кто именно далъ ему 140 р., чтобы онъ «вдаль не разыскивалъ». Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. 11 Декабря онъ немедленно препроводилъ этотъ указъ къ бригадиру Тевкелеву, прося его въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметьевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркульевымъ. Неплюевъ предлагалъ Тевкелеву или вызвать Меркульева въ Оренбургъ или же, чтобы дѣло не разгласилось, отправить Рычкова налегкѣ въ Илекъ и выписать туда атамана, «якобы для нѣкотораго тамошняго важнаго дѣла». «Буде атаманъ Меркулевъ до полученія сего въ Москву отъѣхалъ, то чрезъ Митрякова-ль или инаго начать, то зависить отъ общаго вашего разсмотрѣнія; а Бородины, сколько мнѣ извѣстно, хотя люди добрые и въ другомъ во всемъ вѣрные, но вышеозначеннымъ суевѣріемъ паче другихъ заражены» ⁷⁷⁾.

Тевкелевъ, какъ видно, медлилъ отвѣтомъ; между тѣмъ 15 Января 1753 г. Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ В. Коллегіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже «всѣхъ живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей, также какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подѣ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзкой ереси и о побѣгѣ на Кубань распрося съ пристрастіемъ, прислать въ В. Коллегію подѣ крѣпкимъ карауломъ» ⁷⁸⁾. Неплюевъ въ тотъ же день писалъ къ Тевкелеву, прося поспѣшить изслѣдованіемъ дѣла о раскольникахъ и послалъ ему копію съ допросовъ Варфоломея; о томъ,

*) См. въ Тург. архивѣ указы 1753 г. кн. № 25, стр. 181. Сличь характеристику Ефремова у Соловьева въ его „Истор. Россіи, т. XXIII, стр. 223—224.

77) Указы 1752 г. въ Тург. арх., кн. № 25, стр. 176—177, письмо 1006-е.

78) Указы 1753 г. въ Тург. арх., кн. № 26, стр. 21—28.

что, боясь, не явить, Неплюевъ просилъ уведомлять его съ каждаго почтовымъ обстоятельно.

Такимъ образомъ воздвигнуто снова гоненіе на старообрядцевъ, скрывавшихся на Яикѣ и гоненіе едва ли ни одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ. Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, составилъ особую комиссію, которая отправила 17 Февраля въ Яицкій городокъ капитана Ивана Тимашева. Изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, 28 Февр. 1753 г., видно, что И. Тимашевъ не оправдалъ надеждъ комиссіи, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ, а на его мѣсто назначены майоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и регулярную команду изъ 120 человѣкъ солдатъ. Кромѣ того, Яицкому войску было предписано, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколу учителей и безпрекословно исполнять всѣ требованія Артемьева. Новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполнѣ самостоятельно; и дѣйствительно, они оказались гораздо дѣятельнѣе своего предшественника: ими переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 144 человѣка, изъ которыхъ 42 старца были отправлены въ В. Коллегію, одинъ въ Нижегородскую Духовную Консисторію, а прочіе опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кромѣ того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 человѣкъ; нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, добровольно уморили себя голодомъ. Гоненіе на старообрядцевъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ отправлены изъ Яицкаго городка сыскныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи; на берегахъ рѣкъ Чижей, Большаго и Малаго Иргизовъ поймано 243 чел. обоего пола. Впрочемъ, не смотря на изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ старообрядцевъ успѣли скрыться, въ числѣ ихъ и бѣглый попъ Тихонъ. На допросахъ во многомъ не подтвердились показанія Вареоломея; такъ старообрядцы отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили лишь, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, гдѣ онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распоряженію Казанскаго архіерея; но денегъ ему никто не давалъ. Вареоломей, какъ намъ извѣстно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона самого войскового атамана; но все это по произведенному слѣдствію не подтвердилось. Вообще по дѣлу видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ прикосновенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, *de jure*, а не *de facto*. Въ первой половинѣ Марта того же 1753 г. Тевкелевъ и Бахметьевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 человѣкъ, въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были Карповъ и Утятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 Марта, писалъ: «Старшину Карпова, бывшаго комиссара Утятникова и дру-

изъ Москвы: «Я со мнѣніемъ вашего высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Яицкомъ того дѣйствія не распространять; но, какъ возможно, стараться окончить и маіора (Артемьева), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда отозвать». Неплюевъ явно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска; будучи убѣжденъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ В. Коллегіи, ни къ чему хорошему не приведутъ; но къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостію: впереди его были Военная Коллегія и епархіальная власть.

Въ началѣ Мая того же года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернской канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣйствіе въ поимкѣ раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ и раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ съ нарушителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, «ибо ежелибы такому ихъ заблужденія укорененію пристанищемъ и попущеніемъ поводу тамо давано не было, то-бъ отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: какъ скоро они въ руки дошли и стараніе объ нихъ употреблено, то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, что наипущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ почти къ святой соборной апостольской церкви обратились». Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блистателенъ: обратившихся было только 40 чел. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ; прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ. Коноводы препровождены были въ духовныя консисторіи и Сыскной Приказъ. Между послѣдними нашлись такіе, которыхъ ни краснорѣчіе консисторскихъ ораторовъ, ни страшныя пытки Сыскаго Приказа не могли поколебать въ ихъ убѣжденіяхъ; таковыми, на примѣръ, оказались старцы Досіеѣй, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую Духовную Консисторію. Сыскной Приказъ, извѣщая о нихъ войскаго атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщиваемы «съ достаточными отъ Священнаго Писанія доводы», но увѣщаніе не подѣйствовало; «оныя старцы и были присланы въ Приказъ, гдѣ объ оставленіи ими помянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. церкви отъ присутствія увѣщиваемы были съ угроженіемъ пытокъ; но, аки закосяблые отъ той ереси, склонности къ обращенію не показали и остались на предписанномъ суевѣріи»⁸²⁾.

⁸²⁾ Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 15.

части назначить къ
одного кописта, съ опредѣленнымъ жа-
ваньемъ каждому, равно какъ и самому протопопу; кромѣ того,
протопопъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе нѣсколько
отставныхъ солдатъ для присмотровъ и розысковъ, также на жало-
ванья; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его
служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ,
а прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ приш-
лыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, замѣнить учеными изъ
Казани, «дабы въ заблужденіяхъ они могли преподавать должное на-
ставленіе».

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, Казанскій архипастырь
распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманнаго имъ
плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго
Правленія, а Оренбургскому протопопу Василью Иванову предписалъ
немедленно отправиться въ Яицкій городокъ и, въ силу высочайшаго
указа отъ 4 Февраля 1737 г., «учинить жителямъ того городка по
приходно перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствовавшимъ
мужеска и женска пола, даже до ссущаго младенца, описаніемъ,
и объявить всѣмъ онымъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ
слѣдующіе дни нынѣшнія Святыя Четырдесятницы ко исповѣди цер-
ковной и къ приобщенію Христовыхъ Тайнъ приуготовлялись, не от-
лучаясь ни за какими партикулярными нуждами; а кто изъ нихъ
имѣетъ куда отлучиться, то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и при-
общивъ, внести въ реестръ. И того ради, при началіи первой сед-
мицы Святаго Поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ
женами и дѣтьми въ церкви святыя къ утрнямъ, часамъ и къ про-
чимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ
нихъ ходитъ и кто ходитъ не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть
особливыя записи, раздѣля по седмицамъ, по приходно, ихъ какъ ему
протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и Св. Тайнъ
причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должнымъ
порядкомъ росписи, приславъ съ нарочнымъ въ Казань»⁸⁶). Прото-
попъ обязывался изготовить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ,
за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ
архіерею, а другой въ Оренбургское Духовное Правленіе.

Неплюевъ, какъ и раньше, не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйстви-
вать самостоятельно, а обратился съ просьбой въ В. Коллегію, что-
бы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ
были снабжены на этотъ счетъ указами⁸⁷). В. Коллегія въ отвѣтъ
на это предписала: «по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить
его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе».

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 Февраля 1754 г., писалъ Неплюеву,
что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящій же Великій

⁸⁶) Тамъ-же.

⁸⁷) Смотр. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17 Февр. 1754 г.
Сынчи Ур. в. вѣд. 1870 г., № 19.

Постъ, слѣдуетъ принудити.

Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ ~~немедленно~~ протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіерей замѣчаетъ, что полезно-бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чемъ Неплюевъ думалъ еще раньше. Учителемъ этой школы, по мнѣнію архіерея, могъ быть священникъ изъ Казанскихъ ученыхъ или хотя бы дьяконъ. Но Казанскій владыка рѣшился дѣйствовать противъ Яицкихъ старовѣровъ не увѣщаніемъ только, а и силою: онъ желалъ, чтобы командированный имъ протопопъ принудилъ всѣхъ жителей Яицкаго городка къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, подъ охраною команды съ офицеромъ. Это необдуманное рвеніе было своевременно и благоразумно сдержано вначалѣ самимъ Неплюевымъ, а потомъ, вслѣдствіе его же настоянія, и Р. Коллегіей. Неплюевъ предлагалъ архипастырю назначить въ Яицкій городокъ постоянного протопопа, посылать же Оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе команду съ офицеромъ, онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры.

Преосвященный отвѣчалъ, что «войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыскѣ о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозрительствѣ, и поэтому отъ нихъ надлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно». Относительно назначенія особаго протопопа Лука указывалъ на затрудненіе, которое могло встрѣтиться въ назначеніи и отпускѣ ему содержанія; а о переписи мѣстными священниками онъ замѣчаетъ, что, не смотря на неоднократныя подтвержденія, Яицкіе священники не исполняютъ данныхъ имъ на этотъ счетъ предписаній; что «у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ станичной Войсковой Избы писарей не даютъ, сами же писать мало умѣютъ»⁸⁸). Вслѣдъ за тѣмъ, преосвященный снова настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непременно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ и замѣчаетъ, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка; «если же того учинить будетъ невозможно, то хотя отъ крѣпости до крѣпости на церковныхъ подводахъ его отправить».

Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя и 10го Марта писалъ къ нему: «Отцу протопопу препятствія никакого не показано; но еще онъ подорожною безъ прогонъ снабженъ». При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и Св. Причастія; но что

⁸⁸) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 32.

дѣла, касающагося не одного и не двухъ человекъ, цѣлаго общества.

Между тѣмъ, Лицкое войско, не жаловавшее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное архіереємъ дѣло. Собравшись въ кругъ, казаки рѣшили: «отправить къ преосвященному Казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей и просить его преосвященство, не уважить ли онъ по прежнему обыкновенію безъ переписи мужеска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной Канцеляріи (Правленія) и о небраніи повѣнчныхъ денегъ»⁸⁹⁾ и проч. Не смотря, на то, что посольство израсходовало на консисторскихъ чиновниковъ до 120 р.⁹⁰⁾ и подарило «краснаго желѣзна ружье въ 6 рублей» дворецкому его преосвященства, епископъ не принялъ 400 р. войсковыхъ денегъ и просьбы Лицкихъ казаковъ не уважилъ.

Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, Неплюевъ, какъ и раньше, отнесся въ В. Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чемъ представилъ точныя копіи съ писемъ къ нему епископа Луки и своихъ къ нему отвѣтовъ. Въ своемъ доношеніи отъ 10 Марта 1754 г., онъ писалъ: «Понеже то дѣло непартикулярное до одного или до двухъ, но до всего общества касается, то Оренбургская губернская канцелярія паки просить и имѣть на то ожидать отъ Государственной Военной Коллегіи опредѣленія; ибо онымъ преосвященнымъ предположенное средство съ легкими способами дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (т. е. имъ Неплюевымъ) не принято, а каковыхъ онъ требуетъ, то безъ указу собою учинить опасно, дабы въ такомъ невѣжественномъ и забоснѣломъ народѣ конфузій не учинить, причины не подать къ побѣгу, или къ таковому отчаянію, какъ въ недавнихъ годѣхъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли»⁹¹⁾.

Въ ожиданіи отвѣта В. Коллегіи, Неплюевъ вызвалъ къ себѣ войскаго атамана Меркульева для личныхъ переговоровъ и показалъ ему экстрактъ изъ своей переписки съ Казанскимъ архипастыремъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны тутъ мѣры. Меркульевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Лицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулъ же могутъ быть назначаемы казаки изъ отставныхъ; а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войскѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдію и наставленіемъ. Вопросъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркульевъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а «какимъ быть священникамъ въ

⁸⁹⁾ Постановленіе войсковой Канцеляріи 27-го Марта 1754 г.

⁹⁰⁾ Секретарю Аванасьеву 100 р., подканцеляристу 10 р., повѣтчику, протоколисту и коніисту по 2 р. 50 коп. каждому.

⁹¹⁾ Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 32

Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ ~~и др. священниковъ~~ висить болѣе отъ его преосвященства». При этомъ ~~Яицкомъ городкѣ~~ сообщилъ губернатору, что въ войскѣ въ это время были четь, священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 р. каждый и что, сверхъ того они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользуются мірскими доходами; что «священники, по присланнымъ отъ его преосвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и о бракосочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и прочемъ перечневья вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе».

Неплюевъ немедленно (24 Сент. 1754 г.) сообщилъ это мнѣніе войскового атамана въ Казань архіерею, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркульева. «Изъ онаго рапорта», писалъ Неплюевъ, «изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаетъ, чтобы быть у нихъ ученому протопопу, а о священникахъ предаетъ на разсмотрѣніе вашего преосвященства, что все и по моему мнѣнію, въ разсужденіи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай, кажется ненесходно: ибо по тамошней замерзѣлости, о которой ваше преосвященство сами небезъизвѣстны, всего вдругъ превратить неудобно и едваль возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе легкими средствами отъ времени и одно за другимъ поправляя, все въ надлежащій порядокъ привести». Тутъ же Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, незначительно; но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился въ бытность въ Яицкомъ городкѣ, могутъ жить безбѣдно, такъ какъ въ Яицкомъ городкѣ однихъ жалованныхъ ⁹²⁾ казаковъ 4000 чел., «да отставныхъ и пріѣзжихъ также немалое число наберется». Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 р., а священникамъ каждому по 36 р. ⁹³⁾ съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архіепастырь соглашался съ губернаторомъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье протопопу онъ считаетъ достаточнымъ въ томъ тодько случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать извѣстную часть хлѣбомъ и рыбою; жалованье же священниковъ считалъ необходимымъ уравнять съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ ⁹⁴⁾, т. е., вмѣсто 36 р., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить до 75 р. Что же касается караула изъ отставныхъ казаковъ, то епископъ соглашался на это подъ условіемъ,

⁹²⁾ Состоявшихъ на жалованьи.

⁹³⁾ Впоследствии, по указу 15 Декабря 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25, псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р., да 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

⁹⁴⁾ Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещеныхъ Калмыковъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи.

было бы пожелано, чтобы по указу Духовной Консистории, а не цѣлаго канцелярія, которая бы ихъ не смѣла мѣнять по своему желанію. Онъ просилъ Неплюева, чтобы, для рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска человека два старшинъ, дабы съ ними «надлежащее опредѣленіе о томъ учинить»; съ ними же Казанскій архипастырь предполагалъ отправить въ Яицкое войско и избраннаго протопопа. Неплюевъ, 20 Октября 1754 г., отвѣчалъ, что «хотя имъ (Лукою) въ жаловань священникамъ и прочемъ и сдѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка, но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Яицкому войску уже посланъ, которымъ опредѣлено, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія»⁹⁵).

Между тѣмъ, когда дѣло близилось уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркульевъ поступилъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса. Нельзя при этомъ отнестись сочувственно и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается «не одного, не двухъ человекъ», какъ онъ самъ выражался, «а цѣлаго войска». Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернской канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркулевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ, но открыто заявило, что оно вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ Казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквяхъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войскъ нужды не видитъ кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ кругъ и положили отправить въ В. Коллегію прошеніе. Меркульевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать Казанскому епископу, дабы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, «дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузій». Меркульевъ предлагаетъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ-какъ Яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщалъ въ Казань о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ Казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что, въ то время какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры къ выполненію плановъ Казанскаго архіерея, сей послѣдній, вопреки своему желанію, посвящалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и тѣмъ не менѣе самъ былъ недоволенъ ими и

⁹⁵) Ур. в. вѣд. 1870 г.

старался замѣнить ихъ другими, а дѣлалъ другое.

Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить Оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники опредѣлены по необходимости; что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ законически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ увѣдомилъ его войсковой атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ старался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,— и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончить съ ними преосвященный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, по случаю, «пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присылать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся ослушниками, чего нельзя ожидать, они, не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его преосвященствомъ». При этомъ губернаторъ проситъ архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ за требы ничего не вымогать и «чтобы въ должности своей и людямъ страха не употребляли, но проповѣдію по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ изваніе ихъ состоитъ»⁹⁶). Казанскій архипастырь, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ съ просьбою отъ всего Яицкаго войска, чтобы «все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть», на что преосвященный отвѣчалъ, «что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ, то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства».

Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершаетъ службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6 вопросныхъ пунктовъ:

1) «Въ ономъ городкѣ въ церкви Св. Богородицы Казанскія, да въ часовнѣ апостоловъ Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ: по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ?»

2) «Въ Символѣ вѣры, во время чтенія въ церквахъ: «и въ Духа Святаго Господа»... прибавленіе читается-ли?»

3) «На утренѣ, въ шестопсалмii и въ канѣизмахъ по «славамъ» на часахъ и на вечерii «аллилуіа» по дважды или по трижды читается?»

⁹⁶) Смотри Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 33.

овника Захарію Слово⁹⁷⁾ имъ», вмѣсто «безъ сравненія», вмѣстительная рѣчь «во истину» употребляется-ли?»

5) «Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ ономъ городкѣ, и церковные причетники какъ изображаютъ: двуперстное или трехперстное?»

6) «Служба божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается-ли?»

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало.

1) «Въ церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отираются по старопечатнымъ книгамъ; которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ прежде бывшихъ государей, отъ великаго государя, царя и князя Алексѣя Михайловича, и тако оныя съ того времени донинѣ въ церквахъ имѣются».

2) «Въ Символѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово «истиннаго».

3) «Въ сказанныхъ мѣстахъ «аллилуіа» читается по дважды».

4) «Въ «Честнѣйшую Херувимъ» вмѣстительная рѣчь «во истину» употребляется».

5) «Сложеніе креста, какъ я низайшій (протопопъ), такъ и прочіе священники всѣ изображаютъ трехперстное, а не двуперстное».

6) «Служба божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою богословскою виною»⁹⁷⁾.

Такимъ образомъ, «протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ церкви мудрованіи изобличили и порочными признались», какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны не бывшими у Св. Причастія; но священники стараются оправдать ихъ подъ разными благовидными и уважительными предлогами. Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ (опредѣленныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, по необходимости) новыми священноцерковнослужителями; но привелъ ли въ исполненіе свои намѣренія Казанскій архипастырь, намъ неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ Казанскихъ ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среды, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привилегіи, если только они были согласны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ община сама низводила ихъ въ рядъ обыкновенныхъ людей, поглощая въ себѣ же.

⁹⁷⁾ Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, 4 священниками и 3 дьяконами.

Вобщемъ нужно замѣтить, что Неплюевъ, Захаринъ, Сидоръ и имѣя войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, безвѣстны употребляя лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общества какъ онъ протѣкъ, чѣмъ Казанскій архипастырѣ и В. Коллегія, а при церквахъ въ вѣдѣ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія жають: двуперидкомъ войскъ. Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнѣ, литургіи, восславія, какъ Казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если бунта не послѣдовало, то благодаря только опытности и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ было прекращено. В. Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски, что ей предстояла теперь другая важная забота: на Западѣ началась Семилѣтняя война, а въ Оренбургской губерніи въ Маѣ 1755 г. вспыхнулъ Башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ муллы Батырши Алѣева, отличавшагося извѣстною ненавистію противъ Русскихъ властей. Съ 1756 года розыски пріютившихся на Яикѣ старообрядцевъ прекращаются; но, несмотря на это, старовѣры изъ казаковъ, представляя себѣ съ понятіемъ старины свободу, вольности и вообще золотой вѣкъ казачества, до того сдѣлались подозрительными и недовѣрчивыми, что вездѣ и во всемъ были склонны видѣть посягательство на свои права и убѣжденія.

Среди Яицкихъ казаковъ расколъ является по преимуществу протестомъ противъ реформъ гражданскихъ, которыя они всегда ставили въ связь съ реформами церковными. Отсюда вытекаетъ и то устойчивое недовѣріе и противодѣйствіе, съ какими казаки относились и относясь къ каждому нововведенію, ко всякой новой реформѣ. Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ старался поставить на видъ и выяснитъ то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами.

Чтобы видѣть, на сколько справедливо такое мнѣніе почтеннаго начальника Оренбургскаго края, мы приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ, наряды Яицкихъ казаковъ на внѣшнюю службу ¹⁰¹⁾, съ указаніемъ тѣхъ расходовъ, которыхъ стоила войску большая часть этихъ командировокъ.

Въ 1591 г., противъ «непослушника царскаго» Шевкальскаго было командировано 500 Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ ¹⁰²⁾.

¹⁰⁰⁾ См. рапортъ Неплюева въ В. Коллегію отъ 18 Мая 1755 г. Въ Мартѣ 1755 г. Бородинъ былъ избранъ въ наказные атаманы, а въ Іюль того же года утвержденъ въ должности.

¹⁰¹⁾ Указаніе на командировки Яицкаго войска мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что Левшинъ, на котораго ссылаются Пушкинъ, Рибининъ и другіе, считаетъ первую службою Уральскихъ казаковъ походъ 1656 противъ Поляковъ, тогда какъ о походахъ 1591, 1629, 1634, равно какъ и о походахъ 1656, 1684, 1685, 1695, 1697 Левшинъ вовсе не упоминаетъ.

¹⁰²⁾ См. Акт. Истор. т. I, № 230.

Въ 1629 г. Яицкіе казаки находились въ ~~тогдашнихъ~~ Русскихъ войскахъ ¹⁰³⁾ князя Солнцева-Засѣкина ~~въ~~ ^{Борисовой Коллеж.} противъ Крымскихъ Татаръ ¹⁰⁴⁾.

Въ 1634 году, при осадѣ Смоленска ¹⁰⁵⁾ Яицкихъ было ¹⁰⁶⁾ ~~командировано~~ ¹⁰⁷⁾ ~~при~~ ¹⁰⁸⁾ Петръ Деина, находилось около 400 Яицкихъ ¹⁰⁹⁾ имѣло ¹¹⁰⁾ ~~одинадцати~~ ¹¹¹⁾ ~~одинадцати~~ ¹¹²⁾ ~~походныхъ~~ ¹¹³⁾ ~~въ~~ ¹¹⁴⁾ ~~войнѣ~~ ¹¹⁵⁾ ~~съ~~ ¹¹⁶⁾ ~~Поляками~~ ¹¹⁷⁾ ~~подъ~~ ¹¹⁸⁾ ~~командою~~ ¹¹⁹⁾ ~~князя~~ ¹²⁰⁾ ~~Дамитны~~ ¹²¹⁾ ~~Яицкому~~ ¹²²⁾ ~~Въ~~ ¹²³⁾ ~~1681 году~~ ¹²⁴⁾ ~~изъ~~ ¹²⁵⁾ ~~Яицкаго~~ ¹²⁶⁾ ~~войска~~ ¹²⁷⁾ ~~командировано~~ ¹²⁸⁾ ~~100~~ ¹²⁹⁾ ~~человѣкъ,~~ ¹³⁰⁾ ~~подъ~~ ¹³¹⁾ ~~начальствомъ~~ ¹³²⁾ ~~атамана~~ ¹³³⁾ ~~Прокопья~~ ¹³⁴⁾ ~~Семенова,~~ ¹³⁵⁾ ~~подъ~~ ¹³⁶⁾ ~~Чигиринѣ~~ ¹³⁷⁾ ~~въ~~ ¹³⁸⁾ ~~команду~~ ¹³⁹⁾ ~~князя~~ ¹⁴⁰⁾ ~~Булата~~ ¹⁴¹⁾ ~~Мусаиловича~~ ¹⁴²⁾ ~~Черкаскаго.~~ ¹⁴³⁾

Въ 1682 г. туда же командировано 200 казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Бѣлоусовымъ ¹⁰⁸⁾.

Въ 1683 г., въ Юлѣ мѣсяцѣ, для усмиренія бунтовавшихъ Уфимскихъ Башкиръ послано 500 Яицкихъ казаковъ, при особомъ атаманѣ ¹⁰⁹⁾.

Въ 1684 г., въ Крымскій походъ князя Василья Васильевича Голицына, отправленъ атаманъ Прокопій Тагаевскій и съ нимъ 150 казаковъ.

Въ 1685 г., туда же командировано вновь 200 казаковъ съ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ ¹¹⁰⁾.

Въ 1695 г., съ Яика отправилось 500 казаковъ, съ атаманомъ Андреемъ Головачемъ, въ составъ 75-тысячной Русской арміи, которой командовалъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шейнъ ¹¹¹⁾ при осадѣ и взятіи Азова.

Въ 1696 г., подъ Азовъ, въ команду кн. Бориса Алексѣевича Голицына, командировано 300 казаковъ съ атаманомъ Ѳедоромъ Семеновымъ.

Въ 1697 г., во вторичный походъ Шейна подъ Азовъ, отправлено 200 казаковъ, при атаманѣ Андрѣеѣ Афанасьевѣ.

¹⁰³⁾ Въ какомъ числѣ—неизвѣстно.

¹⁰⁴⁾ Наказъ царя Михаила Ѳеодоровича 29 Марта 1629 г. См. Ак. Археограф. Экспед. т. I, №№ 187, 220, 229 и 246.

¹⁰⁵⁾ Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шейнъ, казненный, по ненависти бояръ, за неудачный походъ подъ Смоленскъ.

¹⁰⁶⁾ Изъ договора съ Поляками 24 Февраля 1634 г. видно, что во время заключенія мира Яиц. казаковъ было 380 человѣкъ, изъ коихъ 36 остались въ Смоленскѣ за болѣзнію, а прочіе 344 человѣка вышли изъ осажденнаго города въ числѣ остальнаго Русскаго войска.

¹⁰⁷⁾ Объ этой службѣ Яицкихъ казаковъ въ Польшѣ и подъ Ригю упоминается, какъ о первой, въ инструкціи, данной войскамъ, отправленнымъ въ С.-Петербургъ, въ Юлѣ 1767 года, депутатамъ: Тамбовцеву, Акутину и др.

¹⁰⁸⁾ Оба Чигиринскіе похода были противъ гетмана Дорошенки, отдавагоса подъ покровительство Турецкаго султана.

¹⁰⁹⁾ За усмиреніе Башкирцевъ въ этотъ походъ, Яицкіе казаки стали получать, сверхъ жалованья деньгами и сукномъ, и артилерійскіе снаряды. См. въ Ур. в. арх. № 8, Слѣдств. таже Левшина.

¹¹⁰⁾ Крымскій походъ объявленъ былъ въ 1686 году, но Голицынъ выступилъ въ него съ сотисяннымъ войскомъ 22 Февраля 1687 года.

¹¹¹⁾ Устряловъ. Истор. ц. П. Великаго, ч. II.

полковника Захаряну. Слово «и» под командировано
полковника «воистину» атамана Витошнова ¹¹²⁾.

Въ 1703 г., въ крестъ какъ онъ въ походный атаманъ Матвѣй Миро-
духъ събѣдствовалъ при церквахъ и

Въ 1704 г., а поображаютъ: двѣ вѣи Рокунъ съ 500 казаковъ ¹¹³⁾.

Въ 1707 г. збленія едной литургіи вновъ 500 казаковъ съ атаманомъ Митрофанъ ревнивается-ли?

Въ 1708 г., противъ-мались бы-шихъ Башкиръ, отправился атаманъ
Федоръ Семенниковъ, во главѣ 1,225 чел. Яицкихъ казаковъ,

Въ 1711 г., въ Кубанскій походъ съ бояриномъ Петромъ Матвѣе-
вичемъ Апраксинымъ, командировано 1,000 казаковъ при атаманѣ
Кононѣ Никѣевѣ ¹¹⁴⁾.

Въ 1713 г., при томъ же бояринѣ Апраксинѣ, въ Харьковскомъ
походѣ ¹¹⁵⁾, находилось 1,500 чел. Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ
Матвѣемъ Ивановымъ.

Въ 1714 г., на Каспійское море, къ Бековичу Черкасскому отправ-
лено 100 казаковъ съ особымъ атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ.

Въ 1715 г., туда же командировано 500 казаковъ при атаманѣ Зи-
новіи Михайловѣ.

Въ 1716 г., къ нему же для Хивинской экспедиціи—1,102 человекъ,
ка, подъ начальствомъ походнаго атамана Никиты Воробина ¹¹⁶⁾.

Въ 1717 г., къ Бековичу Черкасскому отправлено было еще 368
чел. казаковъ ¹¹⁷⁾.

Въ томъ же году, какъ это видно изъ дѣла казака Карташева,
командировано съ Яика 1,500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана
Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ съ бояриномъ Апраксинымъ.

И такъ Яицкое войско въ теченіи 124 лѣтъ имѣло 24 похо-
да, въ которые командировано, по указамъ правительства, около
12,000 казаковъ и болѣе 20 походныхъ атамановъ. Въ среднемъ вы-
водѣ каждая командировка приходилась черезъ пять лѣтъ и 4 мѣ-
сяца; въ частности же случалось и такъ, что войско нѣсколько лѣтъ ¹¹⁸⁾
сряду обязано было снаряжать и отправлять въ походъ извѣстное

¹¹²⁾ Яицкими и Малороссійскими казаками въ это время начальствовали наказный ата-
манъ Лизогубъ, при содѣйствіи полковниковъ Ободовскаго и Искры; главнокомандующимъ
же всей Нарвской арміей былъ Шереметевъ.

¹¹³⁾ Въ 1703 и 1704 гг. всѣ казаки въ числѣ 30 т. человекъ находились подъ начальствомъ
гетмана Мазеи.

¹¹⁴⁾ Въ Кубанскомъ походѣ Яицкіе казаки, какъ и Малороссійскіе, находились подъ ко-
мандою гетмана Скоропадскаго, съ цѣлю удержанія Крымскаго хана отъ помощи Турец-
кимъ войскамъ въ неудачной войнѣ Петра Великаго съ Турціей въ 1711 году. Левшинъ
говоритъ, что въ Кубанскомъ походѣ было 1,500 казаковъ; но это противорѣчитъ челобит-
ной войска.

¹¹⁵⁾ Яицкіе казаки находились въ это время въ составѣ дивизіи фельдмаршала Шереме-
тева, расположенной на квартирахъ въ Малороссіи, для наблюденія за Днѣпровскою Ма-
лороссіей, бывшей прежде подъ покровительствомъ Швеціи и Порту.

¹¹⁶⁾ Бековичъ 500 казаковъ вернулъ изъ Гурьева въ дома, а 1.500 взялъ съ собой въ
Хиву, гдѣ они почти всѣ и погибли.

¹¹⁷⁾ Указъ предписывалъ выставить 448 чел.; но казаки не могли собрать болѣе 368.
безъ сомнѣнія, за малолѣтствомъ, вслѣдствіе частыхъ и значительныхъ командировокъ.

¹¹⁸⁾ Напр. походы съ 1681—1685 и съ 1713—1717 годъ.

число казаковъ, а иногда и на о/военной Колле/и дировки¹¹⁹⁾. ~~не могъ итти въ походъ~~

Изъ приведенныхъ выше ~~не могъ итти въ походъ~~ значительны по численности ~~не могъ итти въ походъ~~ были ~~не могъ итти въ походъ~~ командиры Петръ Великий: въ теченіи 17 лѣтъ Яицкое войско имѣло одиннадцать походовъ, въ составѣ 8,170 человекъ и одиннадцати походныхъ атамановъ. Наиболѣе чувствительны и достопамятны Яицкому войску «Свейскіе» походы и экспедиція въ Хиву Бековича Черкасскаго: командированный съ Яика полкъ Матвѣя Рекунова въ Шведскій походъ находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ сряду¹²⁰⁾, а 1,500 Яицкихъ казаковъ, сопровождавшихъ Бековича въ Хиву, почти всѣ легли тамъ костью.

Послѣдній нарядъ на службу былъ въ 1717 г. До 1721 г. правительство, вѣроятно, вслѣдствіе большой убыли казаковъ въ Хивинскую экспедицію, не требовало отъ войска никакихъ нарядовъ, хотя въ 1720 г. именнымъ указомъ предписано всему Яицкому войску быть въ готовности. Съ 1721 года, вслѣдствіе особаго указа, половина войска была постоянно въ командировкѣ по линіи, для предосторожности отъ Киргизовъ, а другая оставалась при Яицкомъ городкѣ, въ случаѣ же нужды велѣно дѣлать наряды и изъ этой половины¹²¹⁾.

Съ 1724 по 1774 г. Яицкое войско непрерывно должно было отправлять отъ 400 до 1,000 чел. въ низовый корпусъ, или на Кавказъ¹²²⁾.

Не говоря уже о потерѣ людей, во время этихъ службъ, походы стоили Яицкому войску и значительныхъ денежныхъ затратъ или расходовъ, такъ какъ войско отбывало военную повинность на свой счетъ, въ видѣ наемки шедшихъ на службу и подмоги имъ отъ всего войска. Приведемъ нѣкоторыя числовыя данныя изъ челобитной Яицкаго войска, 12 Октября 1720 года, поданной Петру Великому отъ имени двухъ тысячъ шести сотъ казаковъ и Яицкаго атамана Ивана Иванова¹²³⁾. Первый Чигиринскій походъ стоилъ войску 2,026 рубл.; второй—3,621 р.; первый Крымскій походъ—3,016 р., второй—3,929 р.; первый Азовскій походъ—4,544 р., второй—3,540 р.; первый Шведскій походъ—11,442 р., второй—9,173 р., третій—8,044 р., четвертый—4,036 р.; походъ на Башкиръ въ 1708 г.—3,875 р.; Кубанскій походъ—14,126 р.; Харьковскій—22,642 р.; походы съ Бековичемъ Черкасскимъ—всѣ вмѣстѣ—25,207 р.; одни снаряженія для Хивинской экспедиціи стоили Яицкимъ казакамъ 21,597 р. и т. д.

Такимъ образомъ на свои походы Яицкое войско израсходовало болѣе 119,000 р.¹²⁴⁾: сумма по тому времени весьма значительная, если взять при этомъ въ расчетъ численность войска, которое

¹¹⁹⁾ Въ 1717 г. командировано 1,500 въ Хиву и 1,500 въ Украинскій походъ.

¹²⁰⁾ См. выше походъ 1704 г. Сличи Ур. В. В. 1869 г. № 36, стр. 6.

¹²¹⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 36.

¹²²⁾ Тамъ же № 25, стр. 7; № 37 стр. 6.

¹²³⁾ Урал. В. Вѣд. 1869 года (См. №№ 35 и 36). Вмѣсто атамана и всего войска подписалъ священникъ Михайлоархангельской церкви Яковъ Артемьевъ.

¹²⁴⁾ 119,221 р. Въ Ур. В. Вѣд. (1869 г., № 36) значится 119,528 р.; но этотъ итогъ больше суммы означенныхъ частныхъ расходовъ попоходно.

полковника Захарину. Слово «и» в скобках командированная сюда дѣтей и
 «и» в скобках «воистину» атамана Витошнова мнѣнія, увеличится
 Въ 1701 г., бѣа креста какъ онъ при походе походный атаманъ рубля, ког-
 духъ съ-дѣствіеся при церквахъ въ Ревустрой, такъ что
 Въ 1704 г., а изображаютъ: двукратъ вѣй Рекунъ что вышеозначен-
 Въ 1707 г. бленія зенной литургіи вновъ 5-го что вышеозначен-
 номъ Митрофанъ ревнивается-ли? не всѣ расходы ¹²⁶⁾.
 Въ 1708 г., противъ-мѣся бышихъ Башк. недоволь рыбы, отъ
 Ѳедоръ Семенниковъ, во главѣ 1,225 чел. состояніе казаковъ, угонъ
 Въ 1711 г., въ Кубанскій походъ съ Калмыками, отсутствіе въ
 у казаковъ. Апраксинымъ, командированъ и Калмыками, отсутствіе въ
 войскѣ земледѣльцевъ. время, когда казакамъ приходи-
 лось хлѣбъ покупать или мѣнять на рыбу и ея продукты въ Сама-
 рѣ, Сызрани и другихъ мѣстахъ; не забудьте и общихъ городскихъ
 расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ ¹²⁷⁾; припо-
 мните наѣзды и взятки разныхъ сыщиковъ и фискаловъ, ихъ содер-
 жаніе на войсковой счетъ и т. п., и вамъ понятно будетъ, по-
 чему войско входило иногда въ неоплатные долги ¹²⁸⁾, и почему
 оно такъ полюбило и воспѣло родной Яикъ, служившій долгое вре-
 мя почти единственнымъ источникомъ его существованія. Понятно
 будетъ и слѣдующее челобитіе Петру Великому: «Всемилоствѣйшій
 государь! Просимъ вашего величества, вели, государь, намъ, рабамъ
 твоимъ, на двѣ тысячи на шесть сотъ человекъ своимъ цар-
 скаго величества денежнымъ жалованьемъ и сукнами, порохомъ и
 свинцомъ, и ядрами, и пушками, и знаменами, и колоколами ¹²⁹⁾, и
 за пріѣзды наши, когда въ которое время для вашихъ царскаго ве-
 личества дѣлъ ни пріѣдемъ, такожь и подъемнымъ своимъ великаго
 государя жалованьемъ, за скудость нашу, дабы намъ чѣмъ
 впредь твоего великаго государя службу было служить и насъ, ра-
 бовъ твоихъ, пожаловать по своему царскаго величества милости-
 вому разсмотрѣнію, понеже мы выѣзжаемъ чрезъ степь и въ служ-
 бахъ бываемъ на своихъ лошадяхъ и на своемъ
 коштѣ» ¹³⁰⁾.

Неплюевъ, хорошо все это знавшій, не могъ не цѣнить Яицкаго
 войска, не смотря на его грубость и склонность къ расколу. Поми-
 мо тѣхъ важныхъ услугъ, которыя оказывало Яицкое войско госу-
 дарству въ его войнахъ съ внѣшними и внутренними врагами,
 жертвуя имуществомъ и жизнью, Неплюевъ хорошо сознавалъ и то
 важное стратегическое положеніе, какое принадлежало Яицкимъ ка-

¹²⁵⁾ Годныхъ же къ службѣ, какъ мы знаемъ, было только 3,196 чел. и съ атаманомъ.

¹²⁶⁾ Напр., мы не знаемъ, чего стоили войску походы 1591, 1683, 1655, 1656, 1695 гг. и походъ въ Украину 1717 г., а также командировки въ низовый корпусъ, начиналъ съ 1724 г.

¹²⁷⁾ См. проектъ Неплюева въ Ур. в. арх., по описи № 3, стр. 12—13.

¹²⁸⁾ См. указъ В. Колл. къ Неплюеву, отъ 12 Дек. 1745 г.

¹²⁹⁾ Въ 1725 г. Яицкому войску дано было 12 колоколовъ, въ которыхъ вѣсу было во-
 всѣхъ 103 пуда, а въ 1734 г. — шесть колоколовъ вѣсомъ 45 пудовъ (всѣ шесть вмѣстѣ).
 См. Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 13.

¹³⁰⁾ См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 36, стр. 4.

закамъ на востокъ иногда и на оводства, промысло въ этомъ малонасхъ выше вать на раскольнениости быль противъ всяицкое войско имѣло одиннадцать походовъ, въ обрядцевъ. Мы видѣли и одиннадцати походныхъ атамановъ. Наинашевичъ заботился и достопамятны Яицкому войску «Свейскіе» крыты школы, и чтобы Хиву Бековича Черкаскаго: командированскій ¹³²), правдивый и безвѣя Рекунова въ Шведскій походъ находил и Астраханской іерархій, отъ сряду ¹²⁰), а 1,500 Яицкихъ казугамъ Луки Конашевича въ дѣлѣ пр. Хиву, почти всѣ легли лгвы, безпристрастно замѣчаетъ о его миссіонерск. 1717, распоряженіяхъ: «Какъ особливо Татары не столь преклонны къ благочестію; то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми утѣшеніями, создаи насильно въ срединѣ селеній ихъ церкви и часовни, избирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, чрезъ что сильно ихъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нетерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія» ¹³³). Подобную нетерпимость проявилъ Лука Конашевичъ и къ Яицкимъ раскольникамъ. Недовольство, которое выказывали иновѣрцы и преимущественно Татары, по поводу крутыхъ мѣръ архипастыря, равно какъ и недовольство Яицкаго войска, вызванное преслѣдованіемъ раскольниковъ, не могли не озабочивать правительства, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Оренбургской губерніи среди Башкиръ вспыхнулъ сильный мятежъ противъ Русской власти, имѣвшій, по выраженію профессора Оирсова, «всѣ признаки борьбы за вѣру Магомета и стремившійся охватить и магометанское населеніе Приволжья» ¹³⁴). Для подавленія этого мятежа, нужны были военныя силы, и прежде всего, силы Яицкихъ казаковъ, какъ ближайшихъ сосѣдей магометанскаго населенія Оренбургскаго края; слѣдовательно идти противъ желанія Яицкаго войска теперь было бы неумѣстно, и вотъ почему В. Коллегія охотно согласилась на представленіе Неплюева прекратить всякое преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ и оставить казаковъ въ покоѣ.

Находя неудобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена подѣ наблюдениемъ Казанскаго епископа, правительство рѣшилось приостановить такую пропаганду, а «епископъ Лука, какъ замѣчаетъ Любарскій, въ томъ же (1755) году переведенъ былъ въ Бѣлогородскую епархію (гдѣ по немногихъ годахъ скончался)—въ предвареніе всеобщаго

181) Яицкіе казаки вели торговлю и съ непріятельской Хивой.

132) Платонъ Любарскій былъ 1772 — 1778 г. ректоромъ и учителемъ богословія въ Казанской Семинаріи, а потомъ архіепископомъ Астраханскимъ.

133) См. его Исторію Казанской іерархіи, рукопись въ библ. Каз. Дух. Академіи. Слич. Прав. Собес. за 1858 г., т. III, стр. 498.

134) См. инородческое население прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. Н. А. Ойрсова. Казань, 1869 г., стр. 210.

и ссоры, а также въ прекращеніи вѣдѣнаго случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительственными несогласій» ¹³⁵⁾. Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за умнымъ и дѣятельнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи. Стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ и, наконецъ, приобрѣтеніе для церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ ¹³⁶⁾, обращенныхъ изъ иноподданцевъ въ Православіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ наружно,—все это заставляеть насъ мириться съ запальчивостію и религіозной нетерпимостію Луки въ его миссіонерской дѣятельности и питать къ нему должное уваженіе. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: «Казанская епархія своимъ просвѣщеніемъ, благочестіемъ и должнымъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія періодъ начинается» ¹³⁷⁾.

В. Витевскій.

(Окончаніе будетъ).

¹³⁵⁾ Тамъ же, стр. 209. Слич. Прав. Собесѣд. 1868 г., № 8, стр. 103.

¹³⁶⁾ Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка крещенныхъ иновѣрцевъ въ Казанской епархіи считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,000 душъ. См. Пр. Соб. 1858 г., т. III, стр. 477.

¹³⁷⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 564.